

Элино́р Порте́р

Поллианна

Удивительная история девочки-сироты (которую из «чувства долга» взяла к себе суровая тетка), умение которой при любых обстоятельствах радоваться жизни, видеть во всем лучшую сторону помогает не только ей самой, но и окружающим ее людям.

Почти детективные повороты сюжета, психологическая точность, с которой автор создает образы, — все это неизменно привлекает к книге внимание читателей вот уже нескольких поколений.

1912гuenAntonИвановАннаУстиноваBlackJackFB Tools2005-01-237ED4772E-6D61-4902-8E6A-FD5BB0DE90561.0Портер Э. ПоллианнаАСТ, АстрельМ.20015-271-02272-2, 5-17-008073-5EleanorPorterPollyanna1912

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru

Все книги автора

Эта же книга в других форматах

Приятного чтения!

«Поллианна» впервые издана в 1912 году. Давно нет в живых ее автора — известной американской писательницы Элино́р Порте́р (1868-1920), давно уже первые поклонники книги превратились не только в дедушек и бабушек, но и в прадедушек и прабабушек, а приключения девочки со странным именем Поллианна по-прежнему дороги и близки юным читателям англоязычного мира.

Элино́р Порте́р родилась в Нью-Гемпшире. Предки ее из тех, о ком в США с почтением говорят: "Они прибыли на «Мэйфлауэре»! С детства Элино́р обожала музыку, и все думали, что она станет певицей. Завершив музыкальное образование в Бостоне, она и впрямь пела в церковных и светских хорах. Но, выйдя замуж, оставила музыку. Позже она переезжает в Нью-Йорк. Там из-под ее пера один за другим выходят сборники рассказов и первый роман «Пересечь поток». Живость персонажей и ситуаций, глубоко христианское осмысление мира сразу привлекли внимание к молодой писательнице. А подлинную славу ей принесла «Поллианна». Элино́р Порте́р написала ее в саду, разбитом прямо на крыше нью-йоркского дома. По словам автора, о лучшем кабинете она и мечтать не могла. Тому, кто прочтет «Поллианну», тут будет о чем задуматься...

Ныне «Поллианна» давно признана классикой детской литературы. Самые престижные издательства публикуют ее рядом с такими произведениями, как «Маленькие женщины» Луизы Олкотт или «Серебряные коньки» Мэри Додж.

Книга несколько раз была экранизирована в США и других странах; одной из исполнительниц роли Поллианны была Мэри Пикфорд. Мы верим, что и ты полюбишь «Поллианну» не меньше, чем твои американские и английские сверстники.

Издатели

В это июньское утро мисс Полли Харрингтон вошла в кухню чуть быстрее обычного. Для уравновешенной и невозмутимой мисс Полли это было столь странно, что мывшая посуду Нэнси рот раскрыла от изумления. Правда, она служит на кухне у мисс Полли всего два месяца, но ей уже известно, что хозяйка привычкам своим изменять не любит. Мисс Полли сегодня и впрямь торопилась:

— Нэнси!

— Да, мэм? — продолжая мыть посуду, весело ответила Нэнси.

— Нэнси, — на этот раз голос мисс Полли прозвучал гораздо строже, — мне бы хотелось, чтобы ты, когда я с тобой говорю, прекращала работу и внимательно меня слушала.

Нэнси смутилась и покраснела. Она быстро поставила кувшин на стол, но полотенце, которым она его вытирала, зацепилось за ручку, и кувшин едва не полетел на пол. Нэнси смутилась еще больше.

— Вы совершенно правы, мэм, конечно, мэм, — поймав в воздухе кувшин, пролепетала она. — Я продолжала работать, чтобы быстрее покончить с посудой. Вы ведь сами велели мне поскорее помыть ее.

Хозяйка нахмурилась.

— Хватит, Нэнси. Я не просила тебя ничего объяснять. Я просто хочу, чтобы ты внимательно меня выслушала.

— Слушаю, мэм, — едва подавив вздох, сказала Нэнси.

«В жизни мне не угодить этой женщине!» — сокрушенно подумала она. Нэнси никогда не предполагала, что ей придется идти в прислуги. Но, неожиданно овдовев, мать ее тяжело занемогла от горя и кому-то надо было кормить семью, в которой было еще трое детей младше Нэнси. Вот почему, получив место на кухне в большом Доме на холме, Нэнси очень обрадовалась.

Нэнси и ее родные жили в местечке Корнере, в шести милях от Дома на холме, и о мисс Полли Харрингтон девушка знала только то, что она единственная владелица поместья Харрингтонов и одна из самых богатых жительниц города. За два месяца Нэнси успела неплохо узнать мисс Харрингтон. Хозяйка оказалась педантичной особой с суровым лицом и строгим взглядом. Она так хмурилась при любом беспорядке, точно от звука свалившегося на пол ножа или хлопанья двери и впрямь могла произойти трагедия. Но даже когда с ножами, дверьми и прочим не происходило ровно никаких неприятностей, мисс Полли не становилась ни веселей, ни приветливей.

— Когда закончишь все, что обычно делаешь утром, — продолжала мисс Полли, — разбери маленькую комнату на чердаке. Вытащи оттуда все сундуки и ящики, подмети и вымой как следует пол и поставь кровать.

— Хорошо, мэм. Только вот куда мне девать все, что я вытащу?

— Перенесешь в другую часть чердака... Мисс Полли задумалась, потом сказала:

— Думаю, Нэнси, лучше уж сразу все рассказать. Сюда приезжает моя племянница, мисс Поллианна Уиттиер. Ей одиннадцать лет, Нэнси. Она и будет спать в этой комнате.

— Ох, мисс Харрингтон! Сюда приедет девочка! Вот хорошо! — в восторге выпалила Нэнси. Она-то уж знала, сколько радости в доме от младших сестер.

— Хорошо? — сухо отозвалась мисс Полли. — Я бы этого не сказала. Конечно же, я сделаю для нее все, что от меня зависит. Надеюсь, у меня хватит чувства долга и доброты.

Нэнси опять покраснела.

— Разумеется, мэм. Я ведь только хотела сказать, что ребенок в доме, наверное, будет вам в радость.

— Спасибо на добром слове, милая, — совсем ледяным голосом произнесла мисс Полли, — но мне не кажется, что в моей жизни должно еще что-то быть.

— Захотели же вы, чтобы она сюда въехала, — не сдавалась Нэнси. Она уже чувствовала: если не постараться самой, маленькая незнакомка вряд ли тут встретит радушный прием.

Мисс Полли вздернула подбородок и смерила служанку надменным взглядом.

— Вот уж действительно, Нэнси. Ума не приложу, почему только из-за того, что моя сестра имела глупость выйти замуж и подарить ребенка миру, в котором, по-моему, и без того слишком много людей... Почему, я тебя спрашиваю, мне из-за этого должно захотеться кого-то воспитывать? Нет, моя дорогая, тут дело не в том, что мне хочется и чего не хочется. Просто у меня, в отличие от многих других, очень развито чувство долга. Хочу еще раз напомнить тебе, Нэнси: убери комнату как следует и не забудь хорошенько промести углы, — закончила мисс Полли и, резко повернувшись, вышла из кухни.

— Слушаюсь, мэм, — прошептала Нэнси ей вслед и, вздохнув, снова взялась за посуду.

Вернувшись в свою комнату, мисс Полли взяла в руки письмо, которое и внесло неожиданную сумятицу в ее жизнь. Оно пришло из маленького городка на Дальнем Западе. Мисс Полли снова внимательно взглянула на конверт, словно еще надеялась, что письмо адресовано не ей. Но на конверте значилось: «Мисс Полли Харрингтон, Белдингсвилль, Вермонт». Мисс Полли достала сложенный вдвое листок. Текст она знала почти наизусть:

Дорогая мадам!

Вынужден с прискорбием сообщить, что преподобный Джон Уиттиер скончался две недели назад. Как Вам, наверное, известно, покойный был пастором-миссионером в маленькой церкви и получал крайне скромное жалованье. Вот почему состояние, которое он оставил после себя, ограничивается лишь несколькими книгами. Таким образом, дальнейшая судьба его ребенка — девочки одиннадцати лет — совершенно неясна.

Мистер Джон Уиттиер рассказывал мне, что его безвременно умершая жена приходилась Вам сестрой. Но он также дал мне понять, что Ваши семьи не поддерживали дружеских отношений. Несмотря на это, перед смертью он выражал надежду, что Вы, в память о покойной сестре, не оставите девочку своей заботой и, взяв ее к себе, дадите ей подобающее воспитание.

По этой причине я и решился обеспокоить

Вас. К тому времени, как Вы получите это письмо, девочка будет готова отправиться в путь, и все зависит от Вашего решения. Если оно окажется положительным, мы все будем очень Вам благодарны. Единственная просьба — не задерживать в таком случае с ответом. Дело в том, что в Ваши края как раз отправляется супружеская чета, которой я мог бы доверить девочку. Она доехала бы с ними до Бостона, а там они посадили бы ее на Белдингсвилльский поезд. Разумеется, дату ее приезда и номер поезда мы сообщим дополнительно.

Очень надеюсь, дорогая мадам, на скорый положительный ответ.

Искренне Ваш Иеремия О. Уайт.

Мисс Полли с хмурым видом засунула письмо обратно в конверт. Она уже послала вчера ответ, и заверила мистера Иеремию О. Уайта, что, конечно же, возьмет к себе девочку. «Если у человека так развито чувство долга, как у меня, — удовлетворенно подумала она, — он просто не может поступить иначе».

Мисс Полли вспомнила, как ее двадцатилетняя сестра Дженни, несмотря на протесты родителей, настояла на своем и вышла замуж за молодого пастора. А ведь за ней ухаживал богатый человек, и домашние считали, что она должна выбрать его. Но Дженни и слушать о нем не хотела. Богатый жених, с ее точки зрения, сильно проигрывал пастору, который был молод, беспечен и беден, зато обладал пылким сердцем. Дженни, не задумываясь, предпочла положению в обществе молодость и любовь. Словом, она стала женой миссионера и отправилась с ним на Юг.

С той поры родители разорвали с ней всякие отношения. Мисс Полли в то время было всего пятнадцать лет, но она хорошо запомнила эту историю. Родители не пожелали иметь ничего общего с семьей миссионера. Дженни какое-то время пыталась наладить мир, и даже единственного ребенка, оставшегося в живых (остальные ее дети умерли), назвала в честь своих сестер Полли и Анны — Поллианной. Но и письмо, в котором она сообщала об этом, родные ответа не удостоили. Больше писем от Дженни не было. А несколько лет спустя из маленького городка на Дальнем Западе пришла короткая записка, в которой пастор уведомлял их о смерти жены.

Но и обитателей Дома на холме время не пощадило. Глядя на простирающуюся внизу долину, мисс Полли вспомнила все, что ей пришлось пережить за эти двадцать пять лет. Теперь ей уже было сорок, и она осталась совсем одна в этом мире. Отец, мать, сестры — все умерли. Уже много лет она была единственной хозяйкой этого огромного дома и крупного состояния, которое завещал ей отец. Иные из знакомых откровенно сочувствовали ее одиночеству. Иные даже советовали поселить в доме подругу или компаньонку. Но мисс Полли уверяла, что совершенно не жаждет общества, напротив, ей очень нравится жить в тишине и покое. И вот теперь...

По-прежнему хмурая, с плотно сжатыми губами, мисс Полли поднялась со стула. Конечно, ей было чем гордиться. Она снова доказала себе, что у нее «достаточно развито чувство долга и хватает характера, чтобы жить согласно этому чувству». Но Поллианна... Надо же было догадаться дать ребенку такое нелепое имя!

Нэнси яростно скребла и мыла в комнате на чердаке. Особенное внимание она уделяла углам. Это была поистине титаническая работа. Но усилия, которые вкладывала в нее Нэнси, свидетельствовали скорее о гневе, чем о слишком большом усердии. Да, да, именно гневе, ибо, несмотря на внешнюю покорность и почтительность к хозяйке, Нэнси совсем не была безропотным существом.

— Если бы я могла выудить на свет закоулки ее души! — возмущенно шептала она, вкладывая весь свой пыл в скребок, которым извлекла пыль из углов и щелей. — Уж я бы почистила эти закоулки как надо, — продолжала она, еще яростнее скребя пол. — И приходит же некоторым в голову запихнуть несчастного ребенка в такую комнату! Летом тут жарко, как в печке, а зимой как раз печки и не хватает. И это при том, что у нее дом в столько комнат, где все равно жить некому! «Подарить ребенка миру, в котором и без того много людей!» — свирепо передразнила она хозяйку. — И что у нее только с совестью!

Нэнси с такой силой выжала тряпку, что чуть пальцы себе не вывихнула.

— В мире, может, и впрямь слишком много людей, — снова проворчала она, — только вот не детей там слишком много, а таких бессердечных особ!

Покончив с уборкой, Нэнси окинула маленькую комнату недовольным взглядом.

— Свою работу я, во всяком случае, сделала на славу, — выдохнула она. — Теперь тут нет ни соринки. Правда, — она невесело усмехнулась, — ничего другого тут тоже нет. Бедная крошка! Нечего сказать, хорошенькое местечко для одинокой души!

Гнев снова овладел ею и, выходя из комнаты, Нэнси изо всей силы хлопнула дверью.

— Ой! — тут же спохватилась она. Но сейчас ее даже не страшил выговор, который она могла получить от хозяйки за шум в доме. — Мне все равно, — пробормотала Нэнси. — По мне, так даже лучше. Пусть слышит, как я хлопнула дверью!

В тот же вечер, уловив свободную минутку, Нэнси разыскала старика Тома — садовника, много лет проработавшего у Харрингтонов. Она нашла его у клумбы. Низко склонившись, старый Том колдовал над цветами.

— Мистер Том, — начала Нэнси. Она быстро оглянулась и, убедившись, что за ними никто не следит, продолжала: — Вы знаете, мистер Том, к мисс Полли приезжает девочка. Она будет жить тут.

— Какая девочка? — с трудом разгибаясь, спросил старик.

— Такая. Она будет жить у мисс Полли.

— Болтай, болтай! Ты мне еще расскажи, что завтра солнце закатится на востоке.

— Да я правду говорю, мистер Том. Мне мисс Полли сама сказала. Эта девочка — ее племянница, ей одиннадцать лет.

Старик замер от изумления.

— Ну и ну! — воскликнул он, и его выпуклые глаза вдруг засветились каким-то удивительно ласковым светом.

— Быть того не может, — продолжал он так, словно мыслил вслух. — И все-таки, да. Ну да, так и есть. Больше некому. Другие две никогда и замужем не были... Нэнси! — радостно закричал он. — Да это, верно, маленькая дочурка мисс Дженни. Все-таки Господь дал мне дожить до этого! Неужто я и впрямь увижу ее?

— А кто такая мисс Дженни?

— О, она была ангелом во плоти, — с нежностью прошептал Том. — Но старым хозяину и хозяйке она приходилась просто дочерью. Старшей дочерью. Когда ей было двадцать лет, она вышла замуж и уехала. Я слышал, она родила несколько детей, но все они умерли, кроме последней девочки. Вот она-то, видно, и приезжает к нам.

— Ей одиннадцать лет.

— Вполне вероятно, — утвердительно кивнул головой старик.

— Знаете, мистер Том, она отвела ей место на чердаке. И как только ей не стыдно? — сердито проговорила Нэнси и не слишком дружелюбно глянула на хозяйский дом.

Старый Том нахмурился. Но мгновение спустя его губы скривились в усмешке.

— Представить себе не могу, как будет мисс Полли уживаться с ребенком, — проговорил он. Нэнси презрительно хмыкнула. I

— Что до меня, не представляю, как ребенок сможет ужиться с мисс Полли, — резко ответила она.

Старик засмеялся.

— Сдается мне, ты не слишком-то любишь мисс Полли.

— Можно подумать, что ее вообще можно любить, — угрюмо отозвалась Нэнси.

Том как-то странно взглянул на нее, потом опять склонился над клумбой.

— Конечно, ты и слышать не могла о любовной истории мисс Полли, — медленно проговорил он.

— Любовной истории? Мисс Полли? — вытаращилась на садовника Нэнси. — Вот уж никогда б не подумала, что с ней могло приключиться такое!

— Понимаю, понимаю, — кивнул головой старик. — И все-таки это было. А ее возлюбленный до сих пор живет в нашем городе.

— Кто же он, мистер Том?

— Этого я тебе говорить не имею право. Старик кинул горделивый взгляд на хозяйский дом. Ото всего его облика веяло сейчас достоинством старого слуги, который прослужил в семье много лет и всецело стоит на страже ее интересов.

— Ну, дела... — Нэнси все еще не могла оправиться от потрясения. — Мисс Полли и возлюбленный!

Старый Том задумчиво посмотрел на девушку.

— Если бы ты знала ее столько, сколько я, тебя бы это совсем не удивило, — сказал он. — Поверь уж мне, она была просто красавицей. Да она бы и сейчас выглядела отменно, если бы ей носила старушечьи платья да не забирала волосы в пучок.

— Мисс Полли? Она была красавицей? — по-прежнему недоумевала Нэнси.

— Да, и если бы она сейчас распустила волосы, как раньше, надела шляпку с цветами и белое кружевное платье, ты сама сразу бы убедилась. Она ведь еще совсем не старая, Нэнси.

— Не старая? — усмехнулась Нэнси. — В таком случае, скажу вам, мистер Том, она очень хорошо представляет старуху.

— Знаю, милая. Такая она с тех пор, как рассталась с возлюбленным, — ответил старик. — С той поры она словно одними колючками питается. Она стала такой сухой, желчной...

— Это уж точно, — с возмущением подхватила Нэнси. — Что ей ни сделаешь, она всегда недовольна. Не плати она мне такие хорошие деньги и не нуждайся так мои домашние, ни за что бы не пошла к ней работать. Но все равно я когда-нибудь не выдержу и выскажу ей все. Тогда мне придется распрощаться с этим домом. Вот так я вам и скажу, мистер Том, не выдержу. Вот так я вам и скажу.

Старый Том с грустью взглянул на Нэнси.

— Я понимаю, — спокойно ответил он. — В том, что ты говоришь, нет ничего удивительного. Но, поверь мне, так поступить легче всего. Это не лучший выход, дитя мое. Не лучший.

И он опять принялся обрабатывать свою клумбу.

— Нэнси! — послышался резкий голос.

— Иду, мэм, — робко промолвила Нэнси и поспешила домой.

Некоторое время спустя пришла телеграмма. В ней сообщалось, что Поллианна прибудет в Белдингсвилль на следующий день — двадцать пятого июня, в четыре часа дня. Прочитав телеграмму, мисс Полли с хмурым видом направилась в комнату на чердаке. Она придирчиво осмотрела ее. В комнате стояли маленькая, аккуратно застланная кровать, два жестких стула, комод без зеркала и маленький столик. Штор на окнах не было, и ни одна картина не украшала стены. Весь день солнце нещадно палило крышу, и маленькая комната раскалилась словно духовка. Жара усиливалась из-за того, что на

окнах не было защитных сеток от насекомых и их приходилось держать закрытыми. В стекла, сердито жужжа, билась большая муха.

Мисс Полли прихлопнула муху, чуть приподняв окно, выбросила ее на улицу и снова плотно закрыла раму. Затем она поправила стул и со столь же хмурым видом покинула комнату.

Мгновение спустя она остановилась у кухонной двери.

— Нэнси, — сказала она. — Я была в комнате мисс Поллианны и нашла там муху. Видно, кто-то открывал окно. Я заказала сетки от насекомых. Но пока они не готовы, прошу тебя проследить, чтобы окна в комнате мисс Поллианны не открывались. Моя племянница придет завтра в четыре часа дня. Я хочу, чтобы ты встретила ее на станции. Тимоти заложит открытую коляску, и ты поедешь вместе с ним. В телеграмме сказано: «Светлые волосы, платье из хлопка в красную клетку и соломенная шляпа». К этому я ничего не могу добавить. Но, думаю, ты и так узнаешь ее.

— Хорошо, мэм, но... вы...

Несмотря на невнятное бормотание Нэнси, мисс Полли прекрасно поняла, что та хотела сказать.

— Нет, — резко возразила она, — я не поеду. В этом нет никакой необходимости. Надеюсь, ты все поняла?

И, повернувшись, мисс Полли вышла из кухни с сознанием выполненного долга. По ее мнению, подготовка к приезду племянницы завершилась наилучшим образом.

Не успела она покинуть кухню, как Нэнси, которая в это время гладила, с силой вдавила утюг в полотенце.

— «Светлые волосы, платье из хлопка в красную клетку и соломенная шляпа». «К этому я ничего не могу добавить. Но, думаю, ты и так узнаешь ее», — передразнила она хозяйку. — На вашем месте мне было бы стыдно, мисс Полли. Если бы моя единственная племянница ехала бы ко мне через весь континент, а я бы почти ничего не знала о ней и даже встречать не захотела бы ехать! Какой позор! Вот так и скажу: позор!

И вконец разгневанная Нэнси еще долго высказывала свое возмущение ни в чем не повинным полотенцам.

На другой день, ровно без двадцати четыре Тимоти и Нэнси выехали из дома в открытой коляске. Тимоти был сыном старого Тома, и в городе часто повторяли: если старый Том — правая рука мисс Полли, то Тимоти — левая. Это был добродушный молодой человек чрезвычайно привлекательной наружности. Хотя Нэнси работала у мисс Полли совсем недавно, они уже успели подружиться с Тимоти, и с удовольствием болтали при каждой встрече. Однако сейчас Нэнси была настолько взволнована возложенной на нее миссией, что даже разговаривать не могла и, к удивлению Тимоти, они почти весь путь до станции проделали молча. Когда же они, наконец, добрались до места, Нэнси выпрыгнула из коляски и поспешила на платформу. «Светлые волосы, платье из хлопка в красную клетку и соломенная шляпа», — беспрестанно твердила она про себя, снова и снова пытаясь представить, какой же окажется эта Поллианна?

Тимоти догнал Нэнси уже на платформе.

— Знаешь, — сказала ему Нэнси, — лучше всего, если Поллианна окажется тихой, разумной и не станет ронять на пол ножи или хлопать дверьми.

— Прямо не знаю, что будет со всеми нами, если она окажется другой, — со смехом ответил Тимоти, — ты только вообрази себе, Нэнси, мисс Полли и строптивый ребенок под одной крышей! Ой! — вдруг крикнул он. — Уже поезд подходит! Слышишь свисток?

— Знаешь, Тимоти, по-моему, это ужасно с ее стороны, что она послала меня сюда! — выпалила Нэнси и помчалась на другой конец платформы. Ей казалось, что оттуда она сможет лучше разглядеть пассажиров, которые сойдут с поезда на их маленькой станции.

Вскоре Нэнси увидела ее. Две светлые косички, лицо, усеянное веснушками, глаза, напряженно что-то высматривающие... И, вдобавок ко всему, платье в красную клетку и соломенная шляпа. Ну, конечно же, это Поллианна!

Нэнси еще какое-то время оставалась на месте; ей надо было унять дрожь в коленках. Справившись немного с волнением, она подошла к девочке.

— Вы мисс Поллианна? — спросила она. В следующий миг на ее шее сомкнулись две руки в клетчатых рукавах, и Нэнси едва не задохнулась в объятиях.

— Ой! Я так рада! Так рада увидеть вас! — крикнула Поллианна прямо в ухо Нэнси. — Ну, конечно же, я Поллианна! Я так рада, что вы приехали встретить меня! Я так мечтала об этом!

— Ты мечтала? — переспросила Нэнси, которую совершенно ошеломило это заявление. Она решительно не могла взять в толк, каким образом Поллианна не только узнала о ее существовании, но даже мечтала, чтобы она ее встретила?

— Ты мечтала? — во второй раз переспросила Нэнси, пытаясь вернуть на место сбившуюся шляпу.

— Ну, да. Я все время, пока ехала, пыталась представить себе, какая вы! — воскликнула девочка. И, встав на цыпочки, принялась внимательно разглядывать Нэнси. — А теперь я увидела вас! И я знаю, как вы выглядите! Я рада, что вы такая!

Нэнси не знала, куда девать себя от смущения. Но тут к ним подошел Тимоти, и ей стало чуть легче.

— А это наш Тимоти, — едва слышно пролепетала она, — у тебя есть чемодан, Поллианна?

— Ну да, есть, — важно ответила девочка. — Мне его купила Женская помощь[1]. Совсем новенький чемодан. Правда, это очень щедро с их стороны? Ведь они так хотели купить ковер для церкви! Конечно, я не знаю, сколько красного ковра можно купить вместо чемодана, но, думаю, этого хватило бы на пол-алтаря. Вы тоже так думаете? У меня в сумке есть такая маленькая бумажка. Мистер Грей сказал, что это квитанция, и я должна отдать ее вам, а вы получите мой чемодан. Мистер Грей — это муж миссис Грей. Они родственники жены пастора Карра. Мы вместе ехали с Дальнего Запада. Знаете, они

просто очаровательные люди. А вот и квитанция! — воскликнула она, извлекая из сумки бумажку.

Тут Нэнси инстинктивно перевела дух. Она просто почувствовала, что кто-то должен это сделать после такой длинной речи. Затем она украдкой посмотрела на Тимоти. Но тот отвернулся и им так и не удалось встретиться взглядами.

Потом они получили чемодан Поллианны и пошли туда, где оставили коляску. Чемодан положили сзади, а Поллианна втиснулась на сиденье между Нэнси и Тимоти. Пока все устраивались, Поллианна беспрестанно болтала или что-нибудь спрашивала. Поначалу Нэнси успевала ответить, но вскоре отчаялась и умолкла в изнеможении.

Как красиво! — тараторила Поллианна. — А это далеко? Я так люблю ездить в коляске! Но если это не далеко, я не буду очень жалеть, потому что я так рада буду увидеть, куда мы приедем. Ой, какая красивая улица! Я так и знала, что тут очень красиво! Мне папа говорил...

На этой фразе горло у нее перехватил спазм, и она остановилась. Нэнси посмотрела на нее и заметила в ее глазах слезы. Но секунду спустя Поллианна уже совершенно овладела собой и затараторила с новой силой:

— Папа говорил мне о вашем городе, а миссис Грей сказала, что я должна объяснить вам, почему я в красном клетчатом платье. Она сказала, что вам, наверное, это покажется странным. Но среди последних пожертвований в Миссии не оказалось ни одного черного платья. Там был только верх от черного бархатного платья. Но жена пастора Карра сказала, что он мне совершенно не годится, и еще он протерся на локтях и на сгибах. Когда они это увидели, часть Женской помощи хотела купить мне черное платье и шляпу, а другая часть решила истратить эти деньги на красный ковер для церкви, а миссис Уайт сказала, что, может, так будет и лучше. Мне, говорит, не нравятся дети в черном платье. То есть, ей не дети не нравятся, а когда их одевают в черную одежду.

Поллианна перевела дух. Воспользовавшись паузой, Нэнси успела вставить: — Ну, по моему, цвет платья не имеет значения.

— Я рада, что вы на это смотрите точь-в-точь как я, — сказала Поллианна, и горло ее снова перехватил спазм. — Конечно, — грустно добавила она, — в черной одежде мне было бы гораздо труднее радоваться...

— Радоваться?! — воскликнула Нэнси. Слова Поллианны настолько поразили ее, что она даже не дала ей договорить.

— Ну да, радоваться, — невозмутимо продолжала Поллианна, — я ведь рада, что мой папа сейчас в раю. Он ведь теперь с мамой и остальными детьми. Он сам мне говорил, что я должна радоваться. Но мне все равно очень трудно радоваться. Даже несмотря на красное платье. Ведь мне он так нужен! У мамы и у других детей там есть Бог и ангелы, а у меня никого не осталось, кроме Женской помощи. Но теперь-то я уверена, что мне будет легче. Ведь теперь у меня есть вы, тетя Полли! Я так рада, что у меня есть вы!

Тут сочувствие, с которым Нэнси внимала маленькому несчастному существу, сменилось ужасом.

— Милая Поллианна! Ты ошибаешься! Я не твоя тетя Полли. Я всего лишь Нэнси.

— Вы — не тетя Полли? — растерянно прошептала девочка.

— Нет, я Нэнси. Никогда не "думала, что меня можно спутать с твоей тетей. Между нами ничего общего-то нет.

Тимоти тихонько прыснул в кулак, но Нэнси эта история очень расстроила, и ей было не до шуток.

— Но тогда кто же вы? — спросила Поллианна. — Вы совсем не похожи ни на кого из Женской помощи.

Тимоти больше не мог сдерживаться и громко расхохотался.

— Я Нэнси. Служанка мисс Полли. Я делаю всю работу по дому, кроме стирки и глажки крупных вещей. Это по части миссис Дерджин.

— А вообще-то тетя Полли есть? — с тревогой спросила девочка.

— О, тут тебе не следует сомневаться, — заверил ее Тимоти. — Еще как есть! Поллианна тут же успокоилась.

— Ну, тогда все в порядке, — весело сказала она.

С минуту они ехали в тишине. Затем Поллианна заговорила вновь:

— А вообще-то я рада, что она не приехала меня встречать. Потому что так бы я ее уже узнала, а сейчас я еще ее не знаю. И потом, теперь у меня есть вы.

Нэнси покраснела. Тимоти тут же повернулся к ней.

— Ну и тонкий же комплимент отпустила тебе юная леди! — воскликнул он и улыбнулся. — Я бы на твоём месте сказал ей спасибо. Что же ты молчишь, Нэнси?

— Просто я думала о мисс Полли, — ответила вконец смущенная Нэнси.

— Я тоже о ней думаю, — весело подхватила Поллианна. — Мне так интересно! Знаете, ведь она моя единственная тетя, а я так долго вообще не знала, что она у меня есть. А потом папа рассказал мне о ней. Он сказал, что она живет в красивом доме на вершине холма.

— Правильно, — ответила Нэнси. — Погляди. Видишь, вон там большой белый дом с зелеными ставнями?

— Ой, какой хорошенький! И вокруг него столько деревьев и травы! Я никогда еще не видела столько зелени сразу! Нэнси, а моя тетя Полли богатая? — спросила Поллианна.

— Да, мисс.

— Ой, я так рада! Наверное, это так здорово, когда много денег! У нас ни разу не было много денег! И ни у кого из знакомых — тоже. Вот только у Уайтов. Они довольно богатые. У них в каждой комнате по ковру, а по воскресеньям они едят мороженое. А у тети Полли бывает по воскресеньям мороженое?

Нэнси отрицательно покачала головой. Она попробовала вообразить, как тетя Полли ест по воскресеньям мороженое, и ее начал разбирать смех. Губы ее задрожали, и они с Тимоти обменялись лукавыми взглядами.

— Нет, мисс, твоя тетя, наверное, не любит мороженого. Я, во всяком случае, ни разу не видела ничего подобного у нее на столе.

У Поллианны лицо вытянулось от удивления.

— Ой, она не любит? Жалко! Не представляю, как можно не любить мороженого? Но зато я могу радоваться, что теперь у меня не будет болеть живот. Я у миссис Уайт съедала столько мороженого, что у меня потом часто болел живот. А ковры у тети Полли есть?

— Ковры есть, — подтвердила Нэнси.

— В каждой комнате?

— Ну, почти в каждой, — ответила Нэнси и внезапно нахмурилась. Она вспомнила о маленькой комнате на чердаке, где уж точно не было ковра.

— Ой, я так рада! — воскликнула Поллианна. — Я так люблю ковры. У нас их не было. Только два совсем маленьких. Они попали к нам из благотворительных пожертвований. На одном было полно чернильных пятен. А у миссис Уайт на стенах еще висели картины. Такие красивые картины! На них были маленькие девочки на коленях, и котенок, и ягнята, и лев. Конечно, они были не все вместе, а по отдельности. Это в Библии говорится, что лев и ягнята когда-нибудь будут вместе, но на картинах миссис Уайт все пока по отдельности. По-моему, красивые картины просто невозможно не любить, правда?

— Я... я не знаю, — ответила Нэнси, и голос ее дрогнул.

— А я очень люблю картины, — продолжала девочка. — У нас дома картин не было, потому что среди пожертвований они попадают очень редко. Только однажды нам достались две. Но одна оказалась такой хорошей, что папа продал ее и купил мне ботинки. А другая была такая дряхлая, что рама сразу развалилась на части, не успели даже на стену повесить. Я так плакала... А теперь я даже рада, что у нас не было красивых вещей. Потому что теперь мне будут больше нравиться те, которые есть у тети Полли. Ведь я к ним не успела привыкнуть. Это, знаете, все равно что новые разноцветные ленточки, которые находишь в пожертвованиях после того, как жертвовали одни выцветшие. Ой, это просто потрясающе красивый дом! — резко переменила она тему, ибо именно в этот момент Тимоти свернул к Дому на холме.

Когда они, наконец, остановились, и Тимоти принялся отвязывать чемодан, Нэнси подошла к нему и тихо шепнула:

— Ты теперь даже и заикаться не смей, что уволишься отсюда, Тимоти Дерджин. Я, во всяком случае, не уволюсь отсюда, даже если мне кто-нибудь пообещает платить в два раза больше.

— Увольняться? Да ни за что на свете! — пылко шепнул молодой человек и весело засмеялся. — Теперь меня отсюда и силой не вытянешь. С этой девочкой тут станет веселее, чем в кино.

— Тебе бы только веселиться! — возмутилась Нэнси. — А я вот думаю, бедняжке нелегко придется, как только она заживет вместе с тетушкой. Боюсь, ей не обойтись без надежного защитника. А раз так, уж я защищу ее, — твердо сказала она.

Потом она подошла к Поллианне и, взяв ее за руку, решительно зашагала вверх по широкой лестнице.

Увидев племянницу, мисс Полли не вскочила с кресла и не бросилась ей навстречу. И все-таки надо отдать ей должное: стоило Нэнси и девочке показаться в дверях гостиной, как она милостиво подняла глаза от книги и даже протянула Поллианне руку, каждый палец которой сейчас выглядел так значительно, словно воплощал собой «очень развитое чувство долга».

— Ну, как добралась, Поллианна? Я...

Больше мисс Полли ничего не успела сказать, ибо Поллианна пулей пронеслась через всю комнату и плюхнулась на ее жесткие и не привыкшие к такому обращению колени.

— Ой, тетя Полли, тетя Полли! Прямо не знаю, до чего я рада, что вы разрешили мне приехать и жить у вас, — всхлипывая, говорила она. — Вы даже представить себе не можете, как это здорово! Ведь теперь у меня есть вы и Нэнси, а после смерти папы у меня осталась только Женская помощь!

— Вполне верю тебе, хотя и не имею чести знать эту Женскую помощь, — сухо заметила мисс Полли, пытаясь высвободиться из цепких объятий племянницы.

— Нэнси, ты мне больше не нужна сейчас, — продолжала она, смерив служанку ледяным взглядом. — А тебя, Поллианна, прошу вести себя, как принято. Встань, пожалуйста, я даже не успела тебя как следует разглядеть.

Издав нервный смешок, Поллианна тут же вскочила на ноги.

— Ну да, да, вы же меня никогда не видели, тетя, — затараторила она, — но во мне нет ничего особенного. Лицо у меня все в веснушках... Ой, мне ведь нужно объяснить вам еще про клетчатое платье, и про черный верх. Я уже рассказала Нэнси, как папа сказал...

— Да, да, дорогая, — перебила ее тетя Полли. — Для меня не имеет значения, что сказал твой отец. Полагаю, у тебя есть чемодан?

— Ну, конечно, тетя Полли. У меня прекрасный чемодан. Мне подарила его Женская помощь. Правда, он почти пустой, а моих вещей там совсем мало. Понимаете, среди последних пожертвований почти не было одежды для девочек. Но в чемодане есть папины книги. Миссис Уайт решила, что я должна взять их с собой. Мой папа...

— Поллианна, — снова перебила ее мисс

Полли, и голос ее прозвучал резче прежнего. — Я думаю, что будет лучше, если ты сразу поймешь: я не хочу, чтобы ты говорила при мне о своем отце. Прошу тебя впредь этого не делать. Девочка судорожно вздохнула.

— Но, тетя Полли, значит вы хотите... хотите...

— Сейчас мы поднимемся в твою комнату, — воспользовалась паузой мисс Полли. — Полагаю, твой чемодан уже там. Я еще перед отъездом велела Тимоти, чтобы он сразу поднял твой багаж, если он вообще у тебя окажется. Иди за мной, Поллианна.

Поллианна послушно засеменила вслед за тетей. Она едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться, и в глазах ее стояли слезы. Однако секунду спустя она уже вновь гордо подняла голову. «Все-таки я рада, что тетя запретила говорить о папе, — подумала она. — Наверное, мне самой будет легче, если я перестану о нем говорить. Может быть, тетя потому и запретила мне?» Убедив себя таким образом, что тетя Полли печется только о ее благе, Поллианна смахнула слезы и принялась с любопытством оглядываться вокруг.

Они поднимались по лестнице на второй этаж. Тетя Полли шла впереди, и ее величественную поступь сопровождало шуршание шелковой юбки. Вдали, за тетей Полли виднелась раскрытая дверь, и Поллианна успела заметить светлые ковровые дорожки на полу и обитую атласом мебель. Ковер на ступеньках пружинил под ногами Поллианны, мягкостью и цветом он напоминал лесной мох, на стенах висели картины в массивных золоченых рамах, а ослепительный солнечный свет струился сквозь кружевные занавески.

— Ой, тетя Полли, тетя Полли! — восторженно прошептала девочка. — Какой же у вас удивительный дом! Наверное, вы очень рады, что вы такая богатая.

— Поллианна! — возмущенно воскликнула тетя, резко оборачиваясь к племяннице. — Ты просто ужасаешь меня! Как тебе такое только в голову пришло?

— Но что я такого сказала? — спросила девочка, которой и впрямь было невдомек, что оскорбительного нашла тетя в ее словах. — Разве вы не рады, тетя Полли?

— Разумеется нет, Поллианна. Надеюсь, я никогда не впаду в грех гордыни до такой степени. Как я могу гордиться тем, что дал мне Бог? И запомни, моя дорогая, самое последнее дело гордиться богатством, — с постным видом заявила почтенная леди.

Затем она отвернулась и продолжила путь. Они миновали холл и подошли к двери, которая выходила на другую лестницу. Мисс Полли еще раз похвалила себя за разумное решение. Первоначально она определила племянницу на чердак из двух соображений: ей хотелось по возможности отдалиться от общества ребенка и, одновременно, уберечь богатую обстановку: уж она-то была наслышана, как плохо обращаются дети с хорошими вещами. Но после того, как Поллианна проявила интерес к роскоши, мисс Полли решила, что она права вдвойне, и аскетическая обстановка скромного жилища на чердаке «убережет девочку от пагубного тщеславия».

Как ни старалась Поллианна не отстать от тети, ее огромные голубые глаза все же успевали отметить множество восхитительных подробностей, и дом ей нравился все больше и больше. Она с замиранием сердца ждала, за какой из этих дверей окажется ее собственная комната. Она уже почти представляла ее себе — полную ковров, картин, с красивыми занавесками на окнах. Комнату, которая будет принадлежать только ей! И вот, наконец, тетя Полли, остановилась перед дверью.

За дверью оказалась еще одна лестница. Но, к некоторому разочарованию Поллианны, тут не было ничего интересного. Они поднимались вдоль совершенно голых стен. Лестница вывела их на сумеречную площадку, по углам которой крыша смыкалась с полом. Там виднелись бесчисленные сундуки и коробки.

Воздух тут стоял такой спертый, что Поллианна инстинктивно задрала голову повыше. Пройдя несколько шагов, тетя отворила еще одну дверь.

— Вот твоя комната, Поллианна, — сказала она. — И чемодан твой уже здесь. Ключ у тебя с собой?

Поллианна, не сводя с тети испуганных глаз, молча кивнула. Тетя нахмурилась:

— Когда я что-то спрашиваю, Поллианна, я бы хотела, чтобы ты отвечала мне вслух, а не просто кивала головой.

— Хорошо, тетя Полли. Ключ у меня с собой.

— Вот теперь другое дело, моя дорогая. Я думаю, тут ты найдешь все, что тебе потребуется, — добавила она, с удовольствием окинув взглядом чистые полотенца на вешалке и полный кувшин на умывальнике. — Я пришлю Нэнси. Она поможет тебе разобрать вещи. Ужин в шесть часов, — закончила мисс Полли, и, выйдя из комнаты, спустилась вниз.

Какое-то время Поллианна стояла на месте и не сводила глаз с двери, за которой скрылась тетя Полли. Затем она окинула внимательным взглядом голые стены, пол и окна. Потом она увидела маленький чемодан, который совсем недавно стоял в ее комнате на Дальнем Западе.

Она подошла к нему и, опустившись на колени, закрыла лицо руками. В этой позе и застала ее Нэнси, которая пришла несколько минут спустя.

— Ах ты бедненькая моя овечка, — запричитала она, опускаясь на колени возле девочки и чемодана. — Так я и думала, что она доведет тебя до слез.

Поллианна подняла на нее заплаканные глаза и покачала головой:

— Нет, Нэнси. Это все я сама. Я все-таки ужасно недобрая и нехорошая. — Поллианна всхлипнула. — Я... я просто никак не хочу поверить, что папа больше нужен Господу и ангелам, чем мне.

— Совсем он им не нужен, — безапелляционно заявила Нэнси.

— Ой, Нэнси, нельзя так говорить! — испуганно воскликнула Поллианна; услышав кощунственные речи служанки, она даже плакать перестала.

Нэнси ответила ей смущенной улыбкой и с силой потерла глаза.

— Да ладно тебе, — примирительно проговорила она, — я ведь не имела в виду ничего плохого. — Давай-ка сюда ключ от чемодана, и мы быстренько разберем вещи.

Все еще продолжая всхлипывать, Поллианна вытащила из сумки ключ.

— Да там и вещей почти нет, — смущенно пробормотала она.

— Тем быстрее мы с этим управимся.

Лицо Поллианны вдруг озарила улыбка.

— Ой, а я сразу и не подумала, — уже гораздо веселее сказала она. — Верно, нам не придется долго возиться с разборкой. Значит, я могу радоваться, что у меня так мало вещей.

Услышав это, Нэнси просто остолбенела. Сначала она не знала, что и сказать. Потом, едва ворочая языком, произнесла: — Ну... в общем... ты, верно, права. Затем она решительно принялась распаковывать чемодан Поллианны. Со свойственной ей ловкостью она быстро извлекла на поверхность книги, штопанное белье и несколько убогих платьев. Поллианна уже совсем успокоилась, и улыбка не сходила с ее лица. Она принялась порхать по комнате, развесила платья, сложила книги на столе и убрала белье в ящики комода.

— Теперь я вижу. Это просто отличная комната! — сказала она. — Вам тоже так кажется, Нэнси?

Но Нэнси ничего не ответила. Сунув голову в чемодан, она всем своим видом старалась показать, что слишком поглощена разборкой. Поллианна с тоской глядела на голую стену в том месте, где следовало висеть зеркалу.

— Нет, конечно, я даже рада, что тут нет зеркала, — спустя мгновение успокоилась она. — Теперь я не буду то и дело расстраиваться из-за своих веснушек.

Нэнси издала какой-то странный звук, но стоило Поллианне обернуться, как она снова уткнулась в чемодан. Поллианна подошла к одному из окон и, поглядев на улицу, громко захлопала в ладоши.

— Ой, Нэнси! Я и не заметила сразу. Какие же отсюда видны замечательные деревья, и дома, и такой красивый шпиль на церкви, и река блестит, как серебро! Нэнси! Я и не думала, что из моей комнаты такой красивый вид! Я так рада, что тетя поселила меня здесь. Теперь мне действительно не нужны никакие картины!

И тут Нэнси вдруг разрыдалась.

— Нэнси! Нэнси! Что с вами? — бросилась утешать ее Поллианна. Внезапно ее словно осенило, и она испуганно прошептала: — Наверно, это была ваша комната?

— Моя комната? — ошеломленно переспросила Нэнси. — Если ты не ангел, — превозмогая душившие ее слезы добавила она, — и если ты не спустилась к нам прямо с небес, и если некоторые злыдни не начнут есть землю, если... О, Боже, это она мне звонит!

Завершив свою проникновенную речь таким невразумительным образом, Нэнси выскочила за дверь и с грохотом понеслась вниз по лестнице. Оставшись одна, Поллианна снова подошла к окну и принялась любоваться тем, что она ухе называла «своей картиной». Вдоволь налюбовавшись, она почувствовала, что просто умирает от духоты, и повернула задвижку окна. К ее радости, задвижка легко подалась. Она толкнула вверх раму и столь же легко подняла окно[2].

Поллианна высунула голову наружу и жадно вдохнула свежий воздух. Не медля, она подбежала к другому окну и быстро проделала с ним ту же операцию. Огромная муха пронеслась мимо ее носа и принялась с жужжанием летать по комнате. Затем в комнату

влетело еще несколько мух, но Поллианна не придавала этому никакого значения. Ее занимало другое: возле второго окна росло замечательное дерево, и его толстые ветви так и манили спуститься вниз. Она громко засмеялась.

— По-моему, я смогу это сделать, — азартно сказала она.

Осторожно перебравшись на карниз, Поллианна без труда прыгнула на ближайшую ветвь дерева. Потом, с поистине обезьяньим проворством, перебираясь с одной ветви на другую, Поллианна спустилась на самый нижний сук. Все-таки даже сейчас она была слишком высоко от земли и, несмотря на богатый опыт лазания по самым разнообразным деревьям, не сразу решилась расстаться с веткой. Она долго примеривалась, затем уцепилась руками за сук и, повисев некоторое время, разжала пальцы. Воздух засвистел у нее в ушах, и Поллианна опустилась на мягкую траву. Поднявшись на ноги, она с любопытством осмотрелась вокруг. Она стояла в саду, где работал согбенный старик. За цветником начиналось поле; его перерезала тропинка, которая вела на самую вершину холма, а на вершине, возле огромной скалы, высилась одинокая ель. У Поллианны дух захватило от восторга. Никогда в жизни она не видела такой красоты!

Поллианна с удивительной ловкостью обогнула цветник, быстро пробежала поле и, лишь совсем немного запыхавшись, устремилась вверх по тропинке. Правда, довольно скоро она поняла, что подняться будет не так-то легко. Когда она смотрела на вершину от дома, ей казалось, что до нее рукой подать. Теперь она все шла и шла, а вершина словно не приближалась. И все-таки ей очень хотелось добраться до этой скалы, и она упорно продвигалась вперед.

Тем временем часы в холле мисс Харрингтон пробили шесть. Когда отзвучал последний удар, Нэнси позвонила в колокольчик, возвещая наступление ужина. Мисс Полли вышла в столовую. Поллианны не было. Выждав три минуты, мисс Полли нахмурилась; нетерпеливо топнув ногой, медленно поднялась со стула, дошла до лестницы в холле и стала слушать. Затем решительно повернулась и величественно вплыла обратно в столовую.

— Нэнси, — твердо заявила она, как только девушка появилась в столовой. — Моя племянница опаздывает к ужину. Нет никакой нужды ее звать, — строго предостерегла она, заметив, что Нэнси дернулась было в сторону холла, — я ее заблаговременно предупредила, во сколько надо садиться за стол. Теперь пусть расплачивается за свою невнимательность. Надеюсь, это научит ее пунктуальности. Когда она спустится, будь любезна, покорми ее на кухне молоком с хлебом.

— Хорошо, мэм.

К счастью, мисс Полли не видела лица Нэнси. При первой же возможности, которая представилась Нэнси после ужина, она прокралась по черной лестнице в комнату на чердаке.

— Да, да, конечно, так я и буду кормить ее хлебом с молоком! — яростно бормотала она, отворяя дверь, — нет уж, дорогая мисс Полли, не позволю я морить голодом мою бедняжку только за то, что она наревелась и заснула.

Нэнси вошла в комнату и вытаращила глаза от удивления: Поллианны нигде не было.

— Куда же ты девалась? Куда же ты девалась? — повторяла она, заглядывая в шкаф, потом — под кровать, затем — в чемодан и под конец даже в кувшин.

Сочтя, что больше в комнате девочке спрятаться абсолютно негде, она выбежала из дома и со всех ног бросилась к старому Тому, который все еще работал в саду.

— Мистер Том! Мистер Том! — запыхавшись, выпалила она. — Этот чудесный ребенок исчез! Она, видимо, унеслась туда, откуда к нам пришла! Верно, она сейчас в раю, моя бедняжка! О, мистер Том! О, несчастная моя маленькая овечка! А она... О, она велела мне накормить ее на кухне хлебом с молоком! И это когда она уже вкушает с ангелами их пищу! О, бедненький мой ангелочек!

Старик выпрямился.

— Исчезла? У ангелов? — удивленно переспросил он, упорно разглядывая красное зарево заката. Какое-то время он молча смотрел в одну точку. Затем с улыбкой перевел взгляд на Нэнси.

— Да, милая моя, мне тоже сдается, что она решила забраться поближе к Богу, — сказал он и показал скрюченным пальцем на вершину холма. — Взгляни-ка туда.

Нэнси взглянула. Поллианна стояла на скале, и ее щуплая фигурка рельефно выделялась на фоне окрашенного закатом неба.

— Если она и решила таким образом попасть в рай, то сегодня это ей не пройдет, уж помяните мое слово, мистер Том, — сказала Нэнси. — А если хозяйка меня спросит, скажите, что про тарелки я не забыла, а просто пришла охота проветрить голову, — добавила она и быстро пошла по тропинке через поле.

— Домик мой с палисадником! Как же ты меня напугала, мисс Поллианна! — задыхаясь от бега, проговорила Нэнси, добравшись, наконец, до вершины большой скалы.

— Испугала? — удивилась Поллианна, с явной неохотой спускаясь вниз. — Простите меня, пожалуйста, но я и не думала вас пугать. Правда, папа и Женская помощь тоже сначала пугались, когда я делала что-то такое, но потом они привыкли. Они поняли, что со мной всегда все в порядке, и больше не волновались.

— Но я даже не знала, что ты ушла, — сказала Нэнси; она покрепче взяла ее за руку, боясь, что девочка опять куда-нибудь исчезнет. — Понимаешь, — продолжала она, быстро спускаясь с горы, — я ведь не видела, как ты ушла. И мне показалось, что ты улетела сквозь крышу. Вот так мне и показалось. Так и показалось, — несколько раз пробубнила она.

Поллианна запрыгала от радости.

— А я так и сделала! — с гордостью воскликнула она. — Только я улетела не вверх, а вниз. Я спустилась по дереву.

Нэнси остолбенела.

— Что ты сделала? — переспросила она.

— Спустилась по дереву, которое растет возле моего окна.

— Ах, чулочки вы мои, панталончики! — всплеснула руками Нэнси. — Ну и дела! Она снова поспешила вперед.

— Хотела бы я послушать, что сказала бы на это твоя тетя, мисс Поллианна.

— Вы правда хотели бы? — с готовностью отозвалась Поллианна. — Ну, тогда давайте я ей все расскажу, как только мы вернемся домой. Вот вы и услышите, что она мне скажет.

— Да ты что! — воскликнула Нэнси. — Нет, нет, умоляю тебя, не делай этого.

— Вы думаете, тете Полли это не понравится? — спросила Поллианна, явно расстроенная таким оборотом дела.

— Нет, то есть, да, — замялась Нэнси, — дело в том, что я пошутила. Мне, понимаешь, совсем не хочется знать, что скажет на это твоя тетя.

Нэнси стало стыдно: ведь она же сама решила по мере сил не давать Поллианну в обиду.

— Нам надо торопиться, — постаралась она перевести разговор. — Мне ведь еще нужно помыть тарелки.

Я помогу вам, — тут же предложила Поллианна.

— Ну, что ты, мисс Поллианна! — смутилась Нэнси.

Какое-то время они шли молча. Солнце зашло, и небо начало быстро темнеть. Поллианна покрепче прижалась к Нэнси.

— Знаете, мне кажется, я все-таки рада, что вы немного испугались. Потому что иначе вы бы за мной не пришли.

И Поллианна зябко передернула плечами — она очень боялась ходить одна в темноте.

— Ягненок мой! Бедненькая моя! — запричитала Нэнси. — Да ты, наверное, голодна! Боюсь, я не смогу тебя сегодня ничем порадовать. На ужин для тебя ничего нет, кроме хлеба с молоком, и есть тебе придется вместе со мной, на кухне. И все потому, что твоя тетя рассердилась, когда ты не пришла ужинать вовремя.

— Но я не могла прийти. Ведь я была здесь!

— Верно. Но она-то об этом не знала, — справедливо заметила Нэнси, которой стоило большого труда удержаться от смеха. — Конечно же, это не повод заставлять тебя есть хлеб с молоком. Как жаль, что все так получилось!

— А мне не жаль. Я рада.

— Рада? Чему ты рада?

— Я люблю хлеб с молоком, и мне будет очень приятно поесть вместе с вами. Видите, мне совсем не трудно радоваться.

— Ну, сдаётся мне, тебе ничему не трудно радоваться, — пробормотала совершенно ошеломленная Нэнси, вспоминая, как Поллианна пыталась полюбить свою комнатку на чердаке.

Поллианна тихонько засмеялась:

— В этом-то вся и трудность нашей игры.

— Игры?

— Ну, да. Игры в то, чтобы все время радоваться.

— С тобой как, все в порядке? — сварливо осведомилась Нэнси.

— Конечно. Просто это такая игра. Мой папа научил меня играть в нее, и это очень здорово, — ответила Поллианна. — Мы начали играть в нее, когда я была еще совсем маленькой. Потом я рассказала о нашей игре в Женской помощи, и они тоже стали играть. Ну, не все, а некоторые.

— А как это? Я, конечно, не мастак на всякие игры, но все-таки расскажи. Никогда еще не слышала, чтобы играли в радость.

Поллианна засмеялась, потом вздохнула, и ее худое личико погрустнело.

— Это началось, когда нам среди пожертвований достались костыли, — торжественно изрекла она.

— Костыли?

— Да. Мне тогда ужасно хотелось куклу, вот папа и попросил женщину, которая собирала пожертвования. А та леди ответила, что кукол никто не жертвовал, поэтому вместо куклы посылает маленькие костыли. Она писала, что они могут тоже пригодиться.

— Ну, пока я не вижу ничего забавного, — сказала Нэнси. — Что же это за игра, просто глупость какая-то.

— Да вы не поняли. Наша игра в том и заключалась, чтобы радоваться, несмотря на то, что радоваться вроде бы нечему. Вот мы с этих костылей и начали.

— Домик мой с палисадником! Да как же можно радоваться, когда ты ждешь куклу, а тебе присылают костыли!

Поллианна от радости даже в ладоши захлопала.

— Можно! Можно радоваться! Можно! Можно! — восклицала она. — Я тоже сначала подумала так же, как вы, — честно призналась она, — но потом папа мне все объяснил.

— Может, поделишься, окажешь милость? — обиженно спросила Нэнси, ибо ей показалось, что девочка просто смеется над ней.

— А вот слушайте дальше, — как ни в чем не бывало принялась объяснять Поллианна, — именно потому и надо радоваться, что костыли мне не нужны! Вот и вся хитрость! — с

победоносным видом завершила она. — Надо только знать, как к этому подступиться, и тогда играть не так уж трудно.

— Просто бред какой-то! — буркнула Нэнси и с тревогой посмотрела на Поллианну.

— Никакой не бред, а очень умная игра, — горячо запротестовала та. — Мы с тех пор в нее все время с папой играли. Вот только... Только... Все-таки в нее иногда очень трудно играть. Например, когда твой отец уходит в лучший мир и у тебя не остается никого, кроме Женской помощи.

— Вот именно! — с жаром поддержала ее Нэнси. — И когда тебя любимая родственница запикивает в каморку на чердаке, в которой даже мебели-то пристойной нет.

Поллианна тяжело вздохнула.

— Вообще-то я сначала расстроилась, — призналась она. — Особенно потому, что мне было очень одиноко. А потом, мне так хотелось жить среди всех этих красивых вещей... Знаете, Нэнси, я вдруг почувствовала, что просто не могу играть в свою игру. Но потом я вспомнила, что ненавижу глядеть на свои веснушки, и тут же порадовалась, что у меня нет зеркала. Ну, а когда я взглянула в окно, и мне из него вид так понравился... И стало совсем хорошо. Понимаете, Нэнси, когда ищешь, чему бы порадоваться, обо всем остальном как-то меньше думаешь. Это то же, что с куклой.

У Нэнси к горлу подступили слезы, и она смогла лишь хмыкнуть в ответ.

— Обычно мне не приходится тратить на это слишком много времени. А иногда это вообще происходит само собой. Ведь я уже столько лет играю в эту игру, и хорошо натренировалась. Но все равно, чем больше я играю, тем больше увлекаюсь. Па... — голос ее дрогнул, — папа тоже очень любил играть. А теперь мне, наверное, будет труднее. Ведь папы-то нет, а одной играть не так легко. Я вот надеюсь... — она замялась, потом решительно выпалила: — Может быть, тетя Полли согласится играть со мной?

— Ах, чулочки вы мои, панталончики! — пробормотала Нэнси себе под нос. Затем, повысив голос, обратилась к девочке:

— Сдается мне, мисс Поллианна, что я не больно-то хорошо смогу играть. Но все-таки я постараюсь. Вот так я тебе и скажу. Постараюсь. Постараюсь, так вот тебе и скажу.

— О! Нэнси! — воскликнула Поллианна и изо всех сил обхватила ее шею руками. — Я уверена, у нас отлично получится! И вы тоже так думаете, правда?

— М-может быть, — неуверенно ответила Нэнси, — но все-таки ты не очень-то на меня надейся. Я не больно умелая до всех этих игр. Но постараться-то я постараюсь. Вот так я тебе и скажу: постараюсь. А тебе будет все-таки с кем играть. Будет, с кем играть, вот так я тебе и скажу, — завершила она, когда они переступали порог кухни.

После того, как Поллианна с удовольствием поужинала хлебом и молоком, Нэнси велела ей зайти к тете. Девочка послушно отправилась в гостиную. Тетя Полли сидела с книгой в руках. Заметив племянницу, она отрешилась от чтения и окинула ее холодным взглядом.

— Ты уже поужинала, Поллианна?

— Да, тетя Полли.

— Мне очень жаль, Поллианна, что все так вышло. Конечно, мне не хотелось в первый день заставлять тебя есть хлеб с молоком.

— Что вы, тетя, я очень рада. Я люблю хлеб с молоком, и Нэнси мне очень нравится. Мы так хорошо поужинали вместе.

Тетя Полли резко выпрямилась на стуле.

— Тебе пора ложиться спать, Поллианна. Тебе выдался сегодня нелегкий день. Завтра мы составим с тобой расписание, а заодно и выясним, что тебе надо купить из одежды. А теперь походи к Нэнси и попроси у нее свечу. Только смотри, будь со свечой осторожна. Завтрак в половине восьмого. Надеюсь, ты постарайся и успеешь к столу. Ну, спокойной ночи.

Поллианна подошла к тете и обняла ее так нежно, словно была с ней знакома всю жизнь.

— До чего же мне у вас хорошо! — тихо воскликнула она, и вид у нее был совершенно счастливый. Я знаю, мне будет очень хорошо жить с вами. Я знала это уже тогда, когда ехала к вам.

Она повернулась и пошла к двери.

— Доброй вам ночи, тетя, — сказала она, выходя из гостиной.

— Н-да, — задумчиво протянула мисс Полли, когда дверь за племянницей закрылась. — Да это просто необычайный ребенок.

Она хмуро уставилась куда-то в угол.

— Она, видите ли, рада, что я ее наказала и оставила без ужина, — продолжала мисс Полли тихую беседу сама с собой, — и она просит меня не переживать по этому поводу. И ей будет хорошо со мной жить. Чудеса, да и только! — подивилась мисс Полли и снова взялась за чтение.

А четверть часа спустя в маленькой каморке на чердаке одинокая девочка лежала, уткнувшись лицом в подушку, и тело ее сотрясалось от беззвучных рыданий.

— О, папочка, — сквозь слезы шептала она. — Я сейчас совсем не могу играть в нашу игру. Совсем не могу. Но, боюсь, даже ты не смог бы мне сказать, чему радоваться, когда спишь в темной страшной комнате, и еще совершенно одна. Ах, если бы я была хоть чуть-чуть поближе к Нэнси, или к тете Полли, или хотя бы к кому-нибудь из Женской помощи! Тогда, наверное, я смогла бы радоваться.

Нэнси в это время внизу домывала посуду.

— Если я буду играть в эту дурацкую игру, когда надо радоваться костылям вместо куклы, — твердила она, свирепо скребя щеткой молочник, — если я буду играть в эту игру, я уж в нее сыграю по-своему. Я постараюсь, чтобы бедная крошка нашла во мне опору. Уж постараюсь. Постараюсь уж! Вот так и говорю: постараюсь.

Когда Поллианна проснулась на следующее утро, было уже почти семь часов. Окна ее комнаты выходили на запад и юг, и первые лучи солнца не попадали сюда. Зато Поллианна увидела голубое небо, подернутое утренней дымкой, и сразу же поняла, что день будет просто отличный.

В каморке под крышей сейчас было куда прохладнее, чем накануне, и Поллианна с удовольствием вдыхала чистый воздух, который лился сквозь открытые окна. Заслышав пение птиц, Поллианна бросилась к окну, — ей хотелось увидеть, кто же это так весело поет. Потом Поллианна спешно принялась одеваться; ей не терпелось поприветствовать тетю.

Раскрыв настежь двери в комнату и с лестницы на чердак, она понеслась вниз по ступенькам, вихрем миновала холл, спустилась по другой лестнице, затем со стуком открыла парадную дверь, забранную сеткой от насекомых, и побежала вокруг дома к саду.

Тетя Полли стояла рядом с каким-то стариком. Оба они склонились над розами, и тетя Полли что-то объясняла садовнику. Именно в этот момент Поллианна, вне себя от восторга, бросилась ей на шею.

— Тетя Полли! Тетя Полли! Я сегодня так рада, что живу на свете!

— Поллианна! — строго воскликнула достойная леди и выпрямилась настолько, насколько позволял ей вес Поллианны, которая по-прежнему обнимала ее за шею. — Ты что, всегда так здороваешься утром? — недоуменно добавила она.

— Ну, конечно, нет, тетя Полли. Так я здороваюсь только с теми, кого люблю. Я посмотрела в окно, увидела вас, и тут я подумала, что вы ведь не из Женской помощи, вы — моя тетя, и вы такая хорошая! Я не могла удержаться, тетя Полли! Я просто как-то само собой побежала вниз и вот, обняла вас.

Согбенный старик вдруг неожиданно повернулся к ним спиной. Мисс Полли попыталась нахмуриться, но сейчас ей это удалось куда хуже обычного.

— Поллианна... ты... я... Томас... — она совсем запуталась и замолчала. — Ну, на сегодня хватит, — после некоторой паузы проговорила она. — Думаю, Томас, вам все ясно по поводу этих роз.

И, резко развернувшись, мисс Полли поспешила к дому.

— Вы всегда работаете в этом саду, мистер... — Поллианна замялась, не зная, как назвать старого садовника.

Старик повернулся к ней. В глазах его стояли слезы, словно он только что плакал, но он не плакал, о чем красноречиво свидетельствовали его губы, подрагивающие от смеха.

— Да, я здешний садовник, мисс, и все зовут меня старый Том.

Словно какая-то неодолимая сила потянула его руку к девочке, и он робко провел ладонью по ее золотистым волосам.

— Ты так похожа на свою маму, милая. Я ведь знал твою маму, когда она была совсем маленькой. Еще меньше, чем ты сейчас. Понимаешь, я ведь уже тогда работал в этом саду.

У Поллианны сжалось горло от волнения.

— Вы знали? — повторила она. — Вы действительно знали маму? И она тогда была маленькой, живой маленькой девочкой, а не ангелом в раю? Ой, мистер старый Том, пожалуйста, расскажите мне о ней!

И, приготовившись слушать, Поллианна опустилась на землю прямо у его ног.

Именно в этот момент из дома послышался резкий звон колокольчика. Не успел колокольчик смолкнуть, как кухонная дверь с треском распахнулась, и Нэнси со всех ног побежала к Поллианне.

— Мисс Поллианна! — завопила она на ходу. — Запомни, утренний колокольчик означает завтрак, а когда звонят в другое время, значит пора обедать или ужинать! — она остановилась возле девочки и, тяжело дыша, продолжала: — Как только ты слышишь эту штуковину, ты должна бросать все и тут же бежать в столовую. Если ты хорошенько не запомнишь этого, то кое-кому поумнее нас придется все время выдумывать, чему бы нам с тобой порадоваться в той игре.

И, подталкивая Поллианну в спину, она загнала ее в дом, как непослушного цыпленка в курятник.

Первые пять минут завтрака прошли в совершеннейшей тишине. Затем в поле зрения тети Полли попали две мухи, которые с самым безмятежным видом совершали пируэты над столом.

— Нэнси, — строго осведомилась она. — Откуда у нас в доме мухи?

— Не знаю, мэм, у меня в кухне ни одной нет.

Нэнси вчера была слишком взволнована исчезновением Поллианны, чтобы обратить внимание на открытые окна в комнате на чердаке.

— Так это, наверное, мои мухи, тетя Полли! — с готовностью принялась объяснять Поллианна. — Сегодня их наверху была просто уйма. Они сновали туда-сюда, туда-сюда...

Нэнси пулей вылетела из комнаты, а с ней вместе исчез и поднос с горячими булочками, который она как раз собиралась поставить на стол.

— Твои мухи? — выдохнула тетя Полли. — Что ты этим хочешь сказать, Поллианна? Откуда они вообще взялись в доме?

— Ну, это-то ясно, тетя Полли! Они прилетели с улицы через дверь и через окна. Я сама видела, как некоторые из них летели к нам в дом.

— Ты видела? — переспросила мисс Полли таким тоном, словно племянница присутствовала при каком-то редчайшем явлении. — Ты хочешь сказать, что открыла у себя окна? Но на них же еще не приделаны сетки!

— Верно, тетя Полли, там нет никаких сеток.

И тут Нэнси снова внесла булочки. Лицо ее словно окаменело, лишь красные щеки выдавали пережитое волнение.

— Нэнси, — ледяным тоном произнесла хозяйка. — Мне кажется, не будет ничего страшного, если ты поставишь, наконец, эти булочки на стол. А теперь немедленно отправляйся в комнату Поллианны и опусти окна. Потом закрой входную дверь. А когда вымоешь посуду, возьми мухобойку и пройди с ней по всем комнатам. И, прошу тебя, чтобы в доме не осталось ни одной мухи.

— Поллианна! — повернулась она к племяннице. — Я уже заказала для твоих окон сетки. Странно было бы, если бы я этого не сделала, я всегда выполняю свой долг. А вот ты, мне кажется, о своем долге совсем позабыла.

Поллианна широко раскрыла глаза от удивления.

— Забыла о своем долге? — переспросила она.

— Конечно, — без тени сомнения продолжала тетя. — Я понимаю, что сейчас стоит теплая погода. Может быть, даже слишком теплая. И все же твой долг, мне кажется, в том и состоит, чтобы потерпеть и не открывать эти окна, пока к ним не приделают сетки. Запомни, Поллианна, мухи не только отвратительны и нечистоплотны. Они очень опасны для здоровья. Сейчас мы позавтракаем, а потом я дам тебе прочитать поучительную брошюру о мухах. Ты должна навсегда запомнить: мух ни в коем случае нельзя пускать в дом.

— Почитать!?! — радостно воскликнула Поллианна. — Ой, спасибо, тетя Полли! Я обожаю читать!

Тетя Полли сделала глубокий вдох и покрепче стиснула зубы.

Поймав на себе ее хмурый взгляд, Поллианна задумалась.

— Конечно, мне стыдно, тетя Полли, — с покаянным видом проговорила она. — Я просто не подумала о том, что это мой долг. Я больше не буду поднимать окон.

Тетя ничего не ответила. Она вообще до конца завтрака не произнесла больше ни звука. Когда же, наконец, завтрак кончился, она поднялась из-за стола и чинно прошествовала к книжному шкафу. Взяв с одной из полок небольшую брошюру, она вернулась к племяннице.

— Вот то, о чем я говорила тебе, Поллианна. Будь любезна, походи в свою комнату и прочти. Через полчаса я сама поднимусь к тебе, и мы посмотрим, что тебе требуется из одежды.

Поллианна взяла брошюру и с любопытством воззрилась на многократно увеличенную голову мухи, которая украшала обложку этого сочинения.

— Ой, спасибо вам, тетя Полли! — с вполне искренним восторгом воскликнула она и, хлопнув дверью, выпорхнула из комнаты.

Мисс Полли нахмурилась, и с секунду постояв в нерешительности, быстро вышла в коридор. Однако племянницы и след простыл, ее шаги раздавались откуда-то с чердачной лестницы, а затем и вовсе смолкли.

Полчаса спустя, тетя Полли, малейшее движение которой выражало просто-таки обостренное чувство долга, преодолела все лестницы и вошла в комнату Поллианны, где была встречена новым взрывом восторга.

— Тетя Полли, милая! Спасибо вам! Это жутко интересная книга. Я не думала, что мухи могут столько всего переносить на своих ногах и...

— Ну, хватит, хватит, — со сдержанным достоинством перебила ее мисс Полли. — Займемся теперь другим, Поллианна. Вынь-ка из шкафа свою одежду, и я посмотрю, в каком она виде. Все, что тебе не подходит, надо будет отослать Салливанам.

Поллианна, которой очень хотелось еще поговорить о брошюре, посвященной мухам, нехотя отложила ее в сторону и направилась к шкафу.

— Боюсь, моя одежда понравится вам еще меньше, чем Женской помощи. Даже они сказали, что в таком стыдно ходить. Понимаете, все дело в том, что среди последних пожертвований была только одежда или для взрослых, или для мальчиков. Вы никогда не получали таких пожертвований, а, тетя Полли?

Тетя посмотрела на нее так, что Поллианна с удовольствием взяла бы свои слова обратно.

— Ну, конечно же, тетя Полли, — тут же спохватилась она. — Я совсем забыла. Богатые никогда ведь не получают миссионерской помощи. Просто, когда я сижу в этой комнате, я почему-то совсем забываю, что вы богатая.

У мисс Полли от возмущения вытянулось лицо, но она не нашлась, что ответить и промолчала. Поллианна же даже не заметила, что слова ее весьма ощутимо задели достойную родственницу.

— В общем, с этими миссионерскими пожертвованиями, — как ни в чем не бывало продолжала она, — никогда нельзя ни за что рассчитывать. В них всегда оказывается совсем не то, что ждешь. Даже когда ждешь заранее, что не найдешь того, что ждешь, там все равно окажется не то. Именно из-за этих пожертвований нам с па... — Поллианна вовремя спохватилась и, так и не упомянув покойного отца, поправилась: — Мне было тяжело играть в игру. — Она поспешно нырнула в шкаф и вытащила охапку очень плохих платьев. — Они совсем некрасивые, — сказала она и всхлипнула. — Вообще-то они хотели мне купить черные. Но ковер для церкви им помешал. А других платьев у меня все равно нет.

Мисс Полли, едва касаясь пальцами, перевернула одно за другим все эти жалкие одеяния. Ей не понадобилось много времени, чтобы прийти к выводу: ее племянница в этих обносках ходить не будет. Осмотр заштопанного белья в ящике комода принес ей столь же мало утешения.

— Все лучшие вещи на мне, — озабоченно проговорила Поллианна. — Женская помощь приобрела мне один полный комплект. Миссис Джонс, она председатель нашей Женкой помощи, сказала, что уж на это они, во всяком случае, обязаны для меня потратиться. Она сказала, что купит мне это, даже если в церкви никогда не будет ковра на ступенях. Но

она сказала, что ковер они все равно купят. Потому, что мистер Уайт богатый, и его больше всех нервирует стук каблуков по ступеням. Она сказала, что он скорее пожертвует недостающую сумму, чем будет дальше портить нервы. Мне кажется, мистер Уайт должен даже радоваться. Конечно, плохо, что у него нервы не в порядке, но зато у него есть деньги.

— Ты, конечно, ходила в школу, Поллианна? — спросила мисс Полли, оставив без ответа откровения племянницы.

— Ну да, тетя Полли. А еще па... — она замолчала, потом поправилась. — Я хотела сказать, что еще и дома занималась.

Мисс Полли нахмурилась.

— Вот и прекрасно. Осенью ты поступишь в здешнюю школу. Мистер Холл, директор, определит, в какой класс ты пойдешь. А пока не настала осень, ты будешь каждый день по полчаса читать мне вслух.

— Ну, читать — это я люблю. Но если вдруг вам не захочется меня слушать, я с удовольствием почитаю и про себя. Я правду говорю, тетя Полли. Про себя читать даже лучше, и я буду рада, потому что есть такие длинные слова, которые очень трудно произносить вслух.

— Охотно верю тебе, — сухо отозвалась мисс Полли. — Теперь позволь узнать, музыкой ты занималась?

— Не очень много. Я чуть-чуть училась играть на рояле. Но я это не очень люблю. Мне гораздо больше нравится слушать, как играют другие. Например, миссис Грей. Она играла в нашей церкви и учила меня. Но, если честно, мне не хотелось бы больше учиться музыке.

— Может быть, — подняв брови, ответила тетя Полли. — И все же я считаю своим долгом дать тебе музыкальное образование. А шить ты умеешь?

— Да, мэм, — словно не слыша ее, продолжала Поллианна, — меня много чему пытались учить. Женская помощь взяла это на себя, но ничего хорошего из этого не вышло. Дело в том, что миссис Джонс совершенно не так, как другие, держала иголку, когда обметывала петли. А миссис Уайт считала, что прежде чем шить вперед, надо научиться шить назад (а может быть, она говорила наоборот, я уже плохо помню). А миссис Гарриман считала, что делать заплатки вообще не надо, а значит, и учиться тут нечему.

— Ну, теперь тебе не придется выслушивать такой ерунды, Поллианна. Я сама научу тебя шить. Готовить ты, наверное, совсем не умеешь?

Поллианна вдруг звонко рассмеялась.

— О, они пытались меня научить этим летом. Но я мало чему научилась. С готовкой они вообще не могли ни в чем согласиться друг с другом. Они спорили-спорили, а потом, наконец, решили, что я должна ходить по очереди на кухню к каждой из них, и она будет обучать меня тому, что умеет. Они начали с хлеба, но все пекли его по-разному... В общем, я научилась делать только шоколадную помадку и пирог с инжиром, а потом... все кончилось, — сказала она, и голос ее дрогнул.

— Шоколадная помадка и пирог с инжиром! — презрительно фыркнула тетя Полли. — Ну, ничего, мы это быстро исправим. — Она ненадолго задумалась. — Вот как мы сделаем, — продолжала она, — после завтрака до девяти ты будешь приводить в порядок свою комнату. С девяти до полдесятого ты будешь каждое утро читать мне вслух. С половины десятого до двенадцати по средам и субботам ты будешь учиться готовить у Нэнси. А по другим дням мы с тобой используем это время, чтобы учиться шить. Разумеется, я постараюсь уже на днях нанять тебе учителя музыки. Музыкой ты сможешь заниматься во второй половине дня.

Ознакомив племянницу с распорядком дня, мисс Полли поднялась со стула и направилась к выходу.

— Но тетя Полли! — испуганно крикнула Поллианна. — Тетя Полли! Когда же я буду жить? Вы мне совсем не оставили времени.

— Жить? — удивленно подняла брови тетя Полли. — Не понимаю, что ты имеешь в виду, дитя мое? Все мы живем, пока Господь не приберет нас к Себе. И ты живешь, чем бы ни занималась.

— Ну, да, да, тетя Полли! Конечно, все время, пока я буду заниматься, я не перестану дышать или двигаться. Но это не значит, что я буду жить. Вот ведь когда я сплю, я тоже дышу, но я же не живу. Когда я говорю «жить», тетя Полли, я имею в виду, что я могу делать то, что хочется. Ну, там, играть на улице, читать про себя, лазить по скалам, болтать с Нэнси или со старым мистером Томом в саду, или узнавать все, что можно о домах, и обо всем другом на этих просто потрясающих улицах, по которым я вчера проехала. Вот, что я называю «жить», тетя Полли. А просто дышать, это совсем не то,

Мисс Полли раздраженно вздернула голову.

— Просто не знаю, как с тобой разговаривать, Поллианна! Ну, ясное дело, тебе будет отведено время для игры. Но, мне представляется, что если я готова исполнить свой долг, а он заключается в том, чтобы обеспечить тебе образование и хороший уход, то ты, в свою очередь, не должна забывать о своем долге и постараться, чтобы мои усилия не пошли впустую.

Поллианна растерянно посмотрела на тетю.

— Тетя Полли! Да как вы только могли подумать, что я не благодарна вам? Ведь я же люблю вас! Вы ведь не из какой-то там Женской помощи, а родная моя тетя Полли!

— Прекрасно. Вот и не забывай об этом, — задумчиво произнесла тетя Полли и направилась к двери.

Она уже миновала половину чердачной лестницы, когда сверху послышался голос Поллианны:

— Тетя Полли, но вы так и не сказали, что будем делать с моими платьями?

Мисс Полли так громко вздохнула, что Поллианна сверху услышала это.

— Я совсем забыла сказать, Поллианна. Сегодня в половине второго Тимоти отвезет нас с тобой в город. Моя племянница не может ходить в таком ужасном виде. Я просто нарушила бы свой долг, если бы позволила тебе это.

На этот раз громкий вздох вырвался у Поллианны. Она уже почти ненавидела слово «долг».

— Тетя Полли! — с мольбой воскликнула она. — Ну, неужели нельзя жить как-то так, чтобы радоваться своему долгу?

— Что-о? — протянула мисс Полли, поднимая на племянницу исполненный изумления взор. Щеки ее покраснелись от возмущения. — Прошу тебя никогда не дерзить мне, Поллианна, — сухо проговорила она и снова пошла вниз.

Вернувшись в комнату на чердаке, Поллианна в отчаянии плюхнулась на жесткий неудобный стул. Все краски разом померкли, и будущее рисовалось ей сейчас как беспросветно-серое исполнение одного лишь долга.

— И вообще, что такого я ей сказала? — недоуменно прошептала она. — Я просто хотела узнать, нельзя ли радоваться своему долгу?

Несколько минут Поллианна молча взирала на кучу жалкой одежды. Потом встала и принялась медленно убирать ее в шкаф.

— Нет, — вдруг решительно произнесла она, — в этом долге совершенно нечему радоваться. — Ну только если... — Она задумалась. — Нет, радоваться все-таки можно, — несколько веселее добавила она, — когда этот долг уже выполнен.

В половине второго Тимоти заложил экипаж и провез мисс Полли с племянницей по нескольким крупным магазинам города. Покупка нового гардероба для Поллианны вылилась в поистине захватывающее зрелище для всех, кто принимал в нем участие. Каждого обуревали свои чувства. Когда все было позади, мисс Полли охватила такая слабость, будто она только что прогулялась по краю вулкана, в кратере которого клокочет лава. Продавцы вышли из этого приключения с покрасневшими лицами и ворохом историй о Поллианне, коими всю ближайшую неделю забавляли друзей. Лицо Поллианны озаряла улыбка, а сердце было исполнено умиротворения. Ибо, как она выразилась, обращаясь к одному из служащих магазина, у нее «никогда никого не было чтобы одевать, кроме пожертвованных и Женской помощи».

— Никогда не думала, что это так чудесно! — восклицала она. — Вот так, прийти в магазин и купить совершенно новую одежду, и ее не надо потом ушивать или отпускать, как те платья, которые тебе не годятся.

Поход по магазинам занял всю вторую половину дня. Потом Поллианна и тетя поужинали, а затем Поллианна замечательно поговорила со старым Томом в саду. Когда же тетя Полли ушла в гости к соседке, Нэнси, успевшая перемыть всю посуду, вышла на заднее крыльцо, и девочка побеседовала еще и с ней.

Старый Том рассказал ей много чудесных историй о матери, и Поллианна была просто счастлива. А Нэнси рассказала ей о маленькой ферме в местечке Корнере, где живут ее любимая мама и не менее любимые две сестры и брат. Нэнси обещала: если мисс Полли

не будет против, она возьмет Поллианну, когда поедет на ферму, и познакомит со своей родней.

— У них такие красивые имена, Поллианна, — мечтательно произнесла Нэнси. — Тебе они понравятся. Брата зовут Эджернон, а сестер — Флорабель и Эстель. — Нэнси вздохнула. — А я... я просто ненавижу имя Нэнси!

— Как ты можешь говорить такое? — с изумлением посмотрела на нее Поллианна. — Ведь это твое имя. Разве можно его не любить?

Все равно оно не такое красивое, как у них. Понимаешь, я ведь родилась в семье первой, и мама тогда еще не начала читать романов. А потом она стала их читать и нашла там эти прекрасные имена.

— А я люблю имя Нэнси. Потому что Нэнси — это ты, — не сдавалась Поллианна.

— Н-ну, я полагаю, если бы меня нарекли Кларисой Мейбл, ты бы отнеслась ко мне не хуже, а мне жилось бы куда приятнее. Потому как это потрясающее имя.

— Ну, — засмеялась Поллианна, — во всяком случае, ты должна быть рада, что тебя не назвали Гипзибой.

— Гип-зи-бой? — по слогам произнесла Нэнси.

— Ну да, Гипзибой. Так зовут миссис Уайт. А ее муж зовет ее Гип, и ей это ужасно не нравится. Она говорит, что, когда он кричит ей:

«Гип! Гип!» — ей все кажется, что сейчас он крикнет «ура», а она терпеть не может, когда кричат «гип-гип-ура!»

Хмурое лицо Нэнси вдруг озарилось улыбкой.

— Да у тебя прямо ума палата, мисс Поллианна! Знаешь, теперь видно, как только я буду слышать свое имя, мне будет вспоминаться это «гип-гип-ура!», и я сразу начну смеяться. Да, да. И я, наверное, все-таки рада...

Не договорив, Нэнси изумленно поглядела на девочку:

— Неужели... Неужели ты и сейчас играла в свою игру, мисс Поллианна? Поэтому ты и рассказала про Гипзибу?

Поллианна серьезно посмотрела на нее, однако мгновение спустя весело рассмеялась.

— Наверное, я и правда играла в игру, Нэнси. Но я сама этого не заметила. Знаешь, когда привыкнешь искать, чему бы порадоваться, иногда находишь словно само собой. Вот и сейчас так вышло. Если постараться, почти во всем можно отыскать что-нибудь радостное или хорошее.

— М-может быть, — неуверенно выдавши из себя Нэнси.

В половине девятого Поллианна отправилась спать. Сетки к ее окнам все еще не приделали, и наглухо закупоренная комната под крышей раскалилась, как печка.

Поллианна с вожделением взглянула сперва на одно, потом на другое окно, но поднимать рамы не стала. Она помнила о «своем чувстве долга», а потому, аккуратно уложив одежду на стуле, помолилась, задула свечу и улеглась в постель. Она не знала, сколько времени провела без сна, ворочаясь с боку на бок в душной постели, но ей казалось, что мука ее продолжается множество томительных часов. Наконец, она встала, ощупью пробралась к двери, открыла ее и вышла на чердак. Его окутывала густая бархатная тьма; лишь у восточного слухового окна виднелась тоненькая дорожка лунного света.

Стараясь не смотреть ни вправо, ни влево, Поллианна пошла к освещенному окну. Она очень надеялась, что хоть тут окажется сетка для насекомых, но, едва дойдя до цели, убедилась, что надежда ее напрасна: сетки не было. Поллианна глянула сквозь стекло на улицу. Там простирался прекрасный мир, но, увы, он был недоступен!

И вдруг Поллианна увидела такое, от чего глаза ее восторженно распахнулись. Прямо под чердачным окном простиралась широкая плоская крыша застекленной террасы! Зрелище это преисполнило ее душу тоской и жаждой свежего воздуха. Ах, если бы только она могла оказаться там!

Поллианна испуганно оглянулась. Где-то за полосой тьмы осталась ее маленькая душная комната, и там стояла еще более душная постель. Стоило ли ради них преодолевать пугающую темноту, когда впереди простиралась крыша террасы, светила луна, и свежего воздуха было столько, что ее пылающие руки и щеки, разумеется, враз бы остыли.

Ах, если бы только ее кровать стояла здесь!

И ведь бывают счастливцы, которые спят на улице! Например, там, где она жила, был такой Джоэл Хартли. Он болел чахоткой и просто вынужден был спать в саду.

Вдруг Поллианна вспомнила, что недалеко от этого окна висят на гвоздях несколько мешков. Когда она спрашивала, зачем они, Нэнси сказала, что в них убирают на лето зимнюю одежду. Поллианна боязливо пошарила в темноте. Мешки и впрямь были тут. Она выбрала большой мягкий мешок (в нем хранилась котиковая шуба мисс Полли!) и решила, что он великолепно заменит ей на сегодня матрац. Потом она выбрала мешок чуть поменьше и немного потоньше; его можно было сложить вдвое, и получалось что-то вроде подушки. Третий мешок оказался почти пустым, и Поллианна облюбовала его в качестве одеяла. Захватив мешки с собой, Поллианна, чрезвычайно обрадованная тем, что нашла выход из положения, вытолкнула мешки на крышу, а затем спустилась сама. Встав на крышу, она тут же вспомнила о слуховом окне и плотно притворила его за собой. Она на забыла о мухах, которые приносят на своих потрясающих ногах самые ужасные вещи.

На крыше и впрямь оказалось на диво прохладно. Поллианна несколько раз глубоко вдохнула свежий воздух и запрыгала на месте от радости. Тут ее подстерегало еще одно замечательное открытие. Жестяная крыша звучно проминалась под ее ногами, а потом столь же звучно выпрямлялась обратно. Поллианне это так понравилось, что она не отказала себе в удовольствии пробежаться несколько раз взад-вперед по крыше. Мало того, что железо отлично звучало, на ходу разгоряченную Поллианну оведал свежий ветерок, и, забыв обо всем, она наслаждалась жизнью. Крыша была широкой и совершенно плоской, упасть с нее было невозможно, и это тоже радовало Поллианну. Набегавшись и отдышавшись, она, наконец, опустилась на матрац из котиковой шубы, и, как и было задумано, положила под голову второй мешок, а третьим прикрылась.

— Теперь я даже рада, что на мои окна еще не приделали сеток, — блаженно пробормотала она и, подмигнув звездам, добавила: — Ведь иначе я не нашла бы все это.

В это время внизу, в комнате рядом с застекленной террасой тетя Полли в панике пыталась одновременно влезть в халат и в тапочки. Лицо ее было бледно от испуга. Мгновение назад она позвонила по телефону Тимоти и дрожащим голосом приказала:

— Разбуди скорее отца и отправляйтесь вместе на чердак! Не забудьте взять фонари. Кто-то залез на крышу террасы. Наверное, он забрался по решетке для вьющихся роз или как-то еще. Надо опередить его, пока он не проник через чердачное окно в дом. Дверь на чердачную лестницу я, правда, уже заперла, но все равно поторапливайтесь.

Только Поллианна начала засыпать, как ее разбудили свет фонаря и громкие восклицания. Открыв глаза, она обнаружила подле себя Тимоти. Он поднялся снаружи по приставной лестнице, и теперь, стоя на последней ступеньке, удивленно смотрел на девочку. Она перевела взгляд на чердачное окно, откуда как раз тяжело выбирался на крышу старый Том. Из-за плеча старого Тома виднелась голова тети Полли.

— Как прикажешь тебя понимать, Поллианна? — воскликнула тетя Полли.

Поллианна села на своей импровизированной постели.

— Ой, мистер Том, тетя Полли, — часто моргая спросонья, пробормотала она. — А что это вы все такие испуганные? Вы не бойтесь, я сплю тут не потому, что у меня чахотка. Просто мне стало там жарко... Но окно я закрыла, тетя Полли, вы можете быть спокойны, мухи не принесут в дом всяких микробов.

Тимоти вдруг разом исчез с крыши. Старый Том почти с той же стремительностью ретировался в слуховое окно. Мисс Полли стояла, закусив нижнюю губу.

После солидной паузы, она строго сказала:

— Дай мне все эти вещи, Поллианна, и сама иди сюда тоже. Из всех самых странных детей!.. — воскликнула мисс Полли и, не договорив, снова надолго замолчала.

Держа фонарь в одной руке и крепко сжимая ладонь Поллианны — в другой, она вернулась на чердак. После краткого отдыха на крыше террасы воздух здесь показался Поллианне еще более спертым и жарким, чем прежде. Она судорожно вздохнула, но ни единым словом не посетовала на судьбу. Когда они добрались до верхней площадки чердачной лестницы, мисс Полли тщательно отделяя одно слово от другого, проговорила:

— Поллианна! Оставшуюся часть ночи ты проведешь в моей постели. Сетки принесут завтра. Пока их не приделают, я просто считаю своим долгом не спускать с тебя глаз.

— С вами! В вашей постели! — захлебываясь от восторга, воскликнула Поллианна. — О, тетя Полли, тетя Полли! Как я рада! Я так мечтала, чтобы кто-нибудь родной, когда-нибудь меня уложил спать рядом! Именно родной, а не Женская помощь, те-то всегда были рядом! Тетя Полли, а я теперь еще больше рада, что сетки принесут только завтра. Наверное, вы на моем месте тоже были бы рады, а, тетя Полли?

Тетя Полли ничего не ответила. Племянница повергла ее в величайшее недоумение. Уже третий раз она пыталась ее наказать, и третий раз ее наказание воспринималось как

высшая награда. Нужно ли удивляться, что тетя Полли чувствовала себя совершенно выбитой из колеи?

Вскоре в Харрингтонском поместье установилось нечто вроде режима дня. Правда, он не совсем укладывался в ту жесткую схему, которую первоначально предполагала мисс Полли. Поллианна и впрямь шила, играла на рояле, читала вслух и училась готовить. Но она уделяла всем этим занятиям куда меньше времени, нежели планировалось ранее.

Вся вторая половина дня, с двух и до шести, целиком и полностью находилась в ее распоряжении, и она могла доставлять себе все удовольствия, кроме тех, что уже успела категорически запретить тетя Полли. Словом, вопреки всем ее опасениям, времени на то, чтобы «жить», у нее оставалось предостаточно.

Считалось, что это делается для того, чтобы Поллианна как следует отдохнула от занятий. Однако, неизвестно еще, кому больше требовался отдых, ей или мисс Полли. Чем дольше Поллианна жила в ее доме, тем чаще достойная мисс Харрингтон восклицала: «Ну, что за непонятный ребенок!» А завершая ежедневные занятия с племянницей, она чувствовала себя совершенно разбитой и опустошенной.

Нэнси со своей частью уроков на кухне справлялась куда лучше и не чувствовала себя ни разбитой, ни опустошенной. Наоборот, среды и субботы она воспринимала почти так же радостно, как праздники.

Поместье Харрингтонов располагалось как раз на границе города и деревни. И в городских, и в деревенских домах поблизости в это время не оказалось ни одного сверстника Поллианны, и ей не с кем было играть. Но, похоже, это ее ничуть не обескураживало.

— Меня это совершенно не волнует, — объяснила она Нэнси. — Мне нравится гулять и смотреть на дома и на людей. Я просто обожаю людей. А ты, Нэнси?

— Не скажу, что я так уж их обожаю, во всяком случае, не всех, — ядовито проговорила Нэнси.

Поллианна старалась использовать для прогулок каждый погожий день. В такие дни она просто умоляла, чтобы ей дали какое-нибудь поручение в городе. Во время прогулок ей часто встречался человек, которого она тут же стала называть Мой Незнакомец, тем самым отличая его ото всех прочих знакомцев, которых вообще никак не называла. Этот человек всегда носил длинное черное пальто и высокий шелковый цилиндр. Другие знакомцы одевались не так, и уже этим он выделялся на общем фоне. Он был всегда гладко выбрит, бледен, держался подчеркнуто прямо, ходил очень быстро. Волосы с сильной проседью выбивались у него из-под шляпы. Ни разу еще Поллианна не видела его в чьем-либо обществе, и ей показалось, что Ее Незнакомец очень одинок. Ей стало его настолько жаль, что в конце концов она решила заговорить с ним.

— Здравствуйте, сэр. Не правда ли, сегодня чудесный день? — весело спросила она.

Мужчина испуганно огляделся и чуть замедлил шаг.

— Ты это мне? — резко произнес он.

— Да, сэр, — радостно подтвердила Поллианна, — конечно же вам. Не правда ли, сегодня просто чудесный день?

— Э-э-о-о-хм-м! — издал сложное восклицание

Ее Незнакомец, неуклонно продвигаясь дальше. Поллианна засмеялась. «Забавный какой!» — подумала она.

На следующий день они вновь столкнулись.

— Конечно, сегодня не такой хороший день, как вчера, но тоже ничего! — весело крикнула она ему вслед.

— Э-э-о-о-хм-м! — повторил свое восклицание Ее Незнакомец, и Поллианне стало еще веселее.

Когда она в третий раз заговорила с ним, Ее Незнакомец вдруг остановился и спросил:

— Кто ты, дитя мое, и почему каждый день заговариваешь со мной?

— Я Поллианна Уиттиер. А вы все один и один. Вот я и подумала, что вам, наверное, очень одиноко. Я рада, что вы остановились, иначе мы бы с вами и сегодня не узнали друг друга. Правда, вы еще не представились.

— Ну и ну, — выдохнул мистер Ее Незнакомец. Больше он ничего не сказал, лишь изо всех сил припустился вперед.

Поллианна провожала его разочарованным взглядом. «Может быть. Ее Незнакомец чего-то не понял? Ведь так не полагается себя вести, когда знакомишься. Он не назвал мне своего имени», — подумала она, тоже продолжая путь.

Сегодня Поллианне поручили отнести миссис Сноу студень из телячьей ножки. Миссис Сноу и мисс Полли принадлежали к одному церковному приходу. Миссис Сноу уже давно болела, и, так как она очень нуждалась, все более или менее состоятельные члены прихода считали своим долгом помогать ей. Мисс Полли исполняла свой долг по отношению к миссис Сноу каждый четверг; он заключался в том, что Нэнси приносила больной женщине что-нибудь на обед. Однако, в один из четвергов Поллианна выговорила это право себе, и Нэнси, узнав, что мисс Полли не против, без малейших колебаний уступила.

— Не очень-то я горюю, что не пойду к ней сегодня, — честно сказала Нэнси, когда они остались с Поллианной наедине. — Но я-то считаю, что не больно хорошо с ее стороны спихивать это дело на тебя, ягненок мой. Вот так я тебе и скажу: нехорошо. Нехорошо, вот так я тебе и скажу.

— Но я с удовольствием пойду, Нэнси.

— Сначала разок сходи, а потом посмотрим, как ты запоешь, — ехидно отозвалась Нэнси.

— А что такое? — удивилась Поллианна.

— А то, что никому к ней ходить не нравится. Если бы в людях было поменьше жалости, к ней бы и близко никто не подошел, до того она сварливая. Жаль только ее дочку. Вот уж

досталось бедняжке... А то послушать миссис Сноу, так все в этом мире происходит неправильно. Даже дни недели наступают не так. В понедельник она жалуется, что кончилось воскресенье, а если ей принесешь студень, она вмиг заявит, что ей охота цыпленка, а притащи ей цыпленка, тут же скажет, что мечтала о бараньем бульоне.

— Вот так смешная женщина! — расхохоталась Поллианна. — Знаешь, Нэнси, мне теперь еще больше хочется на нее посмотреть. Она ведь совсем не похожа на других, а когда люди не похожи, это так интересно!

— Хм-м. Да уж, что верно, то верно. Миссис Сноу и впрямь на других не походит. Хотелось бы верить, что не походит. Вот так я тебе и скажу: хотелось бы верить, что мы-то с тобой не такие! — угрожающе проговорила Нэнси.

Вспоминая об этом разговоре, Поллианна завернула в калитку, за которой стоял маленький облезлый коттедж. Она предвкушала встречу с этой удивительной миссис Сноу, и глаза ее просто горели от нетерпения. Она постучалась. Дверь открыла девушка с очень бледным лицом; ото всего ее облика веяло страшной усталостью.

— Здравствуйте, — вежливо проговорила Поллианна. — Я от мисс Полли Харрингтон. Мне очень хотелось бы повидать миссис Сноу.

— Если ты говоришь правду, ты первая, кому хотелось бы ее увидеть, — тихо ответила девушка, но Поллианна не разобрала слов.

Девушка открыла дверь в прихожей,пустила Поллианну в полутемную комнату и, затворив дверь, удалилась. Поллианна поморгала глазами, чтобы привыкнуть к темноте, потом посмотрела в глубь комнаты и заметила женщину, сидящую на постели.

— Здравствуйте, миссис Сноу, — тут же подбежав к ней, заговорила Поллианна. — Как вы поживаете? Мисс Полли просила передать, что надеется, что вы сегодня хорошо себя чувствуете. Она прислала вам телячий студень.

— О, Боже! — раздалось с постели. — Я, конечно, очень благодарна, но я так надеялась сегодня поесть бараний бульон.

Поллианна несколько оторопела.

— Странно, — удивленно сказала она, — а мне говорили, что, когда вам приносят студень, вам хочется цыпленка.

— Что? — резко повернула голову больная.

— Да так, ничего, — безо всякого смущения продолжала Поллианна. — В общем-то это не имеет никакого значения, что за чем идет. Просто Нэнси сказала, что обычно, когда от нас приносят студень, вам хочется цыпленка, а когда приносят цыпленка, вам хочется бараний бульон. Но, может быть, Нэнси просто спутала.

Больная взялась за спинку кровати, подтянулась и села прямо. Такая поза для нее была чем-то из ряда вон выходящим, но Поллианна об этом не знала и не обратила внимания.

— Ну-ка, мисс Дерзость, отвечай кто ты такая? — спросила миссис Сноу.

— Да нет, меня совсем по-другому зовут! — засмеялась Поллианна. — И я очень рада, что меня зовут по-другому. Ведь это имя будет даже похуже Гипзибы, правда ведь, миссис Сноу? Я Поллианна Уитгиер, племянница мисс Полли Харрингтон. Я приехала и теперь живу вместе с тетей. Потому-то я и принесла сегодня студень.

Первую часть рассказа Поллианны миссис Сноу выслушала с большим интересом. Но как только речь зашла о студне, тело ее обмякло, и она снова устало откинулась на подушки.

— Да, да, большое вам спасибо. Разумеется, твоя тетя очень добра ко мне. Но у меня сегодня совсем нет аппетита. Вот если бы бара... — она неожиданно замолчала и резко переменяла тему: — Я сегодня совсем не спала. Ну, просто ни на минуту даже глаз не сомкнула.

— Ох, миссис Сноу! Как же я вам завидую! — воскликнула Поллианна. Она поставила студень на маленькую тумбочку и, удобно устроившись на стуле рядом с кроватью, продолжала: — Мне всегда очень жалко тратить время на сон. И вам тоже жалко, миссис Сноу?

— Тратить время на сон? — в полном недоумении переспросила больная.

— Ну, да, — убежденно подтвердила девочка. — Ведь вместо того, чтобы спать, можно просто жить. Мне так жалко, что ночь пропадает зря.

Миссис Сноу снова поднялась с подушек и села очень прямо.

— Ну, ты просто потрясающее дитя! — воскликнула она. — Слушай, подойди-ка к тому окну и подними шторы[3]. Мне хочется как следует разглядеть тебя.

Поллианна встала со стула.

— Ой, но ведь тогда вы заметите мои веснушки, — горестно усмехнулась она. — Я как раз радовалась, что тут так темно, и вы не сможете их увидеть. Ну, а теперь вы смо... Ой! — снова воскликнула она, и в голосе ее послышалось восхищение. — Теперь я так рада, что вы сможете их увидеть. Потому что теперь я вижу вас. Ни тетя Полли, ни Нэнси не сказали мне, что вы такая хорошенькая.

— Я? Хорошенькая? — горестно отмахнулась больная.

— Ну, да. И даже очень. Неужели вы сами не знаете? — удивилась Поллианна.

— Представь себе, нет, — сухо отозвалась миссис Сноу.

Из своих сорока лет пятнадцать она посвятила недовольству всем, что ее окружает. У нее просто времени не хватало подмечать что-то хорошее.

— Но у вас большие темные глаза. И волосы у вас темные, и к тому же вьются, — заворожено глядя на больную, говорила Поллианна. — Обожаю черные кудри! Я мечтаю, что у меня будут такие, когда я попаду в рай. А на щеках у вас такой чудесный румянец. Ну, ясно, вы очень хорошенькая, миссис Сноу. Думаю, вы просто не можете не заметить этого, когда смотрите в зеркало.

— Зеркало! — возмущенно повторила больная и в отчаянии откинулась на подушки. — Увы, я не слишком-то часто гляжусь в него. Думаю, и тебе, моя милая, было бы трудно в него глядеться, если бы ты лежала, как я.

Это верно, — с сочувствием отозвалась Поллианна. — Дайте-ка я вам принесу зеркало.

Она вприпрыжку подбежала к комоду и схватила маленькое зеркало с ручкой. Вернувшись к кровати, она окинула больную придирчивым взглядом.

— Если вы не против, я сначала чуть-чуть причешу вас, а потом вы посмотрите на себя в зеркало. Я очень хотела бы, чтобы вы согласились на это. Ладно?

— Ну, я... Да, если ты хочешь... Только это бесполезно. Прическа долго не продержится.

— Ой, спасибо! Я обожаю причесывать других!

Поллианна осторожно положила зеркало, схватила расческу и увлеченно принялась за дело.

— Сегодня я ничего особенного не сооружу, — сказала она. — Мне просто хочется, чтобы вы увидели, какая же вы хорошенькая. А в следующий раз я уж займусь вами как следует, — добавила она, нежно касаясь пальцами вьющихся волос надо лбом больной женщины.

Следующие пять минут Поллианна провела в напряженной работе. Она начесывала, укладывала, поправляла сбившиеся пряди на затылке. Потом взбила подушку, чтобы придать голове больной наиболее эффектное положение. Больная хмурилась, усмехалась, и то и дело отпускала язвительные замечания, из коих явствовало, что она совершенно не верит в успех. Однако, несмотря на всю язвительность ее тона, чувствовалось, как ее все больше и больше охватывает волнение.

— Ну, вот! — отдуваясь сказала Поллианна. Она вдруг заметила рядом с кроватью вазу с цветами. Выхватив розовую гвоздику, она воткнула ее в волосы больной.

— Теперь, мне кажется, вы уже готовы, — сказала она, с некоторой опаской протягивая миссис Сноу зеркало. — Глядите.

— Хм-м-м! — произнесла больная, недоверчиво изучая свое отражение. — Вообще-то красные гвоздики мне нравятся куда больше, но какая разница, если цветок к вечеру все равно завянет.

— Но вы как раз должны быть рады, что цветы вянут! — воскликнула Поллианна. — Ведь это так чудесно, когда в вазе каждый день появляются новые цветы! Мне очень-очень нравится, когда у вас так пышно уложены волосы, — удовлетворенно добавила она.

— В-в-возможно, — ответила миссис Сноу таким тоном, словно с неохотой признавала очевидное. — Все равно эта прическа не продержится долго. Я, дорогая моя, только и делаю, что верчусь с боку на бок на подушках.

— Правильно, не продержится! Но ведь это как раз и хорошо. Я очень рада. Потому что я смогу приходить и причесывать вас! — весело защебетала Поллианна. — И еще больше

радоваться, потому что у вас такие замечательные черные волосы. Потому что они прекрасно выглядят на фоне подушки. Мои волосы на белом выглядят куда хуже.

— Может быть. Но мне никогда не нравились черные волосы. Малейшая седина в них сразу заметна, — капризно проговорила миссис Сноу, однако зеркала от лица так и не отвела.

— Нет, я очень люблю черные волосы. Я была бы рада, если бы у меня были такие, — со вздохом произнесла Поллианна.

Миссис Сноу уронила зеркало на постель и раздраженно посмотрела на девочку.

— Нет, моя дорогая, сомневаюсь, что ты была бы рада, окажись ты на моем месте, — сварливо проговорила она. — Попробуй полежать с мое, и тебя не обрадуют ни черные волосы, ни что-нибудь другое.

Поллианна задумчиво наморщила лоб. «Наверное, в таком положении и впрямь трудно радоваться», — подумала она.

— Ну, что же мне прикажешь делать? — торжествующе спросила больная.

— Радоваться всему, — ответила девочка.

— Радоваться всему? Чему же, позволь узнать, можно радоваться, когда лежишь больная в постели все дни напролет? Думаю, тебе это было бы не очень просто. Что ж ты молчишь?

В следующее мгновение Поллианна весело захлопала в ладоши, чем окончательно сбила с толку миссис Сноу.

— Да, трудновато! — воскликнула девочка. — Но ведь как раз это и хорошо, правда, миссис Сноу? Всю дорогу до дома я буду думать, чему вам можно радоваться. Может быть, я придумаю, и тогда скажу вам, когда приду в следующий раз. А теперь мне уже пора. До свидания. Я просто потрясающе провела у вас время. До свидания! — еще раз крикнула она и исчезла за дверью.

— С ума сойти! Что она хотела этим сказать? — не отрывая глаз от закрывшейся за девочкой двери, пробормотала миссис Сноу. Она взяла с постели зеркало и снова посмотрелась в него. — А эта крошка умеет обращаться с волосами, — некоторое время спустя, тихо сказала она. — Я и не знала, что могу выглядеть так привлекательно. Только какой мне от этого прок, — горестно добавила она и вновь опустив зеркало на простыню, откинулась на подушку и капризно замотала головой.

Зеркало все еще оставалось в ее постели, когда некоторое время спустя в комнату вошла ее дочь Милли. Только теперь оно не валялось на простыне, а было тщательно укрыто от посторонних взоров.

— Мама! — едва открыв дверь, воскликнула Милли. — Да у тебя занавески подняты!

Не успела она удивиться яркому свету в комнате, как заметила гвоздику в волосах матери, и это поразило ее еще больше.

— А что тебя, собственно, удивляет? — обиженно отозвалась мать. — Неужто я должна всю жизнь просидеть в темноте только из-за того, что больна?

— Правильно, мама, — поспешно согласилась Милли и извлекла на свет бутылку с лекарством. — Ведь я и сама тебя столько раз уговаривала открыть шторы, но ты никогда раньше не соглашалась.

Миссис Сноу молча перебирала пальцами кружева ночной рубашки.

— Неужели никто не может подарить мне новую ночную рубашку? — слышался, наконец, ее капризный голос. — Ну, хоть бы для разнообразия кто-нибудь прислал ее вместо бараньего бульона.

— Но, мама! — воскликнула вконец пораженная Милли, и в возгласе ее не было ничего удивительного. Дело в том, что ящик комода таил целых две новых ночных рубашки и уже несколько месяцев Милли тщетно пыталась уговорить мать воспользоваться хоть одной из них.

Когда Поллианна в следующий раз увидела Своего Незнакомца, шел дождь. Однако девочка одарила его сияющей улыбкой:

— Сегодня не очень-то хороший денек, не правда ли? — сказала она. — Но я очень рада, что не все дни такие.

На этот раз Ее Незнакомец даже не прибег к своему сложному восклицанию и спокойно прошествовал мимо. Поллианна не сомневалась, что он так повел себя просто потому, что не расслышал ее слов. Когда на следующий день они встретились вновь, она решила говорить погромче. Может быть, по-своему она была и права, ибо Ее Незнакомец шел, опустив глаза и заложив руки за спину. Поллианне казалось просто нелепым не замечать ничего вокруг, когда на улице так ярко сияет солнце, воздух напоен утренней свежестью, а самой Поллианне удалось заполучить утреннее поручение, и она смогла уже после завтрака пойти на прогулку.

— Здравствуйте! Как вы поживаете? — громко защебетала она. — Сегодня день совсем не такой, как вчера. Я так рада, и вы, наверное, тоже, да?

Ее Незнакомец остановился, как вкопанный. Лицо его исказилось от злобы.

— Послушай-ка, девочка, — сухо произнес он. — Давай-ка мы с тобой сразу договоримся. Запомни раз и навсегда: я совершенно не замечаю, есть сегодня солнце или нет. Мне некогда заниматься погодой. У меня и без нее полно дел.

Поллианна ласково улыбнулась.

— То-то и оно, сэр. Я и сама вижу, что вы не замечаете, какая погода. Потому-то я и сказала вам об этом.

— Э-э-хм-м-м. Что? — выдавил из себя в ответ мужчина и умолк.

— Я говорю, сэр, что я потому и сказала вам о погоде, чтобы вы посмотрели, как ярко светит солнце и как чудесно вокруг. Я ведь знаю, стоит вам это заметить, и вы сразу обрадуетесь, и лицо у вас станет совсем не таким, как сейчас.

— Ну и ну! — воскликнул Ее Незнакомец и беспомощно развел руками.

Он было пошел вперед, но сделав несколько шагов, остановился. Лицо его было по-прежнему хмуро.

— Послушай. А почему бы тебе не побеседовать с кем-нибудь из сверстников? — спросил он.

— Я бы с радостью, сэр. Но Нэнси говорит, что поблизости совсем нет детей. Да меня это не очень волнует. Мне и со взрослыми весело. С ними мне даже привычнее, ведь я привыкла к Женской помощи.

— Хм-м. Ну, да, Женская помощь. Ты что, считаешь, что я похож на нее?

На губах Ее Незнакомца появилось нечто вроде улыбки, но по-прежнему суровый взгляд словно стоял на страже, не позволяя лицу принять веселое выражение.

— О нет, сэр, — весело засмеялась Поллианна, — уж вы-то совсем не похожи на Женскую помощь! Но вы ничуть не хуже... Может быть, даже лучше, — любезно добавила она. — Да, да я, знаете, совершенно уверена, что вы куда лучше, чем кажетесь с виду.

Ее Незнакомец издал еще одно сложное восклицание. Самое сложное из всех, которые он издавал раньше.

— Н-да! — произнес он напоследок, и на этот раз решительно продолжил свой путь.

В следующую их встречу Ее Незнакомец наградил Поллианну шутливым взглядом, и она с радостью отметила, насколько он стал от этого привлекательней.

— Добрый день, — сухо вато поздоровался он. — Наверное, мне лучше сразу предупредить: я знаю, что сегодня светит солнце.

— Вам незачем было говорить мне об этом, — ответила Поллианна. — Как только я посмотрела на вас, я поняла, что вы знаете.

— Ты поняла?

— Ну да, сэр. Я заметила это по вашим глазам и по тому, что вы улыбаетесь.

Ее Незнакомец хмыкнул и пошел дальше. С тех пор он всегда заговаривал с Поллианной, и часто даже первым заводил беседу. Правда, беседы их редко заходили дальше приветствий, но и этого было достаточно, чтобы удивить Нэнси. Она просто рот раскрыла от изумления, когда они однажды шли с Поллианной по улице, и Ее Незнакомец поздоровался с девочкой.

— Домик мой с палисадником! — воскликнула она. — Мне что, привиделось, или он и впрямь говорил с тобой, мисс Поллианна?

— Конечно, говорил. Он теперь всегда со мной разговаривает, — с улыбкой ответила девочка.

— Всегда, говоришь? Ну и дела. Ты хоть знаешь, кто он такой?

Поллианна покачала головой.

— Мне кажется, он забыл представиться, — задумчиво проговорила она. — Понимаешь, я ему сказала, как меня зовут, а он не сказал.

— Но он вообще уже много лет ни с кем не разговаривает, если только ему это не нужно по делу. Это Джон Пендлтон. Он живет один как сыч в большом доме на Пендлтонском холме. У него там даже прислуги нет, ему предпочтительней по три раза на дню ходить есть в гостиницу. Там ему всегда Салли Майнер прислуживает. Так она говорит, он даже когда еду заказывает, и то рот разевает с трудом. А иногда ей и вовсе приходится гадать, чего ему нужно. Но вот что она уж наверняка знает — ему подавай, что подешевле.

Поллианна понимающе кивнула.

— Это я знаю. Бедняку всегда приходится выискивать самое дешевое. Мы с папой часто ели в харчевне. Обычно мы заказывали бобы и рыбные тефтели. И мы с ним всегда очень радовались, что любим и бобы и тефтели. Потому что на жареную индейку нам даже глядеть было страшно. Одна ее порция стоила целых шестьдесят центов. Интересно, мистер Пендлтон тоже любит бобы?

— Любит бобы! — возмущенно выдохнула Нэнси. — Да какая ему разница, что любить? Ты и впрямь думаешь, что он бедняк, мисс Поллианна? Держи карман шире! Ему досталась в наследство от отца уйма денег! Да будет тебе известно, богаче Джона Пендлтона в нашем городе и нет никого. Если бы он захотел, он мог; бы каждый день есть доллары на завтрак, обед и ужин.

Поллианна засмеялась.

— Вот это да, Нэнси! Представляешь, как это, наверное, здорово. Садится мистер Пендлтон за стол и принимается жевать доллары! — Поллианна засмеялась еще громче прежнего.

— Да ты не поняла, — досадливо отмахнулась Нэнси. — Я просто хочу сказать, он ведь богатый и может позволить себе, что только душе угодно. Но он не тратит деньги, а только копит их.

— А-а! — с восторгом воскликнула Поллианна. — Я знаю, зачем он так делает. Он копит деньги для язычников. Какой он хороший! Ты понимаешь, он отказывает себе во всем, чтобы нести нашу веру дикарям.

Нэнси остановилась и остолбенело посмотрела на девочку. Она уже готова была съязвить относительно жертвенности мистера Пендлтона, но встретила с доверчивым взглядом Поллианны и сочла за лучшее промолчать.

Неопределенно хмыкнув, она поспешила вернуться к прерванной беседе:

— Все-таки очень странно, что он с тобой стал разговаривать. Он ни с кем не разговаривает. Ни с кем, вот так я тебе и скажу, ни с кем почти никогда не разговаривает, если, конечно, для дела не требуется. Не понимаю. Живет совсем один в таком прекрасном доме, где полно всяких потрясающих вещей. Сама я, конечно, не видела, но

люди именно так и говорят. Вот так и говорят: и дом прекрасный, и вещи там просто потрясающие. Иные называют этого Пендлтона психом, другие злым, а иные говорят, что он просто прячет скелет в шкафу[4].

— О, Нэнси! — передернулась от ужаса и отвращения Поллианна. — Неужели он может держать в шкафу такие ужасные вещи? Я бы на его месте давно бы избавилась от этой пакости.

Нэнси засмеялась. Она никак не ожидала, что Поллианна не знает такой известной поговорки, однако, убедившись, что та поняла слова о скелете буквально, разубеждать ее почему-то не стала.

— Все говорят, что он ведет очень странный образ жизни, — продолжала она сгущать краски. — Он часто надолго уезжает в путешествия, и все по языческим странам. То по Египту, то по Азии, то по Сахаре.

Ну, я же тебе говорила! Значит, он точно миссионер, — твердила свое Поллианна. Нэнси криво усмехнулась.

— Я бы так не сказала, Поллианна. Когда он возвращается, он начинает писать книги.

Говорят, это очень странные книги. В них он (рассказывает о всяких штуковинах, которые наводит в дальних краях. И чем ему не нравится (тратить свои деньги тут? Даже на себе и то экономит.

— А я понимаю, почему он тут не тратит, — уверенно ответила Поллианна. — Я же говорила тебе: он копит для язычников. Знаешь, он очень забавный и совсем не похож на других. Прямо, как миссис Сноу. Только он и на нее тоже не похож.

— И впрямь не похож, — фыркнула Нэнси.

— Вот потому я и рада, что он со мной разговаривает, — сказала Поллианна и блаженно вздохнула.

Когда Поллианна во второй раз пришла к миссис Сноу, Милли провела ее в ту же комнату. Штора снова была опущена, и Поллианне пришлось какое-то время опять привыкать к полутьме.

— Это та девочка от мисс Полли, — объявила Милли и оставила Поллианну наедине с больной.

— Ах, это ты! — послышался из кровати капризный голос. — Я запомнила тебя. Да тебя кто угодно запомнит. Вот только жаль, что ты не пришла вчера. Мне вчера так хотелось тебя увидеть.

— Правда? Ну, тогда я рада, что пришла сегодня, а не еще через три дня! — весело объявила Поллианна. Быстро пройдя по комнате, она осторожно поставила корзину на стул возле кровати.

— Ой, как темно! — воскликнула она. — Я почти вас не вижу.

Она решительно подошла к окну и подняла шторы.

— Мне очень хотелось посмотреть, вы научились причесываться так, как я вам в прошлый раз показала? — возвращаясь к кровати, заговорила она. — Ой, нет, не научились, — продолжала она, взглянув на миссис Сноу. — Ну, ничего. Я даже рада. Ведь и теперь вы, наверное, позволите, чтобы я сама вас причесала. Но я вас причешу немного позже. А сейчас посмотрите, что я вам тут принесла.

Женщина беспокойно заворочалась в постели.

— Не думаю, что от моего взгляда еда станет вкуснее, — ехидно проговорила она, но на корзину все же взглянула. — Ну, что там у тебя?

— А чего бы вам самой больше всего хотелось? — спросила Поллианна. — Ну, отвечайте же, миссис Сноу!

Миссис Сноу растерялась. Уже много лет подряд все ее желания сводились к мечтам о чем-то другом, нежели то, что ей принесли. И вот теперь, встав перед свободным выбором, она просто не знала, что и сказать. А она не сомневалась, что Поллианна не успокоится, пока не добьется ответа.

— Ну... — замялась она. — Может быть, бараньего бульо...

— У меня он есть! — с гордостью перебила ее Поллианна.

— Ах, нет, это именно то, чего мне как раз сегодня совсем не хочется, — вдруг заявила больная. Теперь, когда было, от чего отказываться, она, наконец, обрела прежнюю уверенность в себе и отчетливо поняла, чего бы желал ее несчастный больной желудок. — Мне хочется цыпленка, — твердо сказала она.

— Но у меня и цыпленок есть! — весело воскликнула Поллианна.

Миссис Сноу повернула голову и ошеломленно уставилась на нее.

— И то... и... другое? — медленно проговорила она.

— И третье. Я еще и студень с собой взяла! — торжественно провозгласила девочка. — Я решила, что вы должны хоть раз получить на обед то, что вам действительно хочется. Вот мы и придумали вместе с Нэнси. Конечно, каждого блюда получилось по чуть-чуть. Но зато все они уместились у меня в корзине. Я так рада, что вам захотелось цыпленка! — сказала она, извлекая три небольших миски с едой. — Понимаете, когда я уже шла к вам, я вдруг испугалась, что у меня ничего не выйдет. Ну, представляете, как было бы жалко, если бы вам вдруг захотелось рубца, или тушеного лука, или еще чего-то, чего у меня с собой нет. Но, слава Богу, все обошлось. И это чудесно, потому что ведь мы с Нэнси очень старались!

Ответа не последовало. Больная чувствовала себя совершенно растерянной, и никак не могла собраться с мыслями.

— Я оставлю вам все, — продолжала щебетать Поллианна, устраивая на столе все три миски. — Вдруг завтра вам захочется бараньего бульона, а послезавтра — студня. А, кстати, как вы сегодня себя чувствуете, миссис Сноу? — вежливо осведомилась она.

— Спасибо, плохо, — с облегчением пробормотала миссис Сноу, ибо вопрос о здоровье вернул ее в привычно вялое и, одновременно, раздраженное состояние духа. — Мне так и не удалось поспать сегодня утром. Эта соседская девчонка, Нелли Хиггинс, принялась заниматься музыкой, и ее упражнения чуть не свели меня с ума. Она пробренчала на рояле без остановки все утро. Просто не знаю, как мне теперь жить. Поллианна с сочувствием кивнула головой.

— Да, да, это ужасно. С миссис Уайт однажды тоже было такое. Миссис Уайт, чтобы вы знали, из той Женской помощи, которая мне помогала. У нее тогда как раз случился приступ радикулита, она лежала и даже повернуться не могла. Она потом говорила, что ей было бы гораздо легче, если бы она смогла переворачиваться с боку на бок. А вы можете, миссис Сноу?

— Что «могу»?

— Ну, поворачиваться, двигаться, менять положение в кровати, когда музыка совсем уж надоедает вам?

Миссис Сноу удивленно посмотрела на Поллианну.

— Ну, конечно. Я могу двигаться по всей кровати, — несколько раздраженно проговорила она.

— Ну, значит, вы уже этому можете радоваться, правда ведь? А вот миссис Уайт совсем не могла двигаться. Потому что, когда радикулит, сделать это просто невозможно. Миссис Уайт говорила, что ей просто до смерти хотелось повернуться. И еще она потом говорила, что, наверное, совсем бы рехнулась, если бы не уши сестры ее мужа.

— Уши сестры ее мужа? Думаешь ли ты, что говоришь, дитя мое?

— Да, миссис Сноу. Я просто вам не все рассказала. Я только сейчас вспомнила, вы ведь совсем не знаете Уайтов. Но, понимаете, мисс Уайт, сестра мужа миссис Уайт, совершенно глухая. Она как раз приехала погостить к ним, и тут у миссис Уайт случился этот приступ радикулита, и мисс Уайт осталась, чтобы ухаживать за ней и подменить ее на кухне. Но она была совершенно глухая и не понимала, что ей говорят. Вот с тех пор миссис Уайт, когда слышала, как у соседей играют на рояле, даже радовалась, потому что она, по крайней мере, слышала, и ей было легче, чем мисс Уайт. Понимаете, миссис Сноу, это она так играла в мою игру.

— В игру?

— Ой! — захлопала в ладоши Поллианна. — Я чуть не забыла. Миссис Сноу, я ведь придумала, чему вы можете радоваться.

— Радоваться? Что ты хочешь этим сказать?

— Ну, я же вам в прошлый раз обещала, что подумаю. Неужели вы забыли? Вы попросили меня подумать, чему можно радоваться, если лежишь целыми днями в постели?

— Ах, вот ты о чем, — с пренебрежением ответила миссис Сноу. — Ну, это-то я прекрасно помню. Только я пошутила. Неужели ты всерьез думала над такой ерундой?

— Конечно, всерьез, — с победоносным видом заявила Поллианна. — И я придумала. Это было очень трудно. Но, чем труднее, тем интересней играть. Честно сказать, сначала мне вообще ничего в голову не приходило, но потом все-таки пришло...

— Ну, и что же пришло тебе в голову? — саркастически — ласковым тоном осведомилась миссис Сноу.

Поллианна набрала в легкие побольше воздуха и выпалила на едином дыхании:

— Я придумала, что вы должны быть рады, что другим людям не так плохо, как — вам. Ведь они не больны и не лежат целыми днями в кровати.

В глазах миссис Сноу вспыхнула злоба.

— Ну и ну! — воскликнула она, и в голосе ее не послышалось благодарности.

— А теперь я расскажу вам, что это за игра, — спокойно продолжала Поллианна. — Вам будет очень здорово в нее играть. Потому что, чем труднее приходится, тем в этой игре интереснее. А труднее, чем вам, наверное еще никому не было. А началась эта игра... — и она принялась рассказывать о миссионерских пожертвованиях, костылях и о кукле, которая ей так и не досталась.

Едва она успела справиться с этой историей, как в дверях показалась Милли.

— Ваша тетя велит вам идти домой, мисс Поллианна, — безо всякого выражения проговорила она. — Она звонила по телефону Харлоусам из дома напротив. Вам ведено передать, чтобы вы поторопились. Ваша тетя говорит, что вам надо до вечера еще успеть позаниматься на рояле.

Поллианна с явной неохотой поднялась со стула.

— Ладно, потороплюсь, — мрачно ответила она и вдруг засмеялась. — Видите, миссис Сноу, я, по крайней мере, могу радоваться, что у меня есть ноги, и я могу поторопиться домой.

Миссис Сноу ничего не ответила. А Милли, взглянув на мать, едва не закричала от удивления. По бледным щекам больной струились слезы.

Поллианна направилась к двери.

— До свидания! — крикнула она, уже переступая порог. — Жалко, что я не успела вас причесать, миссис Сноу. Мне очень хотелось это сделать. Ну, ничего, думаю, в следующий раз удастся.

Июльские дни летели один за другим. Для Поллианны это были очень счастливые дни, о чем она не уставала сообщать тете Полли, а тетя Полли неизменно отвечала:

— Вот и хорошо, Поллианна. Мне очень приятно, что ты чувствуешь себя счастливой. Но я хочу надеяться, что время для тебя не проходит впустую. Иначе я буду вынуждена признать, что плохо исполняю свой долг.

Услышав это, Поллианна обхватывала тетю за шею и запечатлевала пылкий поцелуй на ее щеке. Подобная сцена повторялась почти ежедневно, но бурные чувства племянницы все еще приводили мисс Полли в совершеннейшее смятение.

И вот как-то, во время урока шитья, Поллианна, в ответ на очередное замечание тети, что дни не должны проходить впустую, спросила:

— Вы хотите сказать, что если я просто счастливо провела день, значит я провела время впустую?

— Совершенно верно, дитя мое.

— Вы часто мне говорите, что надо добиваться ре-зультатов, — отдельно произнесла она.

— Конечно, дитя мое.

— А что значит ре-зультаты? — продолжала допытываться Поллианна.

— Ну, это значит, что ты из всего должна извлекать какую-то пользу. Все-таки ты очень странный ребенок, Поллианна.

— А если я просто радуюсь, это не значит, что я извлекаю пользу? — с тревогой спросила Поллианна. — Конечно, нет.

— Жалко. Боюсь, тогда моя игра вам совсем не понравится, и вы никогда не сможете в нее играть, тетя Полли.

— Игра? Какая игра?

— Ну, которую мы с па... — Поллианна зажала ладонью рот. — Да нет, ничего, — тихо пробормотала она.

Мисс Полли нахмурилась.

— Думаю, мы с тобой сегодня достаточно позанимались, Поллианна, — сказала она, и урок шитья завершился.

Уже под вечер, спускаясь со своего чердака, Поллианна неожиданно увидела на лестнице тетю Полли.

— Тетя Полли! Тетя Полли! Как это чудно, что вы решили зайти ко мне. Пойдемте скорее. Я так люблю принимать гостей! — выпалила она.

Круто развернувшись, Поллианна снова взбежала вверх по ступенькам и широко распахнула дверь в свою каморку.

Тетя Полли совершенно не собиралась в гости к племяннице. Она шла на чердак, чтобы поискать в сундуке у восточного слухового окна белую шаль. И вот, к своему великому удивлению, она во мгновение ока, вместо сундука оказалась на жестком стуле в комнате Поллианны.

Сколько раз после приезда племянницы мисс Харрингтон, сама удивляясь, вдруг начинала делать что-то совершенно для себя неожиданное!

— Да, я просто обожаю гостей, — продолжала щебетать Поллианна, суетясь вокруг тети с таким видом, словно привела ее не в убогую каморку, а в роскошный дворец. — А особенно мне приятно принимать вас сейчас. Ведь теперь у меня появилась эта комната. Конечно, у меня и раньше была своя комната, но квартиру-то мы снимали. А теперь у меня своя собственная комната, и это, конечно, гораздо лучше. Ведь это навсегда моя комната, правда?

— Да, да, Поллианна, конечно, — вяло пробормотала тетя, недоумевая, почему так и не решается подняться и пойти на поиски шали.

— И, знаете, я теперь просто стала обожать эту комнату. Конечно, в ней нет ни ковров, ни занавесок, ни картин, хотя они мне очень нра...

Тут Поллианна спохватилась и, покраснев, замолчала.

— Что ты хотела сказать, Поллианна?

— Н-ничего, тетя Полли. Правда, это все ерунда.

— Может быть, и так, — сухо произнесла мисс Полли. — Но раз уж ты начала, будь любезна, договаривай до конца.

— Да, это действительно ерунда. Просто я немного надеялась на красивые шторы, картины, ковры. Но, конечно...

— Надеялась? — жестко переспросила ее тетя Полли.

Поллианна еще сильнее покраснела.

— Конечно, мне не надо было надеяться, тетя Полли, — виновато проговорила она. — Просто мне давно хотелось, чтобы у меня в комнате были ковры и картины. У нас было всего два маленьких коврика из пожертвований. Один был весь закапан чернилами, а другой — в дырах. А две картины... Одну па... Я хочу сказать, что хорошую мы продали, а плохая развалилась. Наверное, если бы не все это, я бы никогда не стала о них мечтать, когда первый раз попала в ваш холл. А так, я шла через холл и думала, какая красивая у меня теперь будет комната. Но вы не думайте, тетя Полли, я совсем чуть-чуть помечтала об этом, а потом уже радовалась. Потому что в моей комнате нет зеркала, и я не вижу своих веснушек. И вид из моих окон лучше всяких картин. И вы всегда так добры ко мне... Мисс Полли поднялась на ноги. Лицо ее пылало.

— Можешь не продолжать, Поллианна, — сухо проговорила она.

Еще мгновение, и она уже быстро спускалась по лестнице. Она дошла до самого низа, и только тут спохватилась, что так и не добралась до сундука у восточного слухового окна.

Прошло чуть менее суток, когда мисс Полли вызвала Нэнси.

— Нэнси! — приказала она. — Ты должна сегодня же перенести вещи мисс Поллианны в ту комнату, которая находится под комнатой на чердаке. Я решила, что моя племянница будет теперь жить там.

— Слушаюсь, мэм, — громко ответила Нэнси. «Домик мой с палисадником!» — пробормотала она себе под нос.

Минуту спустя она уже была в комнате Поллианны.

— Ты только послушай! — что есть силы вопила она. — Теперь ты будешь жить внизу, и комната твоя будет прямо под этой. Это правда. Вот так я тебе и говорю: будешь внизу жить. Будешь, вот так я тебе и говорю.

Поллианна побледнела.

— Ты хочешь сказать... О, Нэнси!.. Это правда? Это действительно правда?

— Думаю, ты скоро сама убедишься, — ответила Нэнси, вылезая из шкафа с ворохом платьев Поллианны. — Мне ведено перенести туда твои вещи, и я сделаю это, прежде чем ей придет в голову передумать, — добавила она, энергично кивая головой.

Прежде чем Нэнси успела закрыть рот, Поллианна опрометью кинулась вниз. Рискуя сломать себе шею, она вихрем преодолела две лестницы и, прогрохотав двумя дверьми и одним стулом, который имел несчастье подвернуться ей под ноги, достигла цели.

— Тетя Полли! Тетя Полли! Неужели я правда буду жить в комнате, где есть все: и ковер, и занавески, и три картины, и тот же потрясающий вид из окон, как в моей теперешней комнате! Ой, тетя Полли! Вы у меня такая хорошая!

— Очень приятно, Поллианна. Я довольна, что ты одобряешь мое решение. И еще я надеюсь, что, раз уж ты так хочешь все эти вещи, ты будешь обращаться с ними бережно. Полагаю, можно не продолжать. А теперь подними, пожалуйста, стул. Вынуждена обратить твое внимание на то, что за последние полминуты ты дважды хлопнула дверью, — сурово добавила достойная мисс Харрингтон.

Она и сама не знала, зачем так строго отчитала племянницу. А дело было в том, что мисс Полли вдруг захотелось плакать, и она не нашла лучшего способа скрыть свое состояние.

Поллианна подняла стул.

— Все верно, мэм! — весело призналась она. — Я и сама слышала, как хлопали эти двери. Но я ведь только что узнала о новой комнате. Я думаю даже вы хлопнули бы дверью, если бы... — Поллианна осеклась и пристально поглядела на тетю.

— Скажите, тетя Полли, а вы когда-нибудь хлопали дверьми?

— Конечно, нет, Поллианна, — уверенно ответила мисс Полли, и это прозвучало в ее устах очень поучительно.

— Жалко, тетя Полли! — с сочувствием воскликнула Поллианна.

— Жалко? — переспросила мисс Полли и растерянно развела руками.

— Ну, да, жалко. Ведь если бы вам захотелось хлопнуть дверью, вы хлопнули бы. А вам не хотелось, и вы не хлопали, и значит, вы никогда ничему не радовались. Иначе вы нипочем бы не смогли удержаться. Мне так жалко, что вы никогда ничему не радовались!

— Поллианна! — едва слышно проговорила достойная леди.

Но Поллианна не отозвалась. Ее уже не было рядом. Лишь резкий хлопок двери, донесшийся с чердака, был ответом на зов мисс Полли. Поллианна влетела наверх и принялась вместе с Нэнси переносить вещи. А мисс Полли сидела в гостиной, и впервые за много лет чувствовала, как ее охватывает смятение. Ну, конечно же, и в ее жизни бывали радости.

Прошел август. Он принес в Харрингтонское поместье множество сюрпризов и перемен. Единственным человеком, который все эти новшества воспринял совершенно невозмутимо, была Нэнси. Она говорила, что с тех пор, как у них живет Поллианна, самые удивительные вещи стали казаться ей вполне нормальными.

Сначала в доме появился котенок. Поллианна нашла его на дороге, чуть ниже Харрингтонского поместья. Котенок жалобно мяукал. Тщательный опрос соседей не выявил владельца несчастного существа, и Поллианна притащила его домой.

— Я была так рада, когда у него не оказалось хозяев, — щедро делилась она новостью с тетей Полли. — Мне ведь с самого начала очень захотелось принести его домой. Я обожаю котят. Я ведь знаю, вы тоже будете рады, если он останется у нас жить.

Мисс Полли бросила испуганный взгляд на пушистый комочек страданий, сидевший на руках Поллианны, и содрогнулась. Дело в том, что почтенная леди не питала нежных чувств даже к здоровым и чистым кошкам.

— Фу, Поллианна! — брезгливо воскликнула она. — Какой он грязный. Наверное, он болен и у него полно блох.

— Я знаю, тетя Полли. Бедный малыш! — сокрушалась Поллианна, пытаясь заглянуть в испуганные глаза котенка. — Смотрите, он весь дрожит. Он такой несчастный и всего боится. Наверное, он и нас с вами боится. Он ведь еще не знает, что мы собираемся оставить его у себя.

— Этого еще никто не знает, — многозначительно проговорила тетя Полли.

— Да нет, тетя Полли. Это уже все знают! — с ликующим видом заявила Поллианна, даже не удосужившись вникнуть в смысл тетиного замечания. — Я уже всем сказала, что, если не найду хозяев, мы с вами обязательно оставим его у себя. Я ведь знаю, что вы будете рады приютить у себя маленькое беспризорное существо.

Мисс Полли было открыла рот, но поняла, что не в силах произнести ни слова. Странное ощущение беспомощности, которое так часто стало посещать ее с тех самых пор, как к ней приехала Поллианна, вновь сковало ее волю и лишило привычного благоразумия.

— Ну, конечно же, тетя, — награждая мисс Полли благодарными взглядами, продолжала Поллианна, — я знала, вы просто не сможете бросить на произвол судьбы такого несчастного котенка. Меня же вы ведь не бросили. Именно так я и объяснила миссис Форд, когда она говорила, что вы в жизни не разрешите мне оставить его. Вот я ей и

сказала, что вы даже меня оставили, хоть у меня все-таки была Женская помощь; как же вы сможете не оставить котенка, у которого вообще никого нет? Я знала, что вы именно это подумаете, когда узнаете, что у бедного котенка совсем нет хозяев!

И Поллианна вприпрыжку выбежала из комнаты.

— Но ты не так поняла меня, Поллианна! — попыталась возразить тетя Полли.

Напрасно — Поллианна не слышала ее. Она бежала на кухню.

— Нэнси! Нэнси! — что было мочи кричала она на ходу. — Ты только посмотри, какая прелесть! Тетя Полли будет растить его вместе со мной!

И тетя Полли не нашла ни сил, ни слов, чтобы возразить племяннице.

На следующий день в доме появилась собака. Она была еще грязнее и несчастнее, чем кошка. А тетя Полли к собакам питала еще меньше нежности, чем к кошкам. И все же она опять не нашла, что возразить племяннице и с безмолвным изумлением выслушала, как та провозглашает ее защитницей чуть ли не всех обездоленных собак на свете.

Начало следующей недели прошло относительно спокойно. Затем в четверг, который выдался просто чудесным, Поллианна в очередной раз понесла студень миссис Сноу. С тех пор, как она рассказала больной женщине о своей игре, они стали настоящими друзьями. Мало того, миссис Сноу сама стала играть в игру. Правда, получалось у нее пока неважно. Она слишком привыкла жалеть себя, и сразу начать хоть чему-то радоваться ей было совсем не легко. Но Поллианна так терпеливо и жизнерадостно руководила ею, что она постепенно играла все лучше и лучше. И вот, в тот самый четверг, о котором идет речь, миссис Сноу, к великой гордости Поллианны, объявила, что очень рада студню из телячьей ножки, ибо именно это блюдо ей сегодня больше всего хотелось съесть на обед. Для Поллианны слова эти были ценны вдвойне. Дело в том, что встретив ее у двери, Милли испуганным шепотом сообщила: сегодня утром жена пастора уже принесла огромную миску такого же студня.

«Да, миссис Сноу просто не узнать!» — с радостью думала Поллианна на обратном пути. И тут она увидела мальчика. Он мрачно восседал на обочине дороги и лениво обстругивал палку тупым ножом с обломанным лезвием.

— Привет! — улыбнулась Поллианна. Мальчик смерил ее взглядом и вновь угрюмо принялся за свою палку.

— Себе и скажи «привет», — сердито буркнул он.

Поллианна засмеялась.

— Знаешь, у тебя сейчас такой вид, словно тебя даже телячьим студнем не обрадуешь, — сказала она, останавливаясь перед ним.

Мальчик заерзал и с удивлением посмотрел на Поллианну. Потом опять занялся своей палкой.

Некоторое время Поллианна стояла молча, думая, как продолжить беседу. Затем, решившись, она опустилась на землю рядом с мальчиком. Хотя Поллианна и уверяла, что

привыкла к Женской помощи и преспокойно обходится без ровесников, все же ей очень не хватало их общества. Вот почему, встретив, наконец, сверстника, она решила не упускать своего счастья.

— Меня зовут Поллианна Уиттиер, — вежливо начала она. — А тебя как?

Мальчик опять заелозил и хотел было подняться с земли, но потом раздумал.

— Джимми Бин, — с неохотой процедил он.

— Вот и хорошо. Теперь мы знакомы. Я так рада, что ты назвал себя, потому что некоторые знакомятся не по правилам. Я живу в доме мисс Полли Харрингтон. А ты где живешь?

— Нигде.

— Как нигде? Так нельзя. Все где-нибудь живут, — уверенно заявила Поллианна.

— Может, и все, но не я. Я нигде не живу. Во всяком случае, сейчас. Я подыскиваю новое место.

— Ах, вот как? И где же это место? Мальчик бросил на нее презрительный взгляд.

— Во, тупая! Стал бы я искать, если бы знал, где оно!

Поллианна обиженно тряхнула головой. Ей не нравилось, когда с ней так грубо разговаривают. Но все-таки это был единственный мальчик в округе, и она решила смириться даже с тем, что ее обозвали «тупой».

— А где ты раньше жил? — как ни в чем не бывало осведомилась она.

— И чего привязалась? — раздраженно прошипел мальчик.

— Ничего не поделаешь, — пропуская грубость мимо ушей, ответила Поллианна. — Ты сам так мало говоришь о себе, что, если я не буду расспрашивать, то ничего о тебе не узнаю. Вот меня тебе не приходится спрашивать, я все сама говорю.

Мальчик усмехнулся. Это вышло у него от смущения, потому что сейчас ему было совсем не весело, однако лицо его стало куда приятнее.

— Ладно уж, слушай, — снисходительно произнес мальчик. — Я Джимми Бин и мне десять лет, одиннадцатый пошел. В прошлом году я попал в приют. Знаешь, там уйма детей. Мне кажется, я никому там не нужен. Вот я и ушел. Я хочу жить где-нибудь в другом месте, но я еще не нашел, где. Мне нужно жить в доме, но чтобы там были родственники, а не надзиратели, как в приюте. Потому что, если у тебя есть дом, значит, есть и родные. А у меня после матери остался только отец, а когда он умер, у меня вообще никого не осталось. И я решил искать. Я уже был в четырех домах, но ничего не вышло. Я говорил им, что буду работать, но они все равно не захотели меня брать. Вот. Это все. Больше мне тебе нечего рассказать, — дрогнувшим голосом добавил мальчик.

— Как жалко, — с сочувствием отозвалась Поллианна. — Выходит, ты никому не нужен? Бедный! Я ведь знаю, как это тяжело. У меня ведь тоже умер папа, и когда у меня никого

не осталось, кроме Женской помощи, пока тетя Полли не сказала, что возьме... Поллианна умолкла. Блестящая идея внезапно осенила ее.

— Я знаю место, и оно придется тебе по душе! — воскликнула она. — Тетя Полли тебя возьмет. Возьмет, возьмет, я знаю. Меня-то взяла! И Флафи с Бафи, когда оказалось, что у них нет хозяев что им некуда деться, — тоже. А ведь это только кошка и собака. Пойдем! Я знаю! Тетя Полли, конечно, возьмет тебя. Ты даже представить себе не можешь, какая она хорошая и добрая.

Исхудалое лицо Джимми Бина засияло от радости.

— Она возьмет меня? — с надеждой переспросил он. — Честное индейское? Знаешь, ведь я очень сильный, — добавил он и с гордостью задрал рукав, демонстрируя худую, костлявую руку. — Вот, смотри. Я могу работать!

— Ну, конечно же, тетя Полли возьмет тебя. Ведь она самая лучшая на свете после моей мамы, но мама теперь в раю. У тети Полли в доме полно комнат, — тараторила Поллианна, стремительно приближаясь к Харрингтонскому поместью и волоча за руку Джимми Бина. — Это очень большой дом. Хотя, — с некоторой тревогой продолжала она, — может быть, сначала тебе придется спать в комнате на чердаке. Мне тоже сперва пришлось. Но теперь там есть сетки от насекомых, и тебе уже не будет так жарко, как мне. И мухи уже не принесут всяких микробов на своих ногах. Ты знаешь, каких потрясающих микробов они переносят? Может быть, тетя Полли даст тебе про это прочесть, если ты будешь хорошо... то есть, если ты плохо себя поведешь. О-о! У тебя тоже есть веснушки! — пристально вглядываясь в его лицо, воскликнула она. — Ну, тогда ты будешь рад, что там нет зеркала, и картина в окне лучше, чем на стене. В общем, тебе нет никакого смысла возражать, если она поселит тебя в эту комнату.

На этом месте Поллианна была вынуждена прерваться и шумно втянуть в легкие воздух.

— Обалдеть! — восхитился Джимми Бин, который, впрочем, мало что понял из ее речи. — Вот тебе-то уж точно не надо задавать вопросов, ты вон даже на бегу сколько успеваешь сказать.

Поллианна засмеялась.

— Ну, ты-то, во всяком случае, можешь этому радоваться. Потому что, когда говорю я, ты можешь спокойно себе молчать.

Они вошли в дом, и Поллианна без малейшего колебания провела Джимми прямо к тете Полли, совершенно изумленной таким вторжением.

— О, тетя Полли! — торжественно провозгласила Поллианна. — Вы только посмотрите, кого я вам привела. Его будет интересно растить, даже интереснее, чем Флафи и Бафи. Посмотрите, это настоящий живой мальчик. Он сказал, что не возражает, если вы сначала поселите его в комнату на чердаке. И еще он говорит, что будет работать. Но я думаю, у него на это не останется времени. Ведь, конечно же, он будет много играть со мной.

Тетя Полли сперва побледнела, потом покраснела. Она поняла далеко не все из слов племянницы, но и того немногого, что она поняла, ей было вполне достаточно.

— Что это значит, Поллианна? Откуда ты взяла этого оборванца? — строго осведомилась она.

«Оборванец» отступил на шаг к двери, а Поллианна весело засмеялась.

— Ой! Да я просто, как Мой Незнакомец!

Совсем забыла сказать, как его зовут. А вы заметили, какой он грязный, тетя Полли? Просто как Флафи и Бафи, когда вы их взяли. Но, я думаю, это мы с вами исправим. Мы просто помоем его, как помыли Флафи и Бафи. Ой, опять забыла, — снова засмеялась она. — Тетя Полли, его зовут Джимми Бин.

— И что же он здесь делает? Поллианна очень удивилась.

— Как, что? Да я ведь вам только что все рассказала, тетя Полли. Он пришел сюда для вас. Я привела его, чтобы он тут жил. Он хочет, чтобы у него был свой дом и родные. Я ему рассказала, как вы приютили меня, и Флафи с Бафи, и какая вы хорошая и добрая. Я объяснила, что ему, конечно, будет хорошо у нас, потому что Флафи и Бафи у нас очень хорошо, а Джимми Бин ведь гораздо лучше, чем кошка или собака.

Тетя Полли откинулась на спинку стула и поднесла дрожащую руку к горлу. Знакомое ощущение беспомощности уже вновь наваливалось на нее. Но на этот раз мисс Полли решила не сдаваться. После упорной внутренней борьбы она собрала все свои силы и села очень прямо.

— Ну, знаешь что, хватит, Поллианна! У меня просто слов нет. Мало нам бродячих кошек и собак, так теперь ты приводишь с улицы маленьких попрошаек, и они...

Мальчик неожиданно вздрогнул. Глаза его засверкали, и он, высоко подняв голову, уверенно шагнул прямо к тете Полли.

— Я не попрошайка, мэм! — задиристо произнес он. — И от вас мне ничего не надо. Я просто хотел работать, а за это получить постель и еду. Я никогда не пришел бы в ваш распрекрасный дом, да только вот эта девочка принялась твердить мне, какая вы хорошая и добрая и как вы просто мечтаете взять меня к себе. Вот и все!

Он круто развернулся и зашагал прочь с таким чувством собственного достоинства, что, несомненно, выглядел бы очень смешно, не будь у него столь жалкого вида.

— Ой, тетя Полли, — срывающимся голосом проговорила Поллианна, — а я-то думала, вы будете рады взять Джимми Бина к себе, я думала... вы... будете ра...

Мисс Полли, требуя тишины, воздела вверх руку. Нервы у нее были напряжены до предела. До сих пор у нее в ушах звучал голос мальчика: «какая вы хорошая и добрая и как вы мечтаете взять меня к себе!» И знакомое чувство беспомощности чуть было не одолело ее. Но, собрав всю свою волю, она второй раз за сегодняшний день одержала победу.

— Поллианна! — громко крикнула она. — Оставишь ты когда-нибудь это свое вечное «рада»? С утра до вечера я только и слышу: «рада», «рада», «рада»! Мне кажется, я когда-нибудь сойду с ума от этого.

Поллианна совсем растерялась.

— Но... — прошептала она. — Мне казалось, тетя Полли, что вы были бы рады, чтобы я была ра... О-о-о!

И, крепко зажав рукой рот, она выбежала из комнаты.

Она нагнала Джимми Бина, прежде, чем он успел дойти до калитки.

— Мальчик! Мальчик! Джимми Бин! — кричала она, задыхаясь от бега. — Я хочу... я хочу попросить у тебя прощения!

— Да брось ты. Ты вовсе и не виновата, но я не попрошайка! — упрямо добавил он.

— Ну, конечно же, нет. Но ты не должен винить тетю, — убеждала Поллианна. — Наверное, это я во всем виновата. Я просто неправильно тебя представила. Тетя очень хорошая и добрая и всегда была хорошей и доброй. Просто я ей неправильно все объяснила. Но мне все равно хочется найти тебе дом.

Мальчик пожал плечами и отвернулся в сторону.

— Можешь не беспокоиться. Уж как-нибудь сам себе найду. Я ведь не какой-нибудь попрошайка. Поллианна так глубоко задумалась, что даже лоб наморщила от напряжения. Однако мгновение спустя ее осенила еще одна великолепная идея.

— Я знаю, как мы с тобой поступим! Сегодня будет собрание Женской помощи. Я слышала, как тетя Полли говорила об этом по телефону. Я пойду туда и изложу им суть твоего дела. Именно так называл это мой папа. И он всегда излагал им, когда ему что-нибудь от них было надо. Например, средства, чтобы учить язычников, или новый ковер для церкви.

Мальчик снова повернулся и сердито посмотрел на нее.

— Но я-то не язычник и не новый ковер. И что это за Женская помощь такая?

— Ну и ну, — осуждающе протянула Поллианна, — где же тебя воспитывали, Джимми Бин? Не знать, что такое Женская помощь!

— Не хочешь, не говори, — равнодушно ответил мальчик. Он отвернулся и двинулся вперед, явно намереваясь удалиться. Поллианна ринулась следом.

— Да нет, я скажу тебе. Это... это... — замялась она. — Ну, это, когда много женщин сидят вместе, шьют, устраивают ужины, собирают деньги и разговаривают. Вот это и называется Женской помощью. Они вообще очень добрые. То есть, большинство в Женской помощи. Там, где я жила, были добрые. Из здешней Женской помощи я пока никого не знаю, но, наверное, и они неплохие. Я сегодня пойду и расскажу им про тебя. Мальчик снова сердито посмотрел на нее.

— И не вздумай, — со злостью проговорил он. — Не стану я стоять и слушать, как эта твоя помощь называют меня попрошайкой. Нет, не выйдет!

— Да тебя-то там не будет, — принялась уговаривать Поллианна. — И я уверена, что у кого-нибудь из них найдется для тебя дом.

По лицу мальчика было видно, что слова Поллианны вновь вселили в него надежду.

— Я готов работать, ты не забудь сказать им об этом, — строго напутствовал он.

— Ну, конечно, скажу, — успокоила его Поллианна. И, ни минуты не сомневаясь, что добившись согласия Джимми, преодолела все трудности, заверила: — Завтра я скажу тебе, у кого из них ты будешь жить.

— А где мне тебя ждать?

— У дороги. Там, где ты нашелся сегодня. У дома миссис Сноу.

— Ладно. Я приду туда. — Мальчик помолчал, потом с неохотой спросил: — Может, мне все-таки вернуться на сегодняшнюю ночь в приют? Понимаешь, деваться-то мне все равно некуда, а от них я ушел только сегодня утром. Я ведь никого не предупредил, что не собираюсь, возвращаться. Просто сбежал, и все. Иначе они меня не выпустили бы. Вообще-то, они, конечно, все равно не заметили бы, что меня нет. Зачем я им нужен. Я же им не родной.

— Бедный, — с сочувствием отозвалась Поллианна. — Но ты не расстраивайся. Ведь это только до завтра. Когда мы увидимся, у меня уже будут для тебя и дом и родные. Им-то уж не будет все равно. Ну, пока, до завтра, — и она побежала обратно.

Мисс Полли в это время стояла у окна гостиной и угрюмо наблюдала за двумя детьми. Когда мальчик ушел, она с тоской смотрела ему вслед до тех пор, пока он не скрылся за поворотом дороги. Потом отвернулась от окна, вздохнула и медленно побрела наверх. Никогда прежде она не двигалась столь вяло. В ее ушах до сих пор звучал презрительный голос мальчика: «Какая вы хорошая и добрая, и как вы мечтаете взять меня к себе!». На душе у нее стало скверно. Она чувствовала себя так, будто что-то потеряла, и никак не может найти.

Когда в полдень мисс Полли с племянницей встретились за обедом, разговор у них явно не клеился. Поллианна несколько раз пыталась заговорить, но почти сразу же спотыкалась на слове «рада» и смущенно умолкала. Когда она в пятый раз не договорила начатой фразы, тетя Полли раздраженно покачала головой и со вздохом сказала:

— Ладно, моя дорогая. Если уж ты не можешь обойтись без этого «рада», тогда говори. Я совсем не хочу, чтобы ты все время молчала.

— Ой, спасибо вам, тетя Полли! А то мне так трудно. Понимаете, я так долго играла...

— Что ты делала? — перебила тетя Полли.

— Я играла в игру, которую па... — тут она поймала себя на том, что вновь чуть было не вторглась на запретную территорию, и покраснев, умолкла.

Тетя Полли нахмурилась, но ничего не ответила, и обед завершился в полном молчании. Чуть позже Поллианна услышала, как тетя Полли объявила по телефону жене пастора, что у нее разболелась голова, и она не сможет сегодня прийти на собрание Женской помощи.

Положив трубку, она поднялась в спальню и затворила дверь. Поллианна пыталась вызвать в себе сочувствие к тете. Но, несмотря на то, что она прекрасно знала, как скверно, когда болит голова, по-настоящему расстроиться она так и не смогла. Хоть ей и было немного стыдно, но она радовалась, что тетя не пойдет на собрание Женской помощи, а значит, не услышит, как она будет «излагать суть дела Джимми Бина». Поллианна все еще не могла забыть, как тетя обозвала Джимми Бина «маленьким попрошайкой» и не хотела, чтобы она повторила это в присутствии Женской помощи.

Поллианна знала, что собрание назначено на два часа дня. Женская помощь заседала в часовне при приходской церкви примерно в полумиле от Харрингтонского поместья. Поллианна вышла из дома с таким расчетом, чтобы прийти на собрание не в два, а в три. «Надо подождать, пока они все соберутся, — размышляла она. — Я-то уж знаю, что, когда говорят в два, Женская помощь собирается только к трем. А мне надо, чтобы их успело прийти побольше. Иначе там может не оказаться той, которая как раз захочет взять к себе Джимми Бина».

Ровно в три она подошла к часовне, без малейших колебаний поднялась по лестнице и, отворив дверь, вошла внутрь. Она на мгновение задержалась в прихожей и прислушалась. Из главного помещения доносились женская болтовня и смех. Поллианна решительно шагнула вперед и отворила дверь.

Стоило ей войти, как женщины разом умолкли и с любопытством уставились на нее. Это смутило Поллианну, и, входя в комнату, она чувствовала, как ее все сильнее и сильнее одолевает робость. Когда она шла сюда, она как-то не думала, что ей придется предстать не перед родной и близкой Женской помощью своего города, а перед дамами, часть из которых она едва знала, а с другими не была знакома вовсе.

— Здравствуйте, члены Женской помощи, — все же нашла в себе силы пробормотать она. — Я Поллианна Уиттиер. Наверное, некоторые из вас меня знают. Во всяком случае, я вас знаю. Не всех, конечно.

Она замолчала. Тишина воцарилась такая, что в ушах звенело. Некоторые из женщин и впрямь уже успели узнать удивительную племянницу мисс Харрингтон, другие не знали, но были наслышаны о ней. Но и у тех, и у других на мгновение словно пропал дар речи, и они были не в силах произнести ни слова.

— Я... я пришла... Мне надо изложить вам суть дела, — сама того не замечая, воспользовалась Поллианна выражением отца и снова смущенно замолчала.

— Тебя... Тебя, милая, наверное, тетя прислала? — спросила жена приходского пастора, миссис Форд.

— О, нет, я сама пришла, — чуть покраснев, ответила Поллианна. — Видите ли, я привыкла к Женской помощи. Там, где я жила раньше, Женская помощь растила меня вместе с папой.

Кто-то не удержался и захихикал. Жена пастора сердито наморщила брови.

— А в чем дело, милая?

— Да в... Джимми Бине. — Поллианна глубоко вздохнула и выпалила: — У него нет ни одного дома, кроме приюта, а приют переполнен, и Джимми говорит, что он там не

нужен. Он говорит, что ему нужен другой дом, обычный дом, где не надзирательницы, а мама и родственники и где о нем будут заботиться. Ему десять, одиннадцатый, и я думаю, кто-нибудь из вас захочет взять его к себе.

Поллианна замолчала. Женская помощь молчала тоже.

— Н-да-а-а, — протянула одна из женщин, решившись, наконец, нарушить длинную паузу.

— Я совсем забыла сказать, он будет работать, — добавила Поллианна.

И снова наступила тишина. Потом некоторые женщины принялись с достаточно безучастным видом задавать Поллианне вопросы. Вскоре они уже знали о Джимми Бине все, что знала сама Поллианна, и охотно, но безо всякого сочувствия принялись обсуждать его.

Чем дальше заходила беседа, тем большее недоумение охватывало Поллианну. Много из того, что говорили эти женщины, Поллианна не поняла вовсе. Из того же, что она поняла, она была вынуждена заключить, что ни одна из женщин, присутствующих на собрании, не хочет брать к себе Джимми Бина. Каждая категорически отказывалась взять мальчика сама, но неизменно называла кого-нибудь из других женщин, которые могут приютить бедного сироту, ибо у них самих нет детей. Однако, ни одна так и не вызвалась предоставить кров невезучему Джимми Бину. Тогда жена пастора предложила членам Женской помощи взять на себя расходы на жизнь и образование Джимми. Она полагала, что стоит им немного уменьшить в этом году пожертвования детям далекой Индии, и задача окажется вполне по силам.

Тут в дело вмешались все присутствующие. Женская помощь пришла в великое волнение и заговорила хором. Теперь в речах почтенных благотворительниц слышалось еще меньше доброжелательности. Из того, что они говорили, Поллианна поняла, что их общество прославилось своими жертвованиями на христианские миссии в Индии. Как бы там ни было, несколько женщин решительно заявили, что просто умрут от стыда, если Женская помощь пожертвует на Индию меньше обычного. Они еще что-то такое говорили про Индию, но Поллианне казалось, что она не очень-то поняла. Не могла же она поверить, будто главное для этой Женской помощи, чтобы сумма, указанная в списке пожертвований, была выше, чем у других благотворительных обществ, и они сохранили первое место в ежегодном отчете. Ведь получалось, что им совершенно безразлично, на какие дела пойдут их деньги! Поллианна с сомнением покачала головой. Нет, все-таки она, наверное, не так поняла их.

Но, сколько она ни убеждала себя, визит оставил у нее на душе неприятный осадок, и, выйдя из часовни на улицу, она облегченно вздохнула. Правда, она тут же с тоской подумала, как трудно ей завтра будет говорить с Джимми Бином. Вряд ли он поймет, то, что объяснила ей высокая женщина в очках. Она сказала, что за Джимми Бина их в отчете не похвалят. «Конечно, учить на свои деньги язычников очень благородно, — пыталась разобраться в своих впечатлениях Поллианна, — я совсем не хочу сказать, что они не должны отправлять туда денег. Но... — она вздохнула. — Когда их слушаешь, кажется, что заботиться надо только о детях, которые далеко, а на несчастных мальчиков здесь не надо обращать никакого внимания». Она снова вздохнула и понуро побрела по улице.

— Мне все-таки кажется. Джимми Вин который растет рядом с нами, должен для них быть главнее какого-то отчета, — тихо но уверенно проговорила она на ходу.

Выйдя из часовни, Поллианна направилась не домой, а в сторону Пендлтонского холма. Это был первый «выходной день» (так она называла дни, в которые не должна была учиться шить или готовить), который выдался для нее таким безрадостным. Теперь ей надо было как-то успокоиться и собраться с мыслями, и она знала: ничто не утешит ее сейчас лучше зелени и тишины Пендлтонского леса. И, несмотря на то, что жаркое солнце нещадно палило ей спину, Поллианна принялась быстро взбираться по крутому Пендлтонскому холму. «Раньше половины шестого меня дома никто не ждет, — размышляла она на ходу, — а мне куда приятнее сделать крюк и прогуляться по лесу».

Она уже бывала в Пендлтонском лесу, и знала, как там красиво. Однако сегодня она обрадовалась лесу больше обычного. Она с восхищением глядела по сторонам и даже на какое-то время забыла о том щемящем чувстве, которое охватывало ее при одной только мысли, что завтра ей придется сообщить Джимми Бину печальную новость.

Поллианна подняла глаза. Среди густых крон деревьев виднелись островки ярко-голубого неба, а солнце подсвечивало яркую зеленую листву.

«Жаль, что леди из Женской помощи всего этого не видят, — продолжала размышлять Поллианна. — Мне кажется, если бы они попали сюда, им бы не захотелось так громко кричать, и к Джимми Бину они, наверное, отнесли бы совсем по-другому, и кто-нибудь взял бы его к себе». Вряд ли Поллианна смогла бы объяснить, отчего она так думает, но, тем не менее, она была совершенно уверена, что здесь, в этом лесу, она сумела бы убедить Женскую помощь, и та отнеслась бы к «сути дела Джимми Бина» совсем по-другому.

Вдруг Поллианна услышала невдалеке собачий лай. Она остановилась и прислушалась. Лай с каждым мигом приближался, и, наконец, навстречу Поллианне выскочил небольшой пес.

— Здравствуй, здравствуй, песик! — обрадовалась Поллианна.

Она сразу узнала его. Это был песик Ее Незнакомца, мистера Пендлтона, и теперь Поллианна с нетерпением смотрела на тропинку, ожидая, когда из леса появится хозяин. Но, к ее удивлению, минута проходила за минутой, а мистер Пендлтон так и не выходил. Она внимательно поглядела на собаку.

Пес проявлял явные признаки беспокойства. Он то и дело принимался лаять, скулить. Потом он несколько раз убежал по тропинке в ту сторону, откуда появился, и тут же возвращался обратно. Поллианна пошла следом за ним. Через некоторое время тропинка раздвоилась. Поллианна пошла прямо, а пес побежал в сторону, но скоро вновь к ней вернулся и жалобно заскулил.

— Но я же иду домой! — смеясь, сказала песику Поллианна и продолжила путь.

Тут маленький пес словно обезумел. Он принялся, не переставая, носиться между тропинками. Взад-вперед, взад-вперед. Теперь каждое его движение воплощало мольбу. Заметив это, Поллианна сошла на боковую тропинку и последовала за ним.

Пес тут же ринулся вперед. Пройдя несколько ярдов, Поллианна все поняла. У подножия крутой скалы неподвижно лежал человек. Под ногой Поллианны громко хрустнула ветка. Мужчина поднял голову. Испуганно вскрикнув, Поллианна бросилась к нему.

— Мистер Пендлтон! Мистер Пендлтон! Что с вами? Вы не разбились?

— Разбился? О, нет, я просто решил немного передохнуть в этом прелестном солнечном уголке, — ядовито произнес он. — Послушай, ты хоть что-то способна понять? Или, по крайней мере, сделать что-нибудь путное?

Он спросил это так грубо, что Поллианна всхлипнула от обиды. Но, так как она привыкла все понимать буквально, она постаралась как можно обстоятельнее ответить на оба вопроса мистера Пендлтона.

— Вообще-то я пока не очень много знаю и понимаю, да и делать умею не все, мистер Пендлтон. Но все в Женской помощи, кроме миссис Роусон, говорили, что я очень разумная. Я однажды это случайно подслушала, а они не знали, что я их слышу. Мистер Пендлтон невесело улыбнулся.

— Ладно, ты уж прости, дитя мое. Это все из-за проклятой ноги. А теперь слушай внимательно. — Он с трудом извлек из брючного кармана связку ключей и, сняв один, протянул Поллианне.

— Иди прямо по тропинке. Через пять минут ты выйдешь к моему дому. Дойди до боковой двери под порткошером[5] и открой ее этим ключом. Ты знаешь, что такое порткошер?

— Знаю, сэр. У тети Полли он тоже есть. Над ним находится терраса с замечательной плоской крышей. Я там однажды спала, верней, не спала, потому что меня нашли.

— Что? А? Ну, вот, войдешь в дом, пройдешь прихожую, а потом холл до самой последней двери. Открой ее и войди в комнату. Там посередине стоит большой письменный стол, а на нем — телефон. Умеешь обращаться с телефоном?

— Да, сэр. Однажды тетя Полли...

— Неважно, что там случилось с твоей тетей Полли, — нетерпеливо перебил мистер Пендлтон. Он попытался немного подвигнуться, и лицо его скривилось от боли. — Поищи телефон доктора Томаса Чилтона, — с усилием продолжал он. — Он есть на карточке, которая лежит где-то рядом с аппаратом. Вообще-то она должна висеть на крючке, но, думаю, не висит. Поищи внимательней. Ты сможешь узнать карточку с телефонами?

— О, да, сэр. Я просто обожаю разглядывать ту, которая есть у тети Полли. Там такие забавные имена и...

— Скажешь доктору Чилтону, — снова перебил мистер Пендлтон, — что мистер Пендлтон лежит со сломанной ногой у подножия Утеса Маленького Орла в Пендлтонском лесу. Передай, чтобы он немедленно выезжал сюда. Пусть захватит с собой еще двух мужчин и носилки. Обо всем остальном он и сам догадается. Скажешь только, что от дома нужно идти по этой тропинке.

— Значит, вы сломали ногу, мистер Пендлтон? Какой ужас! — с сочувствием воскликнула девочка. — Но я так рада, что пришла! Не могу ли я что-нибудь еде... —

— Именно, что можешь, но только, по-моему, не хочешь. Не будешь ли ты так любезна побыстрее сделать то, о чем я тебя сейчас просил? Сейчас не время болтать, — и мистер Пендлтон тихо застонал.

Поллианна ринулась к дому. Голубое небо по-прежнему сияло между кронами деревьев, но Поллианна даже не смотрела на него. Она неслась что было духу вперед и внимательно глядела под ноги, боясь споткнуться о камень или корягу.

Вскоре она достигла дома. Она уже видела его раньше, но близко еще ни разу не подходила, и теперь эта громада из серого камня с множеством веранд на высоких колоннах и массивной парадной дверью почти напугала ее. На мгновение она оторопела, но тут же поспешила дальше. Миновав заброшенную лужайку, она обогнула дом и оказалась у боковой двери. С того самого момента, как она покинула мистера Пендлтона, она изо всех сил сжимала ключ в руке. Теперь рука так онемела, что Поллианна не сразу смогла повернуть ключ в замке. Наконец, ей это удалось, — и тяжелая дверь со скрипом отворилась.

Поллианна испуганно замерла у порога. Она с опаской оглядывала большой полутемный холл и не знала, что и подумать. Она вспомнила, что дом мистера Пендлтона многие считали таинственным местом и что где-то тут спрятан... скелет. Но, несмотря ни на что, она знала, что должна войти в эти страшные комнаты, позвонить доктору и сообщить, что мистер Пендлтон... Поллианна понеслась без оглядки в конец холла и отворила последнюю дверь.

Комната, в которую она попала, оказалась большой и мрачной. Стены ее были отделаны панелями темного дерева, такими же, как в холле, а на окнах висели алые шторы. Единственной живой деталью был солнечный свет, который струился сквозь западное окно. Он играл на латуни каминной решетки и отражался в никеле телефонного аппарата, стоявшего на огромном письменном столе посередине комнаты.

Поллианна на цыпочках подкралась к столу. Карточки с телефонами на крючке и впрямь не оказалось. Оглядевшись, Поллианна нашла ее на полу. Она провела трясущимся пальцем по колонке с фамилиями, пока не добралась до номера доктора Чилтона. Секунду спустя она уже пересказывала ему дрожащим голосом все, что просил передать мистер Пендлтон. Выслушав, мистер Чилтон задал несколько четких вопросов, и Поллианна ответила на них. Когда он, наконец, повесил трубку, Поллианна облегченно вздохнула.

Но и теперь она не позволила себе даже как следует осмотреться и ринулась назад. У нее осталось смутное и чрезвычайно сумбурное воспоминание о многочисленных книжных шкафах, алой драпировке, неопрятном письменном столе, где царил полный хаос, замусоренном поле и бесчисленных дверях (за каждой из них вполне мог находиться скелет!). Мгновение спустя она выскользнула из полуоткрытой входной двери, и вскоре уже вновь стояла перед мистером Пендлтоном.

Даже он, несмотря на страдания, заметил, сколь мало времени отсутствовала Поллианна.

— Ну, что скажешь? Ты не смогла войти в дом? — осведомился он. Поллианна удивленно посмотрела на него.

— Да нет, я вошла. Я ведь уже вернулась, — ответила она. — Как же я вернулась бы, если бы не смогла войти? Доктор оказал, что постарается как можно скорее. Он захватит двух мужчин, и все остальное тоже. Он говорит, что совершенно точно представляет, где вы сейчас лежите. Вот я и не стала дожидаться его. Мне хотелось побыть с вами.

— Да ну, — горестно усмехнулся мужчина. — Не могу сказать, что одобряю твой выбор. Я бы на твоём месте поискал общество повеселей.

— Вы хотите сказать, что вы слишком сердитый?

— Спасибо за откровенность. Именно это я и хотел сказать.

— Но вы же только кажетесь сердитым! — тихо засмеялась Поллианна. — На самом деле вы совсем другой.

— Ты-то откуда знаешь? — удивился мистер Пендлтон, пытаясь поудобнее пристроить голову и не потревожить при этом больную ногу.

— Ну, я, например, вижу, как вы с ним обращаетесь, — ответила Поллианна, видя, как мистер Пендлтон ласково положил руку с длинными пальцами на голову пса. — Странно, — задумчиво продолжала она, — собаки и кошки отчего-то разбираются в людях лучше самих людей. Вы тоже так думаете, мистер Пендлтон? Знаете, давайте я подержу вам голову.

Пока Поллианна помогала ему изменить положение головы, мистер Пендлтон не раз сморщился от боли и даже издал несколько стонов. Все же, когда в конце концов голова его оказалась на коленях у девочки, он убедился, что это куда удобнее, чем каменистая впадина.

— Да, так, пожалуй, гораздо лучше, — благодарно пробормотал он.

Потом он надолго умолк. Поллианна внимательно вглядывалась в его лицо, пытаясь понять, заснул он или нет? В конце концов она все-таки поняла, что он не спит. Рот его был слишком крепко сжат, казалось, он стискивает зубы, чтобы не застонать от боли.

Поллианна перевела взгляд на большое, сильное тело мистера Пендлттона. Увидев, как безжизненно оно сейчас распростерлось на земле, она сама едва не застонала от сочувствия. Одну руку, крепко сжатую в кулак, мистер Пендлтон откинул далеко в сторону, другая по-прежнему лежала на голове пса. Пес сидел совершенно неподвижно, не спуская тоскливого и преданного взора с хозяина.

Близился вечер. Солнце спускалось все ниже, а тени деревьев стали длиннее. Поллианна сидела, не меняя позы. Она так боялась причинить лишние страдания мистеру Пендлтону, что, казалось, даже дышать перестала. Звери и птицы вокруг словно все понимали, и компания, поневоле расположившаяся в лесу, совершенно их не смущала. Какая-то птица спустилась так близко от девочки, что та могла схватить ее. Потом на ветке, росшей у самой земли, появилась белка, она тряхнула пушистым хвостом у самого носа Поллианны, а затем с опаской устала на пса, но тот даже не шелохнулся.

Вдруг пес поднял уши, тихо заскулил и коротко тьякнул. Поллианна услышала голоса. Из-за деревьев показались люди. Они несли носилки и прочее необходимое снаряжение. За ними шел доктор Чилтон. Этого стройного, всегда гладко выбритого человека с очень добрыми глазами Поллианна уже знала. Он подошел к ней и приветливо улыбнулся.

— Итак, моя маленькая леди, вы решили поиграть в сестру милосердия?

— Ну, что вы, сэр, — ответила Поллианна и тоже улыбнулась. — У меня даже и лекарства с собой не было. Я просто держала его голову. Но я так рада, что оказалась здесь.

— Я тоже, — кивнул головой доктор и занялся пострадавшим.

В тот вечер Поллианна опоздала к ужину. Однако никакого наказания за это не последовало.

Нэнси поджидала ее у двери.

— Ну, слава Богу, мисс Поллианна. — А то я уже тревожиться начала, — сказала она и облегченно вздохнула. — Уже полседьмого.

— Знаю, — с виноватым видом отозвалась Поллианна. — Но я не нарочно. Думаю, даже тетя Полли поймет, что я просто не могла по-другому.

— А ей и понимать нечего! — торжествуя, воскликнула Нэнси. — Она уехала!

— Уехала! — испуганно выдохнула Поллианна. — Ты хочешь сказать, это из-за меня?

Ее богатое воображение во мгновение ока воссоздало все вольности, которые она успела себе позволить за время жизни в Харрингтонском поместье. Страшная картина прегрешений складывалась из кошки, собаки, мальчика-сироты, постоянно срывающегося с уст слова «рада», упоминаний об отце, а также двух опозданий к ужину.

— Неужели она из-за меня уехала? — с еще более растерянным видом повторила она.

— Скажешь тоже, — фыркнула Нэнси. — Просто ей пришла такая срочная телеграмма. Ее кузина из . Бостона скорострительно скончалась. Вот она и поехала ее хоронить. А эта срочная телеграмма пришла уже когда тебя не было дома, и приедет она только через три дня. Теперь, думаю, мы обе с тобой будем рады. Потому что вместе будем вести дом, как нам нравится. Ты и я, и больше никого. Вот так я тебе и скажу: ты и я, и никого больше. Вот так и будем...

— Нэнси! — возмутилась девочка. — Как ты можешь такое говорить! Когда кого-нибудь хоронят, нельзя радоваться.

— Да я же не похоронам радуюсь, я ра... — не договорив, Нэнси украдкой лукаво посмотрела на Поллианну и с подчеркнuto оскорбленным видом добавила:

— Мисс Поллианна, ведь это ты меня приучила к своей игре!

Поллианна в задумчивости наморщила лоб.

— Что делать, Нэнси, — наконец с прежней твердостью возразила она. — Есть случаи, когда в эту игру нельзя играть. Например, когда кого-нибудь хоронят. Потому что в похоронах совсем нечему радоваться.

Нэнси засмеялась.

— Мы можем радоваться, что хоронят не нас, — со смиренным видом заметила она, но Поллианна ее уже не слушала.

Глядя на Нэнси горящими глазами, она принялась во всех подробностях рассказывать о происшествии в Пендлтонском лесу, и чем дальше продвигался ее рассказ, с тем большим интересом слушала Нэнси.

На следующий день Поллианна встретила в условленном месте с Джимми Бином. Как и следовало ожидать, Джимми не слишком обрадовало известие, что Женская помощь предпочла ему каких-то неизвестных мальчиков из далекой Индии.

— Может, так оно и должно быть? — с глубокомысленно-мрачным видом изрек он. — Всегда ведь то, что дальше, то интересней. Знаешь, это как с картошкой. Та, что у тебя на тарелке, всегда кажется хуже, а та, что осталась в кастрюле — лучше. Вот бы кому-нибудь показаться, как та картошка в кастрюле. Какая-нибудь Женская помощь из Индии, может, меня и возьмет.

Поллианна захлопала в ладоши.

— Верно, Джимми! И я знаю, что мы с тобой сделаем! Я напишу о тебе своей Женской помощи. Они, конечно, не в Индии, а на Дальнем Западе, но это ведь тоже очень-очень далеко. Ты бы и сам убедился, если бы приехал оттуда сюда на поезде.

Лицо Джимми просветлело.

— Ты считаешь, они, правда, меня возьмут?

— Ну, да! — воскликнула Поллианна. — Они же платят за воспитание мальчиков в Индии. Отчего бы им за тебя не заплатить? Для них-то ты достаточно далеко, и они могут не бояться, что ты им испортишь отчет. Надо только подождать. Я напишу миссис Джонс. Миссис Уайт самая богатая из них, зато миссис Джонс больше всех жертвует. Это немножко странно, правда? Но, думаю, кто-нибудь из моей Женской помощи тебя возьмет.

— Только не забудь им сказать: я буду работать за еду и постель, — ответил Джимми, — я не попрошайка. Бизнес есть бизнес. Верно, Женской помощи неохота попусту сорить деньгами.

Он помолчал, затем нерешительно добавил: — Придется мне тут еще задержаться. Ведь ты не сразу получишь ответ.

— Ну, конечно же, — твердо ответила Поллианна и энергично кивнула головой. — Тебе нельзя никуда отлучаться. Ты можешь понадобиться в любой момент. Ведь ты достаточно далеко от них, и я уверена, кто-нибудь из них непременно возьмет тебя. Ведь тетя Полли взяла...

Не договорив, Поллианна хлопнула себя по лбу.

— Слушай! — осенило ее. — Может быть, тетя Полли потому меня и взяла, что я все равно что из Индии?

— Ну, ты даешь! — усмехнулся Джимми и, повернувшись, ушел.

Неделю спустя после происшествия в Пендтонском лесу, Поллианна подошла к тете Полли и сказала:

— У меня к вам большая просьба, тетя. Вы не возражаете, если я сегодня отнесу студень не миссис Сноу, а другому человеку? Я знаю, миссис Сноу не будет возражать. Ведь это всего только один раз.

— О, Боже! — тетя Полли тяжело вздохнула. — Что ты на этот раз выдумала, Поллианна? Все-таки ты явно неординарный ребенок. Поллианна задумчиво поглядела на тетю. — Вы говорите, я неординарная. Значит, обычные люди другие" чем я? — любопытствовала она.

— Ну да, конечно, Поллианна.

— Тогда я рада, что я неординарная! — с облегчением воскликнула девочка. — Вы понимаете, миссис Уайт часто говорила про миссис Роусон, что она очень обычная женщина. А миссис Уайт просто терпеть не могла миссис Роусон. Они все время ругались и па... То есть, нам было очень трудно заставить их жить в мире, — сказала Поллианна, совершенно вымотавшись от внутренней борьбы. Она словно плыла между Сциллой и Харибдой, ибо, рассказывая о взаимоотношениях отца с прихожанами, не могла упоминать его.

— Все это не так важно, Поллианна, — нетерпеливо отозвалась мисс Полли. — Должна заметить, что ты чересчур многословна. О чем бы мы с тобой ни говорили, ты почему-то вечно вспоминаешь о Женской помощи.

— Наверное, вы правы, тетя. Но все-таки они ведь меня растили...

— Ну, хватит, Поллианна, — поспешила прервать ее тетя. — Лучше объясни мне, куда это ты собралась идти со студнем.

— Никуда, куда бы вы не одобрили, тетя Полли. Я думаю, если вы позволяете мне носить студень ей, значит позволите отнести и ему. Ну, хоть один раз. Ведь он только сломал ногу. Это не навсегда, тетя Полли. Миссис Сноу всю жизнь будет лежать в постели и я ей потом буду: носить все, что надо. А ему отнесу только один разок.

— Ему? Один разок? Сломал ногу? — Что ты имеешь в виду, Поллианна?

Поллианна недоуменно уставилась на тетю, силясь догадаться, как можно не понять таких простых вещей? (ротом лицо ее просветлело.

— Ну да! — с досадой хлопнула она себя по лбу. — Вы же ведь ничего не знаете. Это случилось как раз тогда, когда вы уехали. В тот самый вечер я и нашла его в лесу. Ой, тетя Полли, мне пришлось открыть его дом и звонить врачу, и держать его голову... Ну, а потом я ушла и с тех пор больше его не видела. А когда сегодня Нэнси сделала студень для миссис Сноу, я подумала, что будет очень хорошо отнести хоть разок студень не ей, а ему. Вы тоже так думаете, а тетя Полли? Можно мне это сделать?

— Да, да, наверное, — ответила тетя Полли, затравленно глядя на племянницу. — Как, ты сказала, его зовут?

— Это Мой Незнакомец! То есть, мистер Джон Пендлтон.

Мисс Полли едва не подскочила на стуле.

— Джон... Пендлтон?.. — ошеломленно проговорила она.

— Ну, да. Это мне Нэнси сказала, что его так зовут. Может, вы его знаете?

— А ты с ним знакома? — вместо ответа осведомилась мисс Полли. Поллианна кивнула.

— Конечно. Теперь он всегда со мной разговаривает, и улыбается. Знаете, он ведь только с виду такой сердитый. Ну, я пойду возьму студень. Сейчас он уже точно готов. Он уже был почти готов, когда я заходила к Нэнси на кухню, — двигаясь к двери, проговорила Поллианна.

— Постой, Поллианна! — строго окликнула ее тетя. — Я передумала. Все-таки будет лучше, если ты и сегодня отнесешь студень миссис Сноу. А теперь можешь идти, моя дорогая. Лицо Поллианны вытянулось от обиды.

— Тетя Полли! Но она ведь еще долго будет болеть, и ей всегда будут что-нибудь приносить. Вы же сами знаете. А у него всего-навсего нога сломана. Это ведь быстро пройдет. Вот уже и так неделя прошла.

— Да, да, я помню, — задумчиво произнесла мисс Полли. — Я слышала, что с мистером Джоном Пендлтоном произошло несчастье. Но мне не хотелось бы посылать студень мистеру Джону Пендлтону, Поллианна, — сухо добавила она.

— Ну, да, он выглядит таким сердитым, — грустно отозвалась Поллианна. — Вам он, наверное, не нравится. Но я ведь могу не говорить, что это вы прислали студень. Я просто принесу от себя. Мне-то он нравится, и я буду рада принести ему студень.

Мисс Полли как-то странно повела головой из стороны в сторону.

— Поллианна, он знает, кто ты такая? — неожиданно кротким голосом осведомилась она.

— Наверное, нет, тетя, — со вздохом ответила Поллианна. — Однажды я ему назвала свое имя, но он, по-моему, не запомнил. Он меня называет «дитя мое».

— А где ты живешь, он знает?

— Нет, я не говорила ему.

— Выходит, он не знает, что ты моя племянница?

— Думаю, не знает.

В комнате воцарилось молчание. Мисс Полли смотрела отсутствующим взглядом на Поллианну, а та нетерпеливо вздыхала и переминалась с ноги на ногу.

— Ладно, Поллианна, — нарушила наконец молчание тетя, и в голосе ее во второй раз за сегодняшний день послышалась какая-то необычная мягкость. — Можешь отнести студень мистеру Пендлтону. Только прошу запомнить: этот студень ты принесла от себя лично. Я мистеру Пендлтону студня не посылала. Ты должна приложить все усилия, чтобы он не заподозрил в этом меня.

— Да, тетя... Нет... Спасибо, тетя Полли! — крикнула Поллианна и стремглав вылетела из комнаты.

На этот раз громада из серого камня не показалась Поллианне столь неприветливой, как раньше. Окна Пендлтонского дома были открыты. Пожилая служанка развешивала белье

на заднем дворе. Ноги сами понесли Поллианну к боковому входу. Лишь остановившись у двери, она сообразила, что сжимает в руках не ключ, а миску со студнем. Знакомый маленький пес тут же подбежал к ней и приветливо завилял хвостом. Она постучала. Служанка проявила куда меньше рвения, чем собака, и Поллианне пришлось изрядно подождать, пока дверь, наконец, отворилась.

— Простите, пожалуйста, — смущенно проговорила Поллианна. — Я принесла студень из телячьей ножки для мистера Пендлтона.

— Спасибо, — ответила пожилая служанка. — Что мне передать мистеру Пендлтону? От кого этот студень?

В этот момент в холл вошел доктор. Он слышал, что сказала служанка и заметил, как горестно вытянулось лицо девочки.

— А-а! Студень из телячьей ножки! — приветливо воскликнул он, подходя к Поллианне. — Неплохо, неплохо. А может, ты хотела бы повидать нашего больного, а?

— О, да, сэр, — с улыбкой ответила Поллианна.

Пожилая служанка изумлено уставилась на доктора, но тот кивком головы подтвердил приказ, и она нехотя повела девочку через холл.

— Но разве мистер Пендлтон не распорядился, чтобы к нему никого не пускали? — с тревогой осведомился у доктора молодой санитар.

— Совершенно верно, — спокойно ответил мистер Чилтон. — Но я распорядился по-другому и готов нести за это ответственность. Вы просто не знаете, эта крошка — чудо. Она действует на больных куда лучше всех тонизирующих средств на свете. Только она сейчас, пожалуй, и способна вывести Джона Пендлтона из того угрюмого состояния, в котором он пребывает. Поэтому я и послал ее к нему.

— А кто она такая?

— Племянница одной из самых известных жительниц города. Девочку зовут Поллианна Уиттиер. В общем-то, я сам почти не знаю эту юную особу. Зато с ней хорошо знакомы многие мои пациенты, и, знаете, результаты просто поразительные!

— Да? — недоверчиво усмехнулся санитар. —

И чем же она на них действует?

— Сам не знаю. Если верить моим пациентам, она умеет радоваться всему, что произошло или произойдет. Во всяком случае, они то и дело пересказывают ее забавные речи, и слово «радоваться» в них повторяется каждую минуту. Жаль вот только, — с улыбкой продолжал он, выходя на крыльцо, — что я не могу выписать на нее рецепт, как выписываю порошки или микстуры. Хотя, если таких, как она, разведется слишком много, и вам и мне придется идти в коммивояжеры или землекопы, чтобы свести концы с концами.

Пока они вели эту беседу, Поллианна под предводительством служанки следовала в комнату мистера Джона Пендлтона. Путь туда лежал мимо той самой библиотеки в конце

холла, откуда девочка неделю назад звонила доктору. Несмотря на то, что шли они очень быстро, от Поллианны не укрылись благотворные изменения. Темные шкафы с книгами и алые занавески по-прежнему были на своих местах, но на столе теперь царил полный порядок, на полу не валялось ни соринки, список телефонов висел на крючке рядом с аппаратом, а каминная решетка сияла словно зеркало. Одна из дверей, которые в тот раз показались Поллианне такими пугающе — таинственными, была теперь отворена. Именно туда и привела ее служанка.

— Вот, извините, сэр, здесь вот... одна девочка. Она пришла со студнем, и доктор велел провести ее к вам, — робко пробормотала служанка и поспешила покинуть роскошно обставленную спальню мистера Пендлтона.

— Послушайте, ведь я не... — раздался из постели сердитый голос. — А-а, это ты, — переменил он тон, увидев Поллианну.

— Да, это я, сэр! — улыбнулась она. Я так Рада, что они пропустили меня! Я уже боялась, что не смогу вас увидеть. Но потом пришел доктор и разрешил мне войти. Это так чудесно с его стороны, правда? Мистер Пендлтон неопределенно хмыкнул, но губы его растянулись в улыбке.

— А я принесла вам студень, — продолжала Поллианна. — Надеюсь, вы любите студень из телячьей ножки? — с надеждой спросила она.

— Никогда не пробовал, — ответил мистер Пендлтон, и на лице его вновь воцарилось мрачное выражение.

Поллианна обескуражено посмотрела на него. Однако секунду спустя она уже поставила студень на тумбочку и весело защебетала:

— Не пробовали? Ну, если не пробовали, значит не знаете, любите вы его или нет. И я рада, что вы не знаете, потому что, если бы вы знали...

— Можешь не стараться, — раздраженно перебил ее мистер Пендлтон. — Я знаю сейчас только одно. Я вынужден валяться в этой проклятой постели и проваляюсь до самого Страшного суда.

— Да что вы! — горячо возразила Поллианна. — Разве можно дожидаться в постели, пока архангел Гавриил протрубит в свою трубу? Да нет, если только это не наступит раньше... я, конечно, знаю, что в Библии написано, что это может наступить раньше, чем мы думаем, но я думаю... то есть, я, конечно, верю Библии, но я хочу сказать, что я все-таки не думаю, что это начнется так скоро.

Джон Пендлтон зашелся звучным раскатистым смехом. Как раз в это время в комнату входил санитар. Изумленно взглянув на больного, он попятился и поспешил восвояси с видом повара, который боится, что непропеченный пирог оседет и потому поспешно закрывает духовку.

— По-моему, ты немного запуталась, — глядя на Поллианну, проговорил сквозь смех мистер Пендлтон. Поллианна тоже засмеялась.

— Правильно, — согласилась она. — Но я просто хотела сказать, что это у вас ненадолго. Я имею в виду сломанную ногу. Это ведь совсем не то, что у миссис Сноу. Она-то всю

жизнь будет лежать в постели. А вы — нет, вы не пролежите до Страшного суда. Думаю, вы должны быть рады этому.

— О, да, я рад, — мрачно отозвался мистер Пендлтон.

— А вы ведь сломали только одну ногу! Теперь вы можете радоваться, что не сломали обе, — входя в раж, продолжала Поллианна.

— Ну, разумеется, я и сам удивляюсь, до чего мне повезло, — ядовито усмехнувшись, отозвался больной. — Если взглянуть на это с такой стороны, еще больше мне следует радоваться, что я не сороконожка и не сломал пятьдесят ног.

— О, это вы замечательно придумали! — весело, но рассудительно воскликнула Поллианна. — Я знаю, у сороконожки действительно много ног. Но вы еще можете радоваться...

— Да, да, конечно! — перебил мистер Пендлтон, и в голосе его вновь прозвучала горечь. — Мне только и остается, что всему радоваться.

Например, санитару, доктору, а больше всех — этой проклятой служанке!

— Ну, конечно, сэр! Представьте, как вам сейчас плохо пришлось бы без них.

— Мне? Плохо? — сердито переспросил он.

— Ну, да. Как вы жили бы сейчас один? Вы ведь прикованы к постели.

— Вот, вот, — еще мрачнее отозвался он. — Именно поэтому-то все и происходит. Чему же ты хочешь, чтобы я радовался? Что какая-то глупая тетка переворачивает весь мой дом вверх дном и еще называет это уборкой и наведением порядка? А может быть, мне еще больше радоваться мужчине, который во всем потворствует этой назойливой тетке, а сам еще более назойливо следит за мной и называет это уходом за больным? Я уж не говорю о докторе, который управляет и этой теткой и санитаром. И вся эта команда ждет, что я им буду хорошо платить!

Поллианна ответила ему сочувственным взглядом.

— Понимаю, мистер Пендлтон. Это очень трудно. Особенно, когда вы столько времени копили.

— Я? Что? — широко раскрыл глаза мистер Пендлтон.

— Копили. Вы ели бобы и рыбные тефтели.

Интересно, вы любите бобы или вам больше нравится индейка, и вы просто не покупаете ее потому, что она стоит шестьдесят центов за порцию?

— О чем ты говоришь, дитя мое?

— Ну, конечно, о ваших сбережениях, мистер Пендлтон, — лучезарно улыбаясь, ответила Поллианна. — Вы же во всем, совершенно во всем себе отказывали и копили для

язычников. Я знаю, мистер Пендлтон. Мне Нэнси все рассказала. Вот тогда я и поняла, что вы совсем не сердитый.

Мистер Пендлтон по-прежнему взирал на Поллианну округлившимися глазами. Но только теперь у него еще и рот раскрылся.

— Нэнси сказала тебе, что я коплю деньги для... А кто такая эта Нэнси, позволю узнать?

— Ну, Нэнси, это наша Нэнси. Она работает у тети Полли.

— У тети Полли? А кто такая тетя Полли?

— Мисс Полли Харрингтон, я живу у нее. Мистер Пендлтон вздрогнул. .

— Мисс... Полли... Харрингтон, — словно заклинание, прошептал он. — Ты живешь у нее?

— Да, я ее племянница. Она взяла меня на воспитание. Моя мама была ее сестрой. Она умерла, а когда папа тоже ушел жить вместе с ней и остальными детьми в рай, у меня не осталось никого, кроме Женской помощи. Вот тогда тетя Полли меня и взяла к себе.

Мужчина молчал. Он лежал с закрытыми глазами. Лицо его так побелело, что почти слилось с подушкой.

Поллианна испуганно вскочила со стула.

— Мне, пожалуй, пора, сэр. Надеюсь, вам понравится студень.

Мистер Пендлтон открыл глаза и резко повернул голову к Поллианне. Взгляд его был исполнен такой печали, что девочка удивилась.

— Ты... так ты племянница мисс Харрингтон? — ласково спросил он.

— Да, сэр.

Мистер Пендлтон пристально посмотрел ей в лицо.

— Вы, наверное, знаете тетю Полли? — едва слышно от смущения пробормотала Поллианна. Джон Пендлтон грустно улыбнулся.

— О, да, я знаю ее.

Он умолк. Горестная улыбка по-прежнему не сходила с его губ.

— Но нет, не может быть, — наконец, проговорил он. — Не станешь же ты утверждать, что мисс Полли Харрингтон прислала мне и студень?

— Нет, сэр, не стану, — расстроено ответила Поллианна. — Она сказала, что я должна сделать все, чтобы вы ни в коем случае не подумали, что это отправила она, но я...

— Я так и думал! — перебил ее мистер Пендлтон и отвернулся.

Поллианна совсем растерялась и на цыпочках вышла из комнаты.

Под порткошером ее дожидался доктор. Он коротал время, беседуя с санитаром.

— А вот и мисс Поллианна! — воскликнул он, как только девочка поравнялась с ним. — Я уже было хотел уезжать, но потом решил, что могу доставить себе удовольствие завезти тебя домой. Ты позволишь мне это сделать?

— Спасибо, сэр! Я так рада, что вы меня подождали. Я обожаю кататься, — говорила она, пока доктор подсаживал ее в пролетку.

— Ты любишь кататься? — с улыбкой переспросил доктор, кивая на прощание санитару. — Но, насколько я знаю, ты много чего любишь делать? — продолжал он, когда они уже быстро ехали по дороге. Поллианна засмеялась.

— Наверное, это правда. Я люблю все, когда это просто жизнь. Но есть вещи, которые я не очень люблю. Ну, например, шить, читать вслух и еще что-нибудь такое, потому что ведь когда это делаешь, совсем не живешь...

— Не живешь? Как же так?

— Тетя Полли называет это «учиться жить», — тяжело вздохнув, объяснила девочка и смущенно улыбнулась доктору. Доктор тоже улыбнулся, и это была очень странная улыбка.

— Что ж, — задумчиво ответил он. — Мне кажется; по-другому тетя Полли и не могла сказать.

— Но я не понимаю, зачем этому надо учиться? — удивилась Поллианна. — Я ведь никогда не училась. На этот раз тяжело вздохнул доктор.

— Не знаю, но, боюсь, некоторым все же приходится.

Доктор о чем-то задумался. Украдкой взглянув на него, Поллианна заметила, какое грустное у него стало лицо, и ей захотелось хоть чем-то его обрадовать.

— Доктор Чилтон, — робко сказала она, — мне кажется, что у вас самая радостная работа на земле.

Доктор окинул ее изумленным взглядом.

— Радостная? Да куда бы ни шел, я вижу одни страдания! — горестно воскликнул он.

— Знаю, — кивнула Поллианна. — Но вы же помогаете тем, кто страдает. И вы, конечно же, радуетесь, когда они перестают страдать. Вот и выходит, что вы радуетесь чаще всех нас.

У доктора вдруг подступил ком к горлу. У него не было ни дома, ни жены, ни детей. У него не было ничего, кроме любимой работы и двухкомнатной квартиры, в которой он жил и лечил.

И вот теперь, глядя в глаза Поллианне, он чувствовал себя так, будто его благословляют на дальнейшие труды. И он знал: ни самые тяжелые дни, ни бессонные ночи не заставят его забыть воодушевления, рожденного этой удивительной девочкой.

— Да благословит тебя Бог, милая, — сказал доктор, и лицо его озарилось необычайно доброй улыбкой, которая так располагала к нему пациентов. — Бывает, что доктору не меньше больных требуется глоток тонизирующей микстуры, — добавил он.

Слова его озадачили Поллианну, и она напряженно обдумывала их до тех пор, пока бурундук, перебежавший дорогу вблизи экипажа, не отвлек ее внимание.

Доктор довез Поллианну до самого входа в дом, улыбнулся Нэнси, которая подметала парадное крыльцо, и уехал.

— Я так хорошо прокатилась с доктором! — поделилась Поллианна радостью с Нэнси и, прыгая по ступенькам, добавила: — Он такой чудный!

— Да неужели? — ехидно сверкнула глазами Нэнси.

— Я сказала ему, что я считаю, что его работа радует больше всех других работ на свете.

— Что? — всплеснула руками Нэнси. — Ходить лечить больных или, того хуже, здоровых, которые прикидываются больными? Нечего сказать, велика радость!

Поллианна торжествующе засмеялась.

— Знаешь, мистер Чилтон мне примерно то же самое ответил. Но все равно, он согласился, что ему есть чему радоваться. Попробуй, сама угадай чему?

Лицо Нэнси сморщилось от напряжения. Она считала, что уже достаточно хорошо играет в игру. Теперь ей даже доставляло удовольствие, когда она находила выход из того, что сама именовала «каверзами Поллианны».

— А-а! Знаю! — издала она через некоторое время победный клич. — Радоваться можно обратно тому, что ты насоветовала миссис Сноу.

— Обратно чему? — не поняла девочка.

— Тому, что ты говорила для миссис Сноу. Ну ты ведь сказала, чтоб она радовалась тому, что другие не больны так, как она.

— Ну, да, — кивнула Поллианна.

— Ну, а доктор может радоваться, что он не болен, как те, кого он лечит. Поллианна нахмурилась.

— Конечно, так тоже можно сказать, — мрачи произнесла она. — Но я сказала мистеру Чилтон совсем другое. А ты что-то совсем не то сказала. Я не знаю, в чем дело, но мне это очень не нравится. Мне кажется, мистер Чилтон никогда бы не мог обрадоваться, что кто-то болен. Ты все-таки иногда как-то странно играешь в игру, Нэнси.

И, вздохнув, Поллианна скрылась в доме. Тетю она нашла в гостиной.

— Кто это привез тебя, Поллианна? — строго осведомилась мисс Харрингтон.

— Да ведь это был доктор Чилтон. Неужели вы не знаете его, тетя Полли?

— Доктор Чилтон? А что он здесь делал?

— Он подвез меня домой. А я передала студень мистеру Пендлтону и...

Мисс Полли подняла голову и пристально посмотрела в глаза племяннице.

— Поллианна, он случайно не вообразил, что это я ему прислала студень?

— Что вы, тетя Полли! Я сказала ему, что это не вы.

Мисс Полли густо покраснела.

— Ты сказала ему, что я не хотела посылать студень? — возмущенно прошептала она.

У Поллианны глаза округлились от удивления. Она просто ума не могла приложить, чем на этот раз недовольна тетя?

— Но ведь вы же сами велели, чтобы я так сказала.

Тетя Полли издала тихий стон.

— Я сказала, Поллианна, что не посылала тебя к нему со студнем, и просила тебя вести себя так, чтобы он не подумал, будто студень послала я. Но я совсем не просила тебя объявлять ему, что я не хотела посылать ему студень, — раздраженно ответила она и отвернулась от племянницы.

— Но разве это не одно и то же, тетя? Я не вижу никакой разницы, — удрученно проговорила Поллианна и, выйдя из гостиной, отправилась в переднюю, чтобы повесить шляпу на тот самый крючок, куда тетя Полли всегда велела ей вешать головные уборы.

Примерно через неделю после того, как Поллианна нанесла визит мистеру Пендлтону, Тимоти отвез мисс Полли на очередное собрание Женской помощи. К трем часам она возвратилась домой. На щеках ее играл здоровый румянец, а сырой ветер, свирепствовавший в тот день на улице, ослабил шпильки, разрушил прическу, и сейчас обычно прямые волосы сбились в кудряшки и волнились на голове подобно разбушевавшемуся морю.

Поллианна и не подозревала, что у тети вьющиеся волосы.

— Ой, тетя Полли! — запрыгала она от восторга на месте, увидев, как ее достойная родственница входит в гостиную. — Я не думала, что они у вас есть.

— Что есть, несносное ты создание?

— Я никогда, никогда не знала, — продолжая прыгать вокруг тети, ответила Поллианна, — что они у вас есть. Как вы можете, тетя? Иметь такое и скрывать ото всех. А как вы думаете, у меня они тоже могут появиться? Я имею в виду, до того, как я попаду в рай? — с надеждой спросила она, теребя прядь своих совершенно прямых волос. — Но,

вообще-то даже если они у меня и будут, они все равно ведь будут светлые, а не темные. И с этим уже ничего не поделаешь!

— Что ты несешь, Поллианна? — осведомилась тетя, кладя шляпу и пытаясь поправить прическу.

— Нет, нет, прошу вас, тетя Полли! — взмолилась племянница. — Только не приглаживайте их, пожалуйста. Ведь я вам о них и говорю. Такие хорошенькие черные кудряшки. Ой, тетя Полли, это так красиво!

— Не говори чепухи, Поллианна. Лучше ответь, зачем ты ходила в Женскую помощь и ходатайствовала за этого маленького попрошайку? Неужели ты сама не понимаешь, как это глупо с твоей стороны?

— Но я не говорю чепухи! — возразила Поллианна, отвечая на первую часть тетиной отповеди. — Вы просто сами не понимаете, какая вы хорошенькая! О, тетя Полли! Ну, пожалуйста, ну, можно я причешу вас, как миссис Сноу, а, потом вдену вам цветок в волосы? Мне так хочется посмотреть на вас в таком виде! Вы получите даже лучше, чем миссис Сноу.

— Поллианна! — очень строго воскликнула мисс Полли, ибо хотела скрыть непривычное чувство радости, которое вызвали у нее слова Поллианны (давно уже никому не было дела до ее прически, давно уже никому не хотелось, чтобы она выглядела красивой!) — Поллианна, — еще строже повторила она, — ты так и не ответила на мой вопрос. Зачем было выставлять себя в таком невыгодном свете перед Женской помощью? Более глупого поступка просто придумать нельзя.

— Да, тетя, пожалуй. Но вы знаете, я не знала, как глупо веду себя, пока не пришла к ним. Конечно, если бы я знала, что им важнее, как растут цифры в их отчете, чем, как растет Джимми, я бы к ним не пошла. Но теперь я все поняла. Я написала своей Женской помощи. Ведь Джимми так далеко от них, и я подумала, что он для их отчета будет не хуже, чем мальчик из Индии. Ну, как... Тетя Полли, я ведь стала вашей индийской девочкой, правда? Ну, разрешите, разрешите мне вас причесать, пожалуйста!

Тетя Полли поднесла руку к горлу. Знакомое чувство беспомощности вновь придавило ее, и она лишилась остатков воли.

— Но, Поллианна, когда члены Женской помощи стали рассказывать мне, как ты пришла к ним на заседание, я чуть со стыда не сгорела! Я... Поллианна запрыгала на месте.

— Ага! Вы не сказали! Вы не сказали, что мне нельзя причесать вас! — восторженно затараторила она. — Значит, вы согласны! Все, как в прошлый раз, когда мы говорили о студне для мистера Пендлтона, когда вы сказали, чтобы я не говорила, что это от вас. Подождите, я принесу расческу!

— Поллианна! Поллианна! — пыталась вернуть ее тетя Полли, устремляясь вверх по ступенькам вслед за племянницей. — Поллианна!

Поллианна! — продолжала, запыхавшись, кричать она. Ей удалось нагнать девочку лишь у дверей своей собственной спальни.

— О, вы решили подняться к себе! — с восторгом приветствовала ее приход Поллианна. — Ну, так даже лучше. Я уже взяла расческу. А теперь садитесь, пожалуйста, вот сюда.

— Но, Поллианна! Я... я...

Мисс Полли не договорила. Знакомое состояние уже полностью овладело ею, и она стала с удивлением наблюдать за собой. Совершенно вопреки своим намерениям она оказалась на пуфике перед туалетным столиком, а волосы ее перешли во владение десяти решительных и, одновременно, деликатных пальцев Поллианны.

— Ой, у вас такие красивые волосы! — тараторила Поллианна. — Ну, прямо, как у миссис Сноу. Только у вас они куда гуще, чем у миссис Сноу. Да это и правильно. Вам нужно гораздо больше волос. Вы здоровы и всюду ходите. Ваши волосы все должны видеть. Я думаю, люди будут очень рады, когда увидят, какие у вас красивые волосы. Я думаю, все очень удивятся, зачем вы их так долго прятали. Вы у меня сейчас станете такой хорошенькой, тетя Полли, все будут просто любоваться на вас.

— Поллианна! — с глухим возмущением прозвучало из-под распущенных волос. — Абсолютно не понимаю, зачем я позволила проделывать над собой такие глупые опыты?

— Но тетя Полли! Разве вы сами не будете рады, когда люди начнут любоваться на вас? Я обожаю смотреть на красивых. А вы? Я думаю, вам тоже приятно смотреть, когда люди вокруг красивые. Некрасивых ведь так жалко!

— Но, но!

— Я просто обожаю делать прически, — мурлыкала от удовольствия Поллианна. — Я многих из своей Женской помощи причесывала, но ни у кого из них не было таких красивых волос, как у вас. У миссис Уайт, правда, тоже были довольно красивые волосы. Она однажды совершенно потрясающе выглядела, когда я одела ее в... О, тетя Полли, я придумала! Но только это секрет. Я почти уже причесала вас. Сейчас я на минуту уйду, но только вы должны пообещать, вы должны, вы должны! Обещайте, что не будете двигаться и смотреться в зеркало, пока я не вернусь. Значит, договорились? — крикнула она, выбегая из комнаты.

Тетя Полли промолчала, впрочем, определенно решив про себя, что тут же разрушит все это безобразие, которое соорудила у нее на голове племянница, и причешется так, как считает нужным. Ну, а насчет того, будет она или не будет смотреться в зеркало, она и думать не стала, ибо не сомневалась, что это не имеет никакого значения.

Но именно в этот момент взгляд мисс Полли случайно упал на зеркало над туалетным столиком. То, что она увидела, вогнало ее в краску. Глядя на свое отражение, она заметила, что покраснела, и от этого покраснела еще сильнее.

В зеркале она увидела очень миловидное лицо. Быть может, лицо это было и не первой молодости, но оно светилось от волнения и неожиданности. Щеки зарозовели, глаза заблестели, и это очень шло мисс Полли. Волосы, еще влажные от сырого ветра, который сегодня носился по улицам, мягкими волнами ниспадали на лоб. А особенно ей шло то, что Поллианна красиво распределила по всей голове мелкие кудряшки. Ее это так приятно удивило мисс Полли и, одновременно, так возмутило чрезмерной легкомысленностью, что она совершенно растерялась и пришла в себя лишь после того, как Поллианна вновь

вошла в комнату. Однако прежде, чем она успела двинуться, девочка накинула ей на глаза платок и крепко стянула его узлом на затылке.

— Что ты делаешь, Поллианна? — крикнула тетя Полли. — Прекрати немедленно! Девочка засмеялась.

— Я просто не хочу, чтобы вы увидели раньше времени, тетя Полли. Я боялась, что вы посмотрите раньше, чем надо, вот я и завязала вам глаза платком. Посидите смирно. Это только на минуту, а потом вы увидите.

— Нет, Поллианна, — сопротивлялась мисс Полли, пытаясь на ощупь подняться с пуфика. — Ты должна немедленно снять с меня это! Ну, что там еще, дитя мое? — с ужасом осведомилась она, чувствуя, как что-то мягкое накрывает ей плечи. Поллианна лишь весело засмеялась в ответ.

Она драпировала тетины плечи в прекрасную кружевную шаль, и руки ее дрожали от волнения. Шаль от долгого лежания в сундуке несколько пожелтела и пропахла лавандой. Поллианна нашла ее неделю назад, когда Нэнси делала генеральную уборку в доме, и теперь, решив причесать и нарядить тетю так, как раньше причесывала миссис Уайт, вспомнила о своей находке. Поллианна отошла на несколько шагов и критически взглянула на плоды своего труда. Она осталась довольна. Не хватало лишь завершающего штриха. Тогда она схватила тетю за руку и потащила за собой на террасу. Она только что видела, как там рядом с перилами расцвела роза, до которой легко дотянуться.

— Что ты делаешь, Поллианна, куда ты тащишь меня? — вопрошала тетя, тщетно пытаясь удержаться на месте. — Поллианна, я не...

— Мы только на минуточку выйдем на террасу, — увещевала племянница, изо всех сил таща ее вперед. — Сейчас все будет готово, — добавила она, и, сорвав розу, воткнула ее в мягкие волосы над левым ухом мисс Полли.

— Теперь все! — торжествующе воскликнула она и, развязав платок, отбросила его в сторону. — Тетя Полли, я думаю, вы обрадуетесь, как я вас причесала!

Какое-то мгновение мисс Полли изумленно оглядывала все вокруг и саму себя. Потом она охнула и умчалась в спальню.

Поллианна успела проследить за испуганным взглядом тети. Он был обращен на дорогу перед домом, куда заворачивала пролетка. Поллианна тут же узнала и пролетку и сидевшего в ней человека.

— Доктор Чилтон! Доктор Чилтон! — в восторге закричала она, высунувшись из окна. — Вы хотели со мной повидаться? Я тут.

— Да, да, ты мне нужна, — невесело улыбнувшись, ответил доктор. — Спустись ко мне, пожалуйста.

Но, прежде чем спуститься к доктору, Поллианна зашла в спальню мисс Полли. Раскрасневшись и раздраженно глядя на племянницу, почтенная леди остервенело уничтожала результаты трудов Поллианны.

— Поллианна! Как ты могла, Поллианна! — тихо стонала несчастная тетя Полли. — Вырядить меня, а потом еще и выставить напоказ!

У Поллианны от обиды на глаза навернулись слезы.

— Но вы так прекрасно выглядели, тетя Полли и...

— Прекрасно? — негодуя проговорила мисс Полли. Она, наконец, сорвала с плеч шаль и, отбросив ее в сторону, запустила трясущиеся руки в волосы.

— Ой, тетя Полли! Прошу вас, не надо портить прическу! — умоляла Поллианна. — Она ведь правда так идет вам! Ну, прошу вас, тетя, оставьте, как есть!

— Оставить как есть? Да ни за что! — и тетя Полли безжалостно распрямила волосы, не оставив на голове ни единого завитка.

— Как жалко. Вы были такой хорошенькой, — тихо проговорила Поллианна и, споткнувшись о порог, вышла из комнаты.

Внизу доктор, не выходя из пролетки, дожидался ее.

— Я прописал тебя пациенту, и он отправил меня за лекарством, — объявил он. — Поедешь?

— Вы хотите, чтобы я сходила в аптеку? — не поняла Поллианна. — Раньше я часто покупала лекарства для Женской помощи.

Доктор улыбнулся и покачал головой:

— Нет, я имел в виду несколько другое. Просто мистер Джон Пендлтон сказал, что будет рад, если ты согласишься посетить его сегодня. А так как сегодня уже несколько раз принимался дождь, я решил за тобой заехать. Ну, что, согласна? Если да, я снова заеду за тобой, когда буду возвращаться с визитов, и ты к шести уже будешь дома.

— Ну, конечно, с удовольствием! — тут же воскликнула Поллианна. — Только можно я спрошу у тети Полли?

Пару минут спустя она вернулась со шляпой в руке; лицо ее было мрачно. Что, тетя не захотела отпустить тебя? — робко осведомился доктор.

— Да нет, наоборот. — Поллианна вздохнула и, задумчиво взглянув на доктора Чилтона, добавила: — Мне показалось, что тетя слишком обрадовалась.

— Слишком обрадовалась? Поллианна снова вздохнула.

— Да. Мне показалось, она не хочет, чтобы я оставалась дома. Потому что, когда я ее спросила, она мне ответила: «Да, да, конечно. Езжай, езжай. Жаль, что ты не уехала раньше».

Доктор улыбнулся, но в глазах его таилась грусть. Какое-то время он молчал, потом, запинаясь, спросил:

— А это не твою тетю я видел в окне террасы?

Поллианна вздохнула в третий раз.

— Конечно, ее. Мне кажется, в этом-то все и дело. Понимаете, я сделала ей потрясающую прическу, с кружевной шалью, и с розой! Она была такая красивая. Вам тоже так показалось, а, мистер Чилтон?

— Да, Поллианна, — еле слышно отозвался доктор. — Она была очень красивая.

— Да? Вы согласны? Ой, я так рада! Я ей обязательно скажу!

— Никогда, Поллианна! — вдруг бурно запротестовал доктор. — Боюсь, мне придется попросить, чтобы ты оставила мои слова в тайне.

— Но почему, мистер Чилтон? Почему ваши слова нужно оставить в тайне? Мне кажется, вы Должны быть рады...

— А вдруг она не будет рада? — перебил ее доктор. Поллианна задумалась.

— Да, наверное, она не обрадуется, мистер Чилтон, — согласилась она, — я теперь вспомнила. Ведь она убежала с террасы, когда заметила, что вы подъезжаете. А потом сказала, что ей стыдно, потому что вы заметили ее в таком виде.

— Так я и думал, — сокрушенно прошептал доктор.

— Но я не понимаю, почему она так сказала? — по-прежнему удивлялась Поллианна. — Ведь она была очень красивой.

Доктор ничего не ответил. Он вообще больше не произнес ни слова до тех самых пор, пока они не остановились у большого каменного дома, где лежал со сломанной ногой мистер Джон Пендлтон.

На этот раз Джон Пендлтон встретил Поллианну очень радушно.

— Ну, мисс Поллианна, — улыбнулся он, — да ты просто само всепрощение. Иначе ты ни чем не пришла бы сегодня ко мне.

— Да что вы, мистер Пендлтон! Я просто всегда рада вас навещать! Не понимаю, зачем мне быть каким-то «всепрощением»?

— Да как тебе сказать... — мистер Пендлтон замялся, потом продолжал: — Мне кажется, я очень скверно вел себя и в тот раз, когда ты нашла меня со сломанной ногой в лесу, и тогда, когда ты принесла мне студень. Я даже забыл поблагодарить тебя за все, что ты для меня делаешь. Вот поэтому-то я и считаю: то, что ты согласилась сегодня прийти ко мне, очень великодушно с твоей стороны. Я ведь так невежливо обходился с тобой... Поллианна смущенно заерзала на стуле.

— Но я правда была рада найти вас тогда. То есть, я, конечно, рада не тому, что вы сломали ногу, — тут же поправились она и покраснела.

Джон Пендлтон улыбнулся.

— Я понял тебя, — ласково ответил он. — Ты часто сначала говоришь, а потом думаешь. Ничего страшного. Главное, ты все делаешь правильно. После этой истории в лесу я понял, что ты просто храбрая девочка. Иначе ты тогда бы не справилась. Я, правда, очень тебе благодарен. И за студень тоже спасибо.

— Вам он понравился? — спросила Поллианна.

— Очень. Ты мне еще что-нибудь принесла сегодня? Как бы хотелось отведать какого-нибудь лакомства, которое тетя Полли не посылала!

Маленькая гостя растерянно посмотрела на мистера Пендлттона.

— Нет, нет, не принесла, — залепетала она — Знаете, мистер Пендлтон, — продолжала она, и лицо ее с каждым словом все больше краснело, — я ведь совсем не хотела сказать что-то невежливое, когда сказала, что мисс Полли не посылала вам студень.

Джон Пендлтон ничего не ответил. Он смотрел куда-то вдаль, и на лице его застыло скорбное выражение. Казалось, мыслями он был очень далеко отсюда. Так длилось минуты две. Потом он вздохнул и, вернувшись к действительности, вспомнил о Поллианне.

— Ну, так никуда не годится, — сказал он, и в голосе его послышалась привычная резкость, — Я ведь тебя позвал совсем не для того, чтобы показать, как мне плохо. Знаешь что? Сходи-ка в библиотеку, ну это та самая большая комната с телефоном, Откуда ты звонила в тот день. Подойди к книжному шкафу возле камина и возьми с полки резную шкатулку. Она должна стоять там, если только эта глупая тетка не «убрала ее на место». Возьми эту шкатулку и принеси сюда.

Правда, она довольно тяжелая, но ты, думаю, справишься.

— Ну, конечно, мистер Пендлтон! Я ведь очень сильная! — воскликнула Поллианна и выбежала из комнаты.

Мгновение спустя, она вернулась обратно со шкатулкой в руках, после чего они с мистером Пендлттоном провели просто восхитительные полчаса.

В шкатулке хранились всевозможные редкости, которые мистер Пендлтон многие годы привозил из своих экспедиций. С каждой вещицей — от искусно вырезанных шахматных фигур из Китая до маленького идола из жадеита, у мистера Пендлттона был связан какой-нибудь забавный случай, и теперь он с удовольствием предавался воспоминаниям. Когда он дошел, наконец, до маленького идола, Поллианна, выслушав, мечтательно проговорила:

— Да, наверное, воспитывать мальчика из Индии все-таки лучше. Он ничего не знает. Он думает, Бог сидит в таком вот идоле. Конечно, он интереснее, чем Джимми Бин, потому что Джимми уже знает, что Бог — на небе. И все-таки, мне бы очень хотелось, чтобы Джимми тоже был нужен.

Но Джон Пендлтон не услышал ни слова из этой страстной речи. Он опять неподвижно уставился куда-то вдаль и витал в ином мире, где явно не находилось места ни Поллианне, ни, тем более, несчастному Джимми Бину. Правда, вскоре он вспомнил, что у него гостя и, взяв из шкатулки очередную забавную вещицу, принялся излагать ее историю.

Но в этот раз они говорили не только о редкостях из резной шкатулки. Мистер Пендлтон вдруг принялся дотошно расспрашивать о Нэнси, о тете Полли и о том, как жила девочка в маленьком городке на Дальнем Западе. Когда же Поллианна стала собираться домой, Джон Пендлтон заговорил с ней так проникновенно, что она страшно удивилась. При всем хорошем отношении к мистеру Пендлтону, она и не предполагала, что в этом суровом человеке таится столько нежности.

— Я хочу попросить тебя, милая: приходи ко мне почаще. Хорошо? Понимаешь, я очень одинок, и ты нужна мне. Есть и еще причина. Сейчас ты поймешь, в чем дело. Когда я узнал в прошлый раз, кто ты, я решил, что не желаю больше видеть тебя. Понимаешь, ты мне напомнила такое, о чем я уже много лет пытаюсь забыть. Ну, вот, я и решил, что больше мы с тобой видеться не будем. И когда доктор каждый день спрашивал меня, не надо ли тебя позвать, я все время отказывался. Но прошло еще немного времени, и я вдруг понял, что очень хочу повидаться с тобой. Потому что, пока тебя не было, я еще чаще и мучительнее вспоминал то, о чем хотел бы забыть. Словом, мне очень хочется, чтобы ты приходила ко мне. Ты согласна?

— Ну, конечно, согласна, мистер Пендлтон, — тихо ответила Поллианна, с сочувствием глядя на его грустное лицо. — Я буду рада приходить к вам.

— Спасибо тебе, моя милая, — ласково ответил Джон Пендлтон.

В тот же вечер перед ужином Поллианна и Нэнси, сидя на кухонном крыльце, обсуждали визит к мистеру Пендлтону. Вначале Поллианна рассказывала о резной шкатулке и «сокровищах», которые в ней хранились.

— Ну, чудеса, — выдохнула Нэнси. — И он тебе показал их все, да еще рассказал? И это когда он вообще ни с кем даже словом не перекинется. Не перекинется, вот так я тебе и скажу, не перекинется.

— Но он ведь только с виду такой суровый, — вступилась Поллианна за старшего друга. — На самом-то деле он не сердитый, а добрый. Не понимаю, почему все считают, что он плохой? Я уверена: люди не говорили бы о нем так, если бы узнали его получше. Вот даже тетя Полли его не любит. Знаешь, Нэнси, она даже студень не хотела ему тогда отправлять. Она мне сказала, что не хочет, чтобы он подумал, что это она отправляла.

— Видать, она не считает мистера Пендлтона «своим долгом», — весьма ехидно предположила Нэнси. — Но вот напрочь не понимаю, чего это он к тебе так привязался? Ты, конечно, не обижайся на меня, мисс Поллианна, но мистер Пендлтон не тот человек, чтобы больно-то любить детей. Не тот, вот так я тебе и скажу, не тот. Не тот человек, чтобы больно детей любить.

— Но он привык ко мне, Нэнси, — радостно ответила Поллианна и, улыбнувшись, добавила: — Сначала ему совсем не хотелось ко мне привыкать. Он сегодня мне честно признался, что сначала не хотел меня больше видеть. Он сказал, что я ему напомнила что-то, что он хотел навсегда забыть, но потом...

— Как ты сказала? — перебила Нэнси, и голос ее задрожал от волнения. — Ты напомнила ему что-то забытое?

— Ну да, а потом...

— А он сказал, что? — не отступала Нэнси.

— Нет, не сказал. Он просто сказал, что хотел забыть. Вот и все.

— Ну, ясное дело, чулочки мои, панталончики! — в упоении воскликнула Нэнси. — Чуют мои ноздри, тут без тайны не обошлось! Ой, Поллианна! Ой, милая моя. Это, ну, прямо, как в книгах. Прямо, как в книгах, вот так я тебе и скажу, милая моя. Я об этом читала и в «Тайне леди Мод», и в «Украденном наследнике» и в «Спрятанных на много лет». Это просто потрясающие книги! В них тайны и все такое прочее. Домик мой с палисадником! Никогда б не подумала, что прямо перед моим носом люди живут, точно в книге! Ну, расскажи, расскажи, милая моя! Что он тебе говорил-то? Нет, он к тебе не просто так привязался. Вот так я тебе и говорю: не просто так. Не просто так, вот так я тебе и скажу, милая моя.

— Нет, Нэнси! — горячо возразила Поллианна. — Ведь я же сама первая заговорила с ним на улице. Он вообще "не знал, кто я такая, пока я не принесла ему студень из телячьей ножки. Только тогда он и узнал. Потому что мне пришлось объяснить, что тетя Полли ему студень не посылала. И... Нэнси вскочила на ноги и принялась изо всех сил хлопать в ладоши.

— О, мисс Поллианна! — завопила она. — О, милая моя! Я знаю! Вот так я тебе и скажу: знаю! Она вновь резко опустилась на крыльцо подле Поллианны.

— А ну, скажи... Только подумай хорошенько и после скажи все, как есть. Это он после того, как ты объявила, что ты племянница мисс Полли, сказал, что не хочет тебя больше видеть?

— Ну, да. Я ему в прошлый раз рассказала, а он мне сегодня объявил, что решил тогда больше меня не видеть.

— Так я и знала! — издала торжествующий клич Нэнси. — А мисс Полли, значит, ни под каким видом не желала, чтоб ты студень несла от нее.

— Да.

— И ты ему сказала, что она просила не посылать, и он...

— Я... — попыталась вставить Поллианна.

— И он, — упорно продолжала Нэнси, — стал себя вести как-то странно, и возопил по поводу того, что ты ей племянница, так?

— Д-да, — задумчиво отозвалась Поллианна, — он повел себя чуть-чуть странно; и, мне кажется, он не очень обрадовался этому студню, — нахмурившись, добавила она. Нэнси бдительно оглянулась вокруг и набрала в легкие побольше воздуха.

— Ну, теперь я точно знаю! Вот так я тебе и скажу, милая моя: все знаю точно! Ну, слушай, ну слушай! Мистер Джон Пендлтон был возлюбленным мужчиной мисс Полли Харрингтон, — без малейшего колебания объявила она.

— Нет, не может этого быть, Нэнси! Она-то ведь не любит его! — возразила Поллианна. Нэнси с сочувствием уставилась на нее, так умудренный науками человек взирает на первобытного дикаря.

— Ясно, не любит! Они ж поссорились. Но даже такой сильный аргумент не до конца Убедил Поллианну. Видя это, Нэнси еще удобнее уселась на крыльце и принялась излагать историю со всеми подробностями:

— Вот как все было, милая моя. Надо тебе заметить, перед самым твоим появлением сюда мистер Том сказал мне, что у тети твоей был предмет...

— Какой такой предмет? — удивилась девочка.

— Ну, возлюбленный, какая же ты еще глупая, милая моя, — продолжала Нэнси. — Я мистеру Тому не поверила. Она и возлюбленный мужчина! Но мистер Том еще раз сказал: был, и все тут. Был, и живет в нашем городе! Вот так он и сказал, милая моя! Но кто он, это, он говорит, он сказать не может, потому как обязан держать тайну семьи. Вот так и сказал: тайну семьи. Но теперь-то мы с тобой и без мистера Тома знаем: этот возлюбленный мужчина, конечно, Джон Пендлтон. Гляди сама: тайна у него есть? Есть. Заперся он в своем большом доме один-одинешенек? Заперся! Вел он себя со странностями, когда ты сказала, кто твоя тетя? Вел! А потом еще признался тебе, что, мол, что-то хочет забыть. Тут дело ясное. Теперь любому дураку понятно, что забыть он хочет мисс Полли. Хочет и не может. Вот так я тебе и скажу: не может! Хочет, я тебе говорю, и не может. Вот как оно все складывается, милая моя!

— Вот это да! — широко раскрыв глаза, выдохнула Поллианна. — Но я вот о чем подумала, Нэнси. Как же они не помирились за столько лет? Ведь они любят друг друга! И они оба такие одинокие. Мне кажется, они бы должны быть рады помириться.

Нэнси презрительно сморщила нос. — Ох, милая моя, рано тебе судить о таких вещах. Ничего ты не понимаешь в возлюбленных. Но в одном ты права: если в мире сыщутся два человека, которым не понять твою игру в радость, так это наша парочка. Вот так я тебе и скажу, милая моя, это они. Они и есть, вот так я тебе и скажу. Гляди, какой он всегда злобный, а она...

Неожиданно вспомнив, с кем и о ком беседует, Нэнси подавленно замолчала. Правда, мгновение спустя от ее замешательства и следа не осталось.

— Ну, слушай, ну слушай! — громко засмеялась она. — А если б их все же втянуть в твою игру? Представь, что они вдруг смекнули бы, как рады были бы помириться! Земля моих предков! Вот диво-то будет для всего города! Мисс Полли и он! Но, верно, это почти невозможно. Вот так я тебе и скажу: невозможно почти.

Поллианна встала с крыльца и вошла в дом. Лицо ее было серьезно. Она явно что-то обдумывала.

Нельзя сказать, чтобы частые визиты Поллианны очень уж подняли дух мистера Пендлтона. Правда, теперь он встречал ее с неизменным радушием, а иногда даже посылал за ней. Когда она приходила, он развлекал ее, как мог. Он рассказывал ей занимательнейшие истории, показывал чудесные книги, картины, или редкости, которых в доме на Пендлтонском холме хранилось видимо-невидимо. Но он по-прежнему то и дело принимался проклинать жалкое состояние, в котором оказался, а заодно и «незваных

домочадцев», которые «наводят свои порядки». И все-таки Поллианна чувствовала, что мистеру Пендлтону нравится ее слушать, и с каждым разом все больше и больше рассказывала ему о себе.

Правда, она никогда не была уверена, что он дослушает до конца. Лицо его частенько принимало отрешенное выражение, и он на какое-то время, вновь и вновь уносился мыслями в одному ему ведомый мир. Поллианна никогда не знала, какой из ее рассказов или многочисленных слов, повергнет его в это состояние. Она вообще порой думала, что виной тому не слова. И, самое главное, она не знала, сможет ли когда-нибудь рассказать ему о своей игре? Пока она испытывала весьма серьезные опасения, что он даже слушать о ней не станет. Ведь она уже дважды пыталась. Но оба раза, стоило ей дойти до слов «и тогда папа сказал...», как мистер Пендлтон перебивал ее и переводил разговор на другую тему.

Все это убеждало Поллианну в правоте Нэнси, и она теперь совершенно не сомневалась, что мистер Пендлтон и впрямь был когда-то влюблен в тетю Полли. Девочка поставила перед собой новую цель; она будет всеми силами стремиться вселить радость в эти две исстрадавшиеся души. Правда, пока она совершенно не представляла себе, каким образом это сделать. Она пробовала рассказывать мистеру Пендлтону о тете. Тот реагировал по-разному. Иногда он слушал эти истории вежливо, иногда проявлял явные признаки раздражения, а пару раз его хмурое лицо даже озарилось улыбкой. Пробовала она рассказывать о мистере Пендлтоне и тете Полли, но та чаще всего вообще не слушала ее. То есть слушала, но совсем недолго, а потом находила что-то, по ее словам, более важное, и переводила разговор на другую тему. Тетя почему-то часто так поступала, когда Поллианна начинала рассказывать о ком-нибудь из своих друзей. Даже о докторе Чилтоне ей, к великому изумлению племянницы, было совсем неинтересно слушать. Конечно, Поллианна понимала, что тетя смутилась, когда мистер Чилтон увидел ее в кружевной шали и с розой в волосах. Вскоре девочка убедилась, что, похоже, тетя вообще не очень-то жалуется доктора Чилтона, и вот это совершенно не укладывалось у нее в голове.

Она поняла это, когда у нее разыгрался сильный насморк и пришлось целый день сидеть дома.

— Если ты к вечеру не почувствуешь себя лучше, я пошлю за доктором, — сказала тетя Полли.

— Ой, тогда я с удовольствием не буду чувствовать себя лучше! — воскликнула Поллианна. — Мне так хочется, чтобы меня навестил доктор Чилтон!

Тетя посмотрела на нее как-то странно, и это очень ее озадачило.

Я вызову к тебе не доктора Чилтона, Поллианна, — с подчеркнутой сухостью проговорила мисс Харрингтон. — Нашу семью лечит доктор Уоррен. Вот он и придет к тебе, если потребует.

К счастью, Поллианне вечером полегчало, и доктора Уоррена вызывать не пришлось.

— Я очень рада, что вам не надо вызывать доктора, тетя Полли, — объявила Поллианна за ужином. — Конечно, доктор Уоррен мне тоже очень нравится, и другие доктора — тоже. Но мистер Чилтон мне нравится больше всех. Понимаете, тетя Полли, я боюсь, он очень обиделся бы на меня, если бы я позвала не его. Он ведь не виноват, что увидел, как я красиво вас причесала и...

— Ну, хватит, Поллианна, — оборвала ее тетя. — Я не намерена обсуждать ни доктора Чилтона, ни его поведение.

Поллианна на мгновение оторопела. Она не понимала, чем вызвано недовольство тети, и ей стало грустно. Но минуту спустя, она заметила, как красиво разрумянились у тети Полли щеки.

— Ой, тетя Полли! — забыв обо всем, закричала она. — Я обожаю, просто обожаю, когда у вас такой румянец! Вы сейчас такая красивая! Тетя Полли! Ну, пожалуйста, тетя Полли! Можно я вас сейчас причешу? Если... Тетя Полли! — тщетно взывала она к почтенной родственнице.

Но на этот раз мисс Полли Харрингтон одержала верх. Не дожидаясь, пока знакомое чувство скует ее разум и волю, она быстро встала и удалилась.

Навещая Джона Пендлтона на самом исходе августа, Поллианна заметила, что подушка его озарена полоской яркого радужного света. Это была удивительная полоска. Голубой, золотистый и зеленый цвета, а по краям — фиолетовый и красный. Поллианна в изумлении застыла возле кровати.

— Мистер Пендлтон! Мистер Пендлтон! Да это же настоящая маленькая радуга! Настоящая радуга пришла навестить вас! — хлопая в ладоши, воскликнула она. — Как красиво! Но как она прошла сюда? — удивилась Поллианна.

Джон Пендлтон в то утро был очень мрачно настроен.

— Думаю, она «прошла сюда» сквозь стеклянный термометр на окне, — сумрачно усмехнувшись, объяснил он. — Вообще-то не дело, когда термометр висит на солнце, но по утрам солнце светит именно в это окно.

— Но, мистер Пендлтон! Ведь это очень красиво! Неужели такое может получиться только от того, что солнце светит на термометр? Ну, тогда, если бы у меня был термометр, я всегда держала бы его только на солнце!

— Не много было бы тогда прока от твоего термометра, — развеселился мистер Пендлтон. — Интересно, как бы ты определяла тепло сегодня или холодно, если термометр твой все время висел бы на солнце?

— А мне было бы все равно! — решительно ответила Поллианна, по-прежнему не отрывая восхищенного взгляда от маленькой радуги на подушке мистера Пендлтона. — Какая разница, тепло на улице или холодно, когда в твоей комнате целый день живет маленькая радуга?

Мистер Пендлтон засмеялся еще веселей. Потом он удивленно поглядел на восторженное лицо Поллианны. Неожиданно он хлопнул себя по лбу, словно его осенила какая-то идея, и легонько тронул кнопку звонка.

— Нора, — сказал он, когда пожилая служанка показалась в дверях, — будьте добры, принесите мне один из больших медных подсвечников, они стоят на каминной полке в задней гостиной.

— Слушаюсь, сэр, — удивленно взглянув на него, ответила служанка.

Минуту спустя она вернулась. Шествие ее сопровождалось мелодичным звоном. Это многочисленные хрусталики на подсвечнике позвякивали в такт ее шагам.

— Спасибо, Нора. Поставьте его на тумбочку, — распорядился мистер Пендлтон. — А теперь снимите занавеску и протяните веревку поперек окна. Ну, вот и все. Теперь можете идти.

Дождавшись ухода служанки Джон Пендлтон весело взглянул на девочку:

— Ну-ка неси сюда подсвечник, Поллианна!

Схватив обеими руками тяжелый подсвечник, она подала его мистеру Пендлтону. Не успела она и глазом моргнуть, как он быстро сорвал с него дюжину хрустальных подвесок.

— А теперь возьми их, моя дорогая, и повесь на веревку у окна. Если уж тебе действительно захотелось поселить в комнате радугу, я просто не вижу иного выхода.

Поначалу Поллианна совершенно не понимала, зачем мистеру Пендлтону все это понадобилось. Лишь повесив три хрусталика, она случайно глянула в глубь комнаты, и ей открылось все величие замысла старшего друга. Она так разволновалась, что руки едва ее слушались, и она с трудом удерживала дрожь в пальцах. Все же она превосходно справилась, и скоро вся дюжина хрусталиков оказалась на веревке. Она отвернулась от окна, и тут же восторженный вопль огласил огромную спальню. Поллианне и впрямь было чему подивиться. Недавно еще унылая комната превратилась в сказочный дворец. По стенам и потолку плясали красные и зеленые, фиолетовые и оранжевые, золотые и синие блики. Стены, стол, шкафы и даже постель — все сияло, словно праздничная иллюминация.

— Да это просто чудо! — выдохнула Поллианна и радостно засмеялась. — Мистер Пендлтон! Мистер Пендлтон! Мне кажется, даже солнце играет в игру. Вам тоже так показалось? — осведомилась она, ибо совершенно забыла, что так и не успела познакомить его с правилами игры в радость. — Ой, мне так хотелось бы, чтобы у меня были такие вот штучки, — продолжала она. — Тогда я бы дала их тете Полли, и миссис Сноу, и еще другим людям. Мне кажется, тогда они все будут рады. Даже тетя Полли наверняка так обрадуется, что не удержится и хоть разок хлопнет дверью. Вам тоже так кажется, мистер Пендлтон?

— Да как тебе сказать, мисс Поллианна, — засмеялся мистер Пендлтон, — насколько я помню твою тетю Полли, мне кажется, хрусталиков будет явно недостаточно, чтобы заставить ее хлопать дверьми от радости. Боюсь, тут понадобится кое-что побольше. Но я, откровенно говоря, не очень-то понял, во что там играет сейчас солнце и почему все эти люди должны радоваться?

Поллианна некоторое время удивленно смотрела на него, затем решительно тряхнула головой.

— Совсем забыла, мистер Пендлтон! Вы же ничего не знаете об игре!

— Ну, раз я ничего не знаю, тогда расскажи мне!

И Поллианна стала ему рассказывать. Она начала с костылей, которые достались ей вместо куклы и рассказала все до конца, и на этот раз мистер Пендлтон ни разу не перебил ее. Она говорила и говорила и не могла оторвать восхищенного взора от хрустальных подвесок, которые расцвечивали комнату сотнями маленьких радуг.

— Ну, вот и все, — завершила она наконец свой рассказ. — Теперь вам понятно, почему я сказала про солнце, что оно тоже играет в игру?

На секунду в комнате воцарилась тишина, затем мистер Пендлтон глухим, сдавленным голосом произнес:

— Теперь понятно. Я думаю, Поллианна, что лучше тебя никого нет на свете.

— Ну что вы, мистер Пендлтон. Ведь сколько на меня ни будет светить солнце, я все равно не сумею отбрасывать таких радуг.

— Да ну? — с улыбкой взглянул на нее мистер Пендлтон.

И только тут Поллианна заметила, что в глазах его стоят слезы.

— Ну, конечно же, не сумею, — ответила она. — И вообще, тетя Полли мне объяснила, что нельзя долго стоять на ярком солнце. Она говорит, от этого у меня будет еще больше веснушек. — И, вспомнив о веснушках, Поллианна громко вздохнула.

Тут мистер Пендлтон отвернулся, и до Поллианны донесся его тихий смех. Она внимательно пригляделась к нему, и ей вдруг показалось, что он не смеется, а плачет.

15 сентября Поллианна начала ходить в школу. Ей устроили экзамен, и оказалось, что ее знания вполне соответствуют возрасту. Теперь Поллианна с радостью ходила в класс, где наконец нашла сверстников.

Трудно сказать, кто и кому на первых порах поражался сильнее: Поллианна школе или школа Поллианне? Наверное, справедливее всего было бы отметить, что они были друг для друга большими сюрпризами. Правда, вскоре между новой ученицей и почтенным учебным заведением установились наилучшие отношения, и однажды Поллианна объявила тете, что, хоть поначалу и не верила, однако убедилась, что оказывается «ходить в школу — это тоже жить».

Школьная жизнь отнимала у Поллианны изрядное количество времени. Однако она не забывала о старых друзьях. Правда, теперь ей не удавалось навещать их так часто, как прежде, но она честно отдавала им все выходные. Однако Джон Пендлтон все равно считал себя обделенным и очень скучал по Поллианне. И вот, когда настала очередная суббота и она пришла его навестить, он спросил:

— А тебе не хотелось бы переехать ко мне, Поллианна? А то, знаешь, мне кажется, мы с тобой совсем не видимся в последнее время, — капризно добавил он. Это было настолько неожиданно, что Поллианна засмеялась.

— А мне казалось, вы не любите, когда вокруг вас все время люди, — ответила она. Мистер Пендлтон скорчил кислую мину.

— Да, в общем-то, ты права. Раньше я этого действительно не любил. Но теперь ты научила меня своей игре, и я рад, что меня обхаживают со всех сторон. Но ничего: скоро я уже встану на обе ноги, и тогда мы еще посмотрим, кто тут главный, — добавил он, шутливо погрозив Поллианне одним из костылей, стоявших подле его кресла, ибо сегодня они сидели не в спальне, а в библиотеке.

— А-а, — отмахнулась Поллианна и обиженно надула губы, — вы только говорите, что рады, а на самом деле просто притворяетесь. И, глядя на собаку, сидящую у горящего камина, добавила: — Вы всегда неправильно играете в игру, мистер Пендлтон. Вы же сами знаете!

Лицо мистера: Пендлтона внезапно Стало очень серьезным.

— Вот потому-то я и хочу тебя видеть почаще, милая, — с чувством проговорил он. — Ты должна как следует научить меня. Без тебя мне просто не справиться. Согласна переехать ко мне?

— Вы это серьезно, мистер Пендлтон?

— Конечно, серьезно. Ты мне нужна, Поллианна. Переедешь?

Поллианна не знала, что и сказать.

— Но я не могу, мистер Пендлтон. Вы же сами знаете. Я же тети-Поллина!

По лицу мистера Пендлтона словно промелькнула какая-то тень. Он резко вскинул голову.

— Ты не более ее, чем... — яростно начал он и, помолчав, уже гораздо более мирно добавил: — Может быть, тетя Полли разрешит тебе переехать ко мне? Если она разрешит, то согласна?

Поллианна задумалась.

— Но тетя Полли была так добра ко мне, — после долгого молчания заговорила она. — Она ведь взяла меня к себе, когда у меня не осталось никого-никого, кроме Женской помощи...

По лицу мистера Пендлтона вновь пробежала тень.

— Поллианна! Много лет назад я очень полюбил одну девушку, — глухо проговорил он. — Я надеялся, что когда-нибудь приведу ее в этот дом, и мечтал, что мы проживем вместе множество счастливых лет.

— Да-а-а, — сочувственно глядя на мистера Пендлтона, протянула Поллианна.

— Но я не привел ее сюда, — с грустью продолжал мистер Пендлтон, — она... В общем, неважно, почему я ее не привел. Просто не привел, и все. И с тех пор эта серая груда камней превратилась из Дома просто в жилище. Потому что жилище становится Домом, только благодаря женщине или присутствию ребенка, а у меня нет ни того, ни другого. Теперь ты понимаешь, почему мне хочется, чтобы ты жила у меня?

Поллианна вскочила на ноги и затанцевала на месте. Лицо ее светилось от восторга.

— Мистер Пендлтон! Вы... вы хотите сказать, что все это время мечтали о том, чтобы та девушка отдала вам свою руку и сердце?

— Ну, да, Поллианна.

— Ой, я так рада! Тогда все в порядке! — воскликнула девочка и облегченно вздохнула. — Теперь вы можете нас обеих взять к себе в дом, и все будет прекрасно!

— Взять... вас... обеих? — повторил совершенно сбитый с толку мистер Пендлтон.

— Ну, вообще-то, — глядя на него с некоторым оттенком сомнения, ответила Поллианна, — вы еще не завоевали сердце тети Полли. Но если вы расскажете ей все так же, как мне, я уверена, что она не выдержит. И тогда мы обе сможем переехать сюда.

Теперь мистер Пендлтон взирал на Поллианну с ужасом.

— Тетя Полли... переедет... сюда? — отдельно проговорил он.

— А разве вы предпочли бы переехать к нам? — спросила Поллианна, и глаза ее расширились от удивления. — Что ж, можно и так. Конечно, наш дом не такой красивый, как ваш, но зато он ближе...

— О чем ты говоришь, Поллианна? — очень ласково перебил он ее.

— Как о чем? О том же, о чем и вы, — без обиняков ответила Поллианна. — Надо же решить, кто к кому будет переезжать. Просто мне сначала показалось, что вы хотите, чтобы мы жили здесь. Вы же сами сказали, что все эти годы вам нужны были рука и сердце тети, чтобы здесь стал Дом и...

Тут мистер Джон Пендлтон исторг что-то нечленораздельное. Он поднял руку, призывая Поллианну к вниманию, и попытался заговорить, но в следующее мгновение рука его беспомощно упала на подлокотник кресла. И тут в дверях показалась служанка.

— Доктор Чилтон, сэр, — объявила она. Поллианна поднялась с кресла и стала прощаться.

— Поллианна, ради Бога, Поллианна, — тихо взмолился в ответ мистер Пендлтон, — не рассказывай пока тете, о чем я просил тебя.

— Ну, конечно же, я ничего не скажу ей, мистер Пендлтон, — улыбаясь, ответила Поллианна. — Как будто я не понимаю, что вы сами хотите с ней объясниться, — добавила она и выбежала из комнаты.

Джон Пендлтон в изнеможении откинулся на спинку кресла. "

— Что случилось? Вы чем-то взволнованы? — допытывался минуту спустя доктор Чилтон, меряя учащенный пульс пациента.

Губы мистера Пендлттона скривились в улыбке.

— Мне кажется, я несколько увлекся вашим лекарством, — ответил он, заметив, как доктор украдкой следит за Поллианной, быстро удаляющейся по садовой дорожке.

Но воскресеньям Поллианна с утра обычно шла в церковь, потом — в воскресную школу. Вторая половина дня принадлежала ей, «чтобы жить», и они с Нэнси отправлялись на прогулку. В то воскресенье, которое последовало за столь примечательной беседой в доме на Пендлтонском холме, Поллианна тоже собиралась пойти куда-нибудь с Нэнси. Однако на полпути из воскресной школы домой ее нагнала пролетка доктора Чилтона.

— Как хорошо, что я тебя встретил! — останавливаясь, воскликнул он. — Я как раз собирался ехать к тебе. Может быть, ты позволишь довезти тебя до дома? По дороге и поговорим, а?

— Понимаешь, — продолжал он, пока Поллианна устраивалась рядом с ним на сиденье, — мистер Пендлтон просил тебя зайти к нему сегодня. Он сказал, что это очень для него важно.

— Да, да, я знаю, мистер Чилтон, — сияя от счастья, кивнула Поллианна. — Это очень важно. Я обязательно зайду к нему.

Доктор удивленно взглянул на нее.

— Не знаю только, могу ли я позволить тебе это? — с лукавой улыбкой ответил он. — Должен заметить вам, юная леди, в прошлый раз вы очень разволновали нашего больного.

— О, это не я его разволновала! — засмеялась она. — Правда же, не я. Это все тетя Полли виновата. Доктор вздрогнул.

— Твоя тетя? — внимательно глядя на девочку, переспросил он.

Поллианна от радости несколько раз подпрыгнула на сиденье.

— Ну, да! Вы, знаете, это просто, как в сказках! Сейчас я все расскажу вам, — неожиданно приняла решение Поллианна. — Вообще-то мистер Пендлтон просил меня не рассказывать, — продолжала она, — но он ведь имел в виду не вас, а ее.

— Ее?

— Ну, да, тетю Полли! Конечно же, ему больше хочется самому ей все рассказать. Так уж заведено у этих влюбленных.

— Влюбленных? — выдохнул доктор, и лошадь вдруг дернулась, словно он резко потянул на себя.

— Вот именно, — радостно продолжала девочка. — И все это совершенно, как в сказке. Я бы нипочем не догадалась, если бы, не Нэнси. Но она мне сказала, что у тети Полли много лет назад был возлюбленный, а потом они поссорились. Сначала она не знала, кто он такой, а потом мы с ней поняли, что это, знаете кто? — и, выдержав эффектную паузу, она воскликнула: — Мистер Джон Пендлтон!

Рука доктора, судорожно сжимавшая вожжи, вяло упала на колесо.

— О-о, нет, я не знал, — тихо ответил он, и на лице его воцарилось умиротворенное выражение.

— Да, это он, — что есть силы затараторила Поллианна, ибо они уже приближались к дому, — и это просто потрясающе! Сначала мистер Пендлтон сказал, что хочет, чтобы я стала жить у него. Но я сказала, что не могу же я бросить тетю Полли, когда она была так добра ко мне! И тогда он мне признался, как мечтал о руке и о сердце одной девушки, и как она нужна ему до сих пор. Я так обрадовалась! Ведь раз она ему нужна, значит, он хочет помириться. Вот я и поняла, что тогда все станет очень хорошо. Тетя Полли и я переедем к нему или он переедет к нам. Конечно, тетя Полли еще ничего не знает. Мы с мистером Пендлтоном еще не договорились, как ей лучше сказать об этом. Я думаю, поэтому он и захотел увидеть меня сегодня.

Доктор вдруг выпрямился. На губах его играла загадочная улыбка.

— Да, теперь я понимаю, — ответил он. — Джон Пендлтон, наверное, просто жаждет тебя увидеть.

Они подъехали к дому, и доктор остановил экипаж у подъезда.

— А вот и тетя Полли! — закричала Поллианна. — Видите? Она там, в окне! Ой, нет! — смущенно спохватилась она. — Где же тетя?

Мне только что показалось, что она смотрит на нас.

— Теперь она уже не смотрит, — сказал доктор Чилтон, и от улыбки его не осталось даже следа.

В доме на Пендлтонском холме Поллианну поджидал чрезвычайно нервный Джон Пендлтон.

— Вот что, Поллианна, — даже не поздоровавшись, начал он. — Я всю ночь пытался понять, что ты имела в виду. Если мне не послышалось, ты вчера сказала, что все эти годы я мечтал о руке и сердце твоей тети Полли? Что ты имела в виду?

— Ну, я хотела сказать, что вы с тетей Полли когда-то любили друг друга, и я рада, что вы до сих пор не разлюбили ее.

— Любили друг друга?.. Я и твоя тетя Полли? Заметив явное недоумение мистера Джона Пендлтона, Поллианна с грустью посмотрела на него.

— Но мне же Нэнси сказала, мистер Пендлтон. Она сказала, что вы с тетей Полли любили друг друга.

Мистер Пендлтон фыркнул.

— Боюсь, Поллианна, мне придется сказать тебе, что Нэнси твоя ничего не знает.

— Значит, вы не любили друг друга? — горестно всплеснула руками Поллианна.

— Никогда в жизни! — решительно подтвердил мистер Пендлтон.

— Тогда у нас не выйдет, как в сказках, — с еще большим драматизмом произнесла девочка.

Мистер Пендлтон отвернулся и принялся с мрачным видом изучать оконную раму.

— А так все хорошо получалось! — Поллианна чуть не плакала от отчаяния. — И я была бы так рада переехать к вам с тетей Полли!

— А теперь ты не согласишься ко мне переехать? — спросил Джон Пендлтон, упорно продолжая разглядывать оконную раму.

— Теперь нет. Я ведь тети-Поллина.

Джон Пендлтон резко повернул к ней голову.

— Только не забывай, прежде чем стать тети-Поллиной, ты была маминкой, — очень тихо проговорил он. — А именно о руке и сердце твоей мамы я и мечтал много лет назад.

— Моей мамы?

— Да, милая. Я не хотел говорить тебе. Но, пожалуй, я все-таки расскажу.

Лицо мистера Пендлтона было бледно, и каждое слово давалось ему с трудом. А Поллианна смотрела на него во все глаза.

— Я любил твою маму, — продолжал он. — А она меня — нет. А потом она уехала вместе с твоим отцом в другой город. Вот тогда я понял по-настоящему, как много она для меня значила. Весь мир словно перевернулся и... Но это уже совсем не интересно. С тех пор прошло много лет. И я прожил эти годы сухим, сердитым стариком. Да, да, все эти годы я был стариком, хотя мне и сейчас нет еще шестидесяти. Я никого не любил и никто не любил меня. Но вот пришел день, и в моей жизни появилась ты. Знаешь, это было похоже на твои хрусталики. В мой мир словно вошла яркая радуга. Потом я узнал, кто ты такая, и решил, что постараюсь с тобой больше не видеться, потому что ты напомнила о моей несчастной любви. Но ты уже знаешь: из моей затеи ничего не вышло. Я уже не могу без тебя. Вот потому-то я и хочу, чтобы ты ко мне переехала. Ты согласна?

— Но ведь, мистер Пендлтон... я... Но ведь у меня же есть еще тетя Полли!

— Тетя Полли! — с негодованием воскликнул Джон Пендлтон. — А обо мне ты подумала? Как тебе кажется, смогу я без тебя хоть чему-нибудь радоваться? Я только-только немного начал ощущать радость жизни. Это ты меня научила! И если бы ты стала совсем моей девочкой, я бы делал все, что в моих силах, чтобы ты все время радовалась. Я буду выполнять любое твое желание! Все свои деньги я истрочу на то, чтобы сделать тебя счастливой.

Поллианна по-прежнему, не отрываясь, смотрела на него, и лицо ее все больше вытягивалось от удивления.

— Даже и не думайте, мистер Пендлтон, что я разрешу вам истратить на меня деньги, которые вы накопили для язычников! — решительно воскликнула она.

Мистер Пендлтон покраснел. Он хотел было возразить ей, но, прежде чем ему удалось вставить хоть слово, Поллианна вновь затараторила:

— Да я вообще не понимаю, мистер Пендлтон, почему вы не можете радоваться без меня? У вас ведь много денег, и вы доставляете столько радости другим людям! Вы делаете им подарки, и они так бывают довольны! Ну, разве можно не радоваться этому? Вот, например, хрусталики, которые вы подарили мне и миссис Сноу! Или золотая монетка Нэнси на день рождения! Знаете, как мы все были довольны! И вы..

— Это не имеет никакого значения, Поллианна, — сумел, наконец, перебить ее мистер Пендлтон. Слушая ее, он покраснел еще больше, да это и не удивительно: ведь он до недавнего времени был известен отнюдь не своей щедростью.

— Зря ты меня хвалишь, Поллианна, — продолжал он. — Во-первых, все это мне ничего не стоило, а во-вторых, если я и сделал что-то хорошее, то только из-за тебя. Можешь считать, что ты сама подарила все это людям. И не возражай мне, я лучше знаю, — строго добавил он. — Просто все, что ты сейчас говорила, лишний раз доказывает, как ты мне нужна, — в голосе его снова послышались мольба и нежность. — Если я когда-нибудь и научусь по-настоящему играть в твою игру, Поллианна, то только вместе с тобой. Ты должна переехать ко мне, и я буду заново учиться жить.

Девочка задумчиво наморщила лоб.

— Понимаете, мистер Пендлтон, тетя Полли была так добра ко мне, — вновь начала урезонивать его Поллианна.

Но мистер Пендлтон резким взмахом руки заставил ее замолчать. На какое-то мгновение он стал прежним мистером Пендлтоном.

— Ну, конечно же! — желчно воскликнул он. — Твоя тетя очень добра к тебе. Да, я уверен, она и вполнину так не нуждается в тебе, как я.

— Но, мистер Пендлтон, я ведь знаю, она рада...

— Рада? Она? — вне себя от возмущения вскричал мистер Пендлтон. — Готов поспорить на что угодно: мисс Полли вообще не способна ничему радоваться. О, да, я знаю! Она «выполняет свой долг»! О, у этой женщины просто уйма чувства долга! Знаю, знаю! Раньше мне приходилось частенько с ней сталкиваться! Конечно, последние лет двадцать мы, признаюсь, встречались не часто, но все равно я знаю ее, как облупленную! И каждый, кто с ней хоть один раз сталкивался, скажет тебе то же самое. Не из тех она особ, которые умеют радоваться. Она просто не знает, что это такое! А вот насчет того, чтобы тебе ко мне переехать...

Он умолк, а когда заговорил вновь, голос его зазвучал мягко и ласково:

— Знаешь, спроси у нее. Может, она разрешит тебе?.. О, девочка, девочка, как же ты мне нужна, — совсем тихо добавил он.

Поллианна вздохнула и поднялась с кресла.

— Ладно, я спрошу у нее, — очень серьезно пообещала она. — Конечно, я не хочу сказать, что не хотела бы с вами жить, мистер Пендлтон, но...

Она задумалась.

— Во всяком случае, я рада, что ничего ей вчера не сказала. Ведь если бы я сказала, она бы подумала, что нужна вам так же, как я.

Джон Пендлтон невесело улыбнулся.

— Да, Поллианна. Хорошо, что ты не стала ей говорить.

— Я вообще никому не говорила. Только доктору. Но это, по-моему, не считается.

— Доктору? — мистер Пендлтон чуть не подскочил на месте от неожиданности. — Какому доктору? Не мистеру Чилтону?

— Ну, конечно, мистеру Чилтону, — спокойно ответила Поллианна. — Он встретил меня в городе и передал, что вы хотите меня сегодня видеть. А потом он повез меня домой, и я ему рассказала.

— Вот это да! — выдохнул мистер Пендлтон и откинулся на спинку стула. В следующее мгновение он снова выпрямился.

— Слушай, а что он тебе на это ответил? — осведомился он и в глазах его засветилось неподдельное любопытство.

Поллианна надолго задумалась. Она пыталась вспомнить, что же ей ответил мистер Чилтон?

— Кажется, он не сказал ничего особенного, — наконец проговорила она. — А-а, вспомнила! — вдруг осенило ее. — Я ему рассказала, а он ответил, что теперь понимает, как вам хочется меня увидеть.

— Неужели так прямо и сказал? — ехидно усмехнувшись, переспросил мистер Пендлтон, и Поллианна не могла взять в толк, отчего он вдруг так развеселился?

Когда Поллианна спускалась с Пендлтонского холма, небо вдруг затянуло тучами. Судя по тому, как сразу стемнело, Поллианна поняла, что приближается гроза. Не успела она это подумать, как заметила, что навстречу ей со всех ног спешит Нэнси с зонтиком в руках. И, как часто бывает, именно в этот момент небо стало светлеть: гроза явно прошла стороной.

— По-моему, ее несет на север, — глубокомысленно взирая на небосклон, сказала Нэнси. — Я так и полагала, но мисс Полли приказала мне встретить тебя с зонтом, и бежать побыстрее. Она, видишь ли, о тебе беспокоится!

— Беспокоится? — с отсутствующим видом пробормотала Поллианна, которую целиком и полностью поглотило изучение облаков.

Нэнси несколько раз подряд хмыкнула. Убедившись, что это не действует, она обиженно заявила:

— Я вижу, тебе совершенно все равно, иначе ты обратила бы внимание на то, что я сказала. Я ведь сказала, что твоя тетя... беспокоилась о тебе!

— Ох! — только и выдохнула Поллианна, ибо Нэнси напомнила ей о нелегком разговоре, который предстоит ей вести с тетей. — Ой, что ты сказала, Нэнси? — вдруг спохватилась она. — Тетя Полли беспокоилась? Но я совсем не хотела ее напугать.

— Ну, а что до меня, я рада! — неожиданно воскликнула Нэнси. — Вот так я тебе скажу: я рада, что твоя тетя беспокоилась! Рада, милая моя, вот так я тебе и скажу.

Поллианна смотрела на Нэнси во все глаза.

— Ты рада, что тетя Полли из-за меня беспокоилась? — возмутилась она. — Но, Нэнси, так ведь нельзя играть! Нельзя радоваться таким вещам!

— Я ни в какую игру и не играла! — не унималась Нэнси. — Ты просто, видно, не понимаешь, что это значит. Тетя... Полли... беспокоится... о тебе! — отдельно, словно малому ребенку, втолковывала она.

— Как это не понимаю? — настаивала Поллианна. — Чего тут еще понимать? Когда человек беспокоится, это очень мучительно. Как же можно радоваться тому, что кто-то мучается? Это нехорошо, Нэнси.

— Вот заладила! — в сердцах потрянула головой Нэнси. — Нет, видно, ты все-таки не понимаешь, что это значит. Ну, так я тебе сейчас втолкую. Твоя тетя беспокоится о тебе. Это значит, что она наконец стала походить на живого человека. Теперь она не просто выполняет «свой долг», а еще что-то чувствует!

— Как ты можешь, Нэнси! — еще больше возмутилась Поллианна. — Тетя Полли всегда выполняет свой долг, у нее просто уйма чувства долга! — сама того не понимая, повторила она слова мистера Пендлтона.

Нэнси громко засмеялась.

— Ну, о том-то я тебе и толкую! Наверное, твоя тетя всегда была такой. Но с тех пор, как ты приехала, она начала меняться.

Поллианна вдруг сосредоточенно нахмурила брови.

— Слушай, Нэнси, я у тебя вот что хочу спросить. Как ты думаешь, тете Полли нравится, что я живу у нее? Или она обрадуется, если я вдруг перестану жить в ее доме?

Нэнси метнула на девочку внимательный взгляд. Этому вопросу она ожидала чуть ли не с того самого момента, когда Поллианна появилась в Харрингтонском поместье. Она ждала его и боялась, ибо все эти дни, недели и месяцы не знала, как ответить честно и, в то же время, не ранить доверчивое сердце Поллианны. Но теперь, когда мисс Полли велела ей как можно быстрее бежать с зонтиком навстречу племяннице, теперь Нэнси не боялась больше отвечать Поллианне. Ведь теперь она знала, что может, не кривя душой, обрадовать ее.

— Нравится ли ей, что ты живешь у нее? — повторила она. — Обрадуется ли она, если ты перестанешь жить в ее доме? Да ты что, не слушала меня вовсе? Ведь я же говорю тебе: она беспокоилась, с зонтиком мне велела бежать. Беги, говорит, встречай! Вот так и говорит: «Беги, встречай!» А ведь тогда еще всего крохотная тучка на небе появилась. А она уже и говорит:

«Надо идти встречать ее, а то я беспокоюсь». А разве не она заставила меня таскать вещи с чердака вниз? И только для того, чтобы поселить тебя в красивую комнату, которая тебе понравилась! Мне теперь и вспомнить чудно, как вначале ей не хоте...

Нэнси вовремя спохватилась и старательно закашляла.

— Не то, что я бы могла точно сказать, что там с ней происходит, — продолжала она, — но ты на нее так действуешь, что она даже вести себя стала не так, как раньше. Она как бы смягчилась, подобрела. Взять хотя бы твою кошку и собаку тоже. Взяла бы она их раньше, дождайся. И со мной она теперь совсем не так разговаривает. Ну и еще всякое другое... Слушай сюда, мисс Поллианна. Никто даже и вообразить не может, каково ей будет теперь без тебя! — уверенно завершила она, надеясь, что Поллианна не догадалась о том, какие слова едва не вырвались у нее минутой назад.

— О, Нэнси! Я так рада, Нэнси! Ты просто не представляешь, как я рада, что нужна тете Полли! — в восторге закричала Поллианна.

«Ну уж теперь-то я ни за что ее не покину! — думала девочка, поднимаясь по лестнице к себе в комнату. — Про себя-то я всегда знала, что хочу жить с тетей Полли. Но я никогда не думала, что могу так мечтать, чтобы ей тоже хотелось со мной жить!»

Теперь, когда ее судьба была решена, Поллианна принялась думать, как поступить с мистером Пендлтоном. Жить у него она не может, но это не означало, что ей не жаль его. Напротив, она с каждым днем все сильнее привязывалась к этому несчастному человеку, и ей очень хотелось ему помочь. Тем более теперь, когда она узнала, что ее мама отчасти виновата в том, что мистер Пендлтон уже много лет живет совершенно один в своем большом доме. Сердце ее сжалось от сочувствия. Что бы она только ни сделала, чтобы где-нибудь нашелся кто-нибудь и...

Дальше она размышлять не стала. Издав радостный вопль, она вскочила на ноги. Это была просто замечательная идея! Улучив первую же возможность, Поллианна поспешила на Пендлтонский холм.

— Ну, что, согласна ли ты играть со мной в радость до конца моих дней? — с трепетом осведомился мистер Пендлтон, когда они, наконец, оказались в библиотеке. Поллианна видела, как его красивые тонкие пальцы нервно сжимают подлокотники кресла, а преданный пес, видимо, чувствуя настроение хозяина, внимательно смотрит на него.

— О, да! — ответила Поллианна. — Потому что я придумала для вас самую радостную новость и...

— Мы будем играть с тобой вместе? — не дал ей договорить мистер Пендлтон, и Поллианна заметила, что губы у него дрогнули.

— Нет, но...

— Только не говори мне «нет», Поллианна! Ты не можешь так поступить со мной! — взмолился он.

— Я не хочу плохо поступать с вами, мистер

Пендлтон, — продолжала Поллианна, — но все-таки мне придется сказать вам «нет». Тетя Полли...

— Она не позволила тебе переехать? — в третий раз перебил он ее.

— Я... я не спрашивала ее, — не стала кривить душой девочка.

— Поллианна!

Она отвернулась. Встретиться глазами с мистером Пендлтоном было выше ее сил.

— Я не могу, сэр, — тихо продолжала она. — Правда, не могу. Мне не надо было спрашивать. Я и так все узнала. Тетя Полли хочет, чтобы я жила с ней. И я тоже хочу с ней остаться. Вы просто не знаете, как она добра ко мне. А потом, она уже начала многому радоваться. А ведь раньше она этого не умела. Вы же сами мне говорили! О, мистер Пендлтон! Я просто не могу, не могу оставить ее теперь.

В библиотеке наступила тишина. Только треск дров в камине нарушал ее.

— Я понимаю, Поллианна, — некоторое время спустя заговорил мистер Пендлтон. — Я больше не буду тебя просить... Никогда не буду, — добавил он так тихо, что девочка едва расслышала.

— Подождите, мистер Пендлтон. Вы ведь еще не знаете, что я придумала для вас, — решительно вернулась она к тому, с чего начала сегодняшнюю беседу. — Это самое радостное из всего, что вы можете сделать! Я вам правду говорю!

— Я не смогу уже сделать ничего радостного. Радости, видно, не для меня, Поллианна, — угрюмо отозвался он.

— Нет, сэр, для вас, для вас! Вы же сами говорили, что рука и сердце женщины и присутствие ребенка могут превратить ваше жилище в настоящий Дом! Говорили? Так вот, я вам это устрою. У вас будет присутствие ребенка. Ну, конечно, это буду не я...

— Кроме тебя, мне никто не нужен! — решительно запротестовал Джон Пендлтон.

— Когда вы узнаете его, он вам станет нужен! — еще решительнее возразила Поллианна. — Вы же такой хороший и добрый! Вы только вспомните, сколько радости вы доставляете людям всякими хрусталиками, монетами и другими удивительными вещами! А потом, вы же еще копите деньги для язычников и...

— Поллианна! — раздраженно запротестовал Джон Пендлтон. — Давай, наконец, раз и навсегда оставим эту чушь о язычниках. Я уже сто раз пытался тебе сказать: никогда в жизни я не послал язычникам ни пенни. Я даже и не думал копить для них деньги. Ясно?

Он решительно поднял голову, приготовившись встретиться с разочарованным взглядом девочки. Каково же было его удивление, когда он увидел, что ее глаза сияют от радости.

— Вот это да, мистер Пендлтон! — хлопая в ладоши, закричала она. — Я так рада... То есть... — она покраснела и замялась. — Я, конечно, не хочу сказать, что мне не жалко язычников, но зато я теперь знаю, что вы не как все остальные, и вам не нужны маленькие

мальчики из Индии. Я так рада, что вам больше нравится Джимми Бин. О, теперь-то я точно знаю, что вы возьмете его.

— Кого возьму?

— Джимми Бина. Понимаете, он и будет вашим «присутствием ребенка». Он с радостью станет им. Он так расстроился на прошлой неделе, когда я сказала ему, что даже моя Женская помощь с Дальнего Запада не хочет его брать. Но теперь-то он обрадуется! Стоит ему только услышать, что вы его берете к себе!

— Он-то, может, и обрадуется, зато я нет! Это просто чушь какая-то, Поллианна! — воскликнул Джон Пендлтон.

— Вы хотите сказать, что не возьмете его?

— Вот именно, Поллианна.

— Но, мистер Пендлтон! Он был бы просто чудесным «присутствием ребенка»! — Чуть не плача, принялась уговаривать Поллианна. — Если вы возьмете к себе Джимми Бина, вам больше никогда не будет одиноко!

— Охотно верю. Но, думаю, в таком случае, я предпочту одиночество.

Поллианну вдруг охватила досада. И только сейчас, впервые за многие месяцы, она вспомнила то, что когда-то говорила ей Нэнси.

— Может быть, вы считаете, что хорошие, живой мальчик хуже, чемдохлый скелет, который вы храните в каком-то шкафу? — возмущенно вздернув подбородок, проговорила она. — Но я, лично, так не считаю!

— Скелет? — переспросил мистер Пендлтон.

— Да. Нэнси сказала, что вы держите его в каком-то шкафу. Ну и...

Запрокинув вверх голову, Джон Пендлтон вдруг громко захохотал. Он хохотал от всей души. Поллианна испуганно взглянула на него и вдруг заплакала. Джон Пендлтон резко оборвал смех и, выпрямившись, попытался настроиться на серьезный лад.

— Знаешь, ты права, Поллианна, — обретя дар речи, заговорил он. — Может быть, ты даже и сама до конца не подозреваешь, насколько права. Теперь я сам понял: хороший живой мальчик, конечно же, лучше, чем мой скелет в шкафу. Только вот... — он замялся. — Понимаешь, люди не могут так быстро меняться. Каждый почему-то держится за свои скелеты. А теперь я хотел бы, чтобы ты мне еще чуть-чуть подробнее рассказала об этом хорошем мальчике.

И Поллианна рассказала ему. Может быть, смех расчистил дорогу к сердцу мистера Пендлтона, а может быть, Поллианна вложила в историю бедного Джимми столько чувства, что сердце Джона Пендлтона не выдержало? Как бы там ни было, но в тот день он сказал Поллианне, чтобы она пришла в ближайшую же субботу вместе с Джимми Бином.

— Я так рада! — воскликнула Поллианна, прощаясь со своим старшим другом. — Я знаю, он вам очень понравится, мистер Пендлтон! И тогда у Джимми будет и дом, и семья, и вы станете о нем заботиться!

Как раз в тот момент, когда Поллианна рассказывала Джону Пендлтону о Джимми Бине, по Пендлтонскому холму взбирался приходский пастор, преподобный Пол Форд. Одолев холм, он углубился в Пендлтонский лес, надеясь, что красота природы хоть отчасти исцелит его израненное сердце. А сердцу преподобного Пола Форда и впрямь было от чего разорваться на части. Последний год отношения между его прихожанами с каждым месяцем ухудшались, и, сколько он ни старался, все его усилия не приводили ровно ни к каким результатам. Он пытался спорить, умолять, он призывал к порядку, наконец, он молился за них, но возмутители спокойствия продолжали бесчинствовать, вовлекая в порочный круг все большее количество прихожан. Дошло до того, что ему стало казаться, будто все его прихожане погрязли в зависти, недоброжелательстве и склоках. Скрипя сердце, борясь с отчаянием, он молился о вразумлении неразумных чад, но сегодня последние крупницы надежды иссякли в его душе.

Так получилось, что за последнее время двое его дьяконов переругались вдрызг из-за совершеннейшей чепухи. Три самых активных участницы Женской помощи, выведенные из себя глупыми сплетнями, которые с чьей-то легкой руки распространились по всему городу, вышли из организации. Церковный хор разделился на две враждующие группы, которые никак не могли поделить лучшие певческие партии. Общество Добродетельных Христиан пребывало совсем не в добродетельном состоянии, ибо тратило все свое время на разбор конфликта между двумя руководителями. И, наконец, именно сегодня директор и два преподавателя воскресной школы объявили, что подадут в отставку. Словом, у несчастного пастора просто земля под ногами горела.

Уединившись под сень Пендлтонского леса, преподобный Пол Форд впервые решил взглянуть правде в глаза, и это привело его в отчаяние. На какое-то мгновение ему показалось, что рушится не только его авторитет как служителя Господа на земле, но и чуть ли не устои всего христианства. Медлить больше было нельзя. Кризис разразился и спасти положение могли лишь экстренные меры. Но что он мог поделать?

Преподобный Пол Форд уселся под деревом и извлек из кармана сложенные листки бумаги. Он не спеша развернул их и стал читать наброски воскресной проповеди. Он хотел прибегнуть к обильным цитатам из Евангелия от Матфея. Он хотел пригрозить прихожанам участью лицемеров, книжников и фарисеев, показать им, как они похожи на тех, кто молится, но забывает о Законе, Вере, Прощении и Благодати. Он хотел задать им горький вопрос: куда идем мы, о братья и сестры?

Словом, он собирался прочесть им гневную проповедь. Произнеся ее в зеленых пределах Пендлтонского леса, преподобный Пол Форд мысленно прикидывал, насколько веско прозвучит его слово в пределах церкви, и какое действие возымеет оно на прихожан?

Решится ли он обратиться с подобным к своей пастве? Посмеет или не посмеет бросить им обвинения, которые лично ему совсем не казались сейчас преувеличенными? К этому, продолжал размышлять он, можно больше ничего не добавлять. Просто надо молить Бога о помощи и о том, чтобы слова его дошли до сердца заблудших. Ох, как же он мечтал, чтобы в приходе его вновь воцарились мир и спокойствие!

Он сложил свои наброски и снова запихнул их в карман. Потом в тоске закрыл лицо руками и издал протяжный стон. Именно в это время с ним поравнялась Поллианна, которая возвращалась домой.

— Ой, мистер Форд! Мистер Форд! — испуганно закричала она. — Надеюсь, вы ничего не сломали?

Пастор отдернул ладони от лица и изумленно посмотрел на нее.

— Нет, нет, милая, — пытаюсь изобразить безмятежную улыбку, ответил он. — Просто я решил тут немного передохнуть.

— Ну, тогда все в порядке, — с облегчением выдохнула Поллианна. — Понимаете, я однажды вот так же, как вас, встретила мистера Пендлтона, и у него оказалась сломана нога. Правда, он тогда лежал, а вы сидите.

— Да, сию. И я ничего не сломал. Так что, доктора мне ничем не помогут, — грустно добавил он.

Последние слова мистер Форд произнес очень тихо, но Поллианна расслышала их, и с сочувствием взглянула на него.

— Понимаю, мистер Форд, — ласково проговорила она. — Вас что-то тревожит. С папой тоже такое бывало. Наверное, у всех пасторов так. Ведь у вас такая большая ответственность.

Преподобный мистер Форд внимательно посмотрел на нее.

— А я и не знал, что твой отец был пастором.

— Ну, да, мистер Форд. Я думала, все знают об этом. Он женился на сестре тети Полли, и она стала моей мамой.

— Теперь понятно. Нет, я не знал. Ведь я не так давно живу в этом городе.

— Ну, да, сэр. То есть, я хотела сказать: нет, сэр, — вконец запутавшись, Поллианна смущенно улыбнулась и умолкла.

Наступила длительная пауза. Пастор снова извлек из кармана свои наброски, но, вместо того, чтобы читать их, воззрился на желтый высохший лист, лежавший неподалеку от дерева. А Поллианна разглядывала пастора, который, казалось, совершенно забыл о ней, и проникалась к нему все большим сочувствием.

— Хороший сегодня денек! — воскликнула она, надеясь возобновить прерванную беседу.

Пастор молчал. Потом, словно очнувшись от своих невеселых мыслей, недоуменно повернул голову к Поллианне.

— Что?.. А, ну, да. Денек и впрямь хороший.

— И совсем не холодно! — обрадовалась Поллианна. — А ведь уже октябрь.

И она с воодушевлением принялась развивать эту тему:

— Знаете, у мистера Пендлтона в камине горел огонь, но он тоже сказал, что ему совсем не холодно. Он просто любит смотреть на огонь. И я тоже люблю. Это очень красиво, правда? Вы тоже любите смотреть на огонь, а, мистер Форд?

Ответа не последовало. И после того, как Поллианна терпеливо подождала, мистер Форд тоже не отозвался. Поняв, что беседа о погоде явно не увлекает его, она решила поговорить о другом.

— Мистер Форд, а вам нравится быть пастором? — осведомилась она.

На этот раз преподобный Пол Форд не заставил ее долго ждать.

— Нравится? — пристально глядя на девочку, переспросил он. — Станный вопрос! А почему тебя это интересует, милая?

— Да, понимаете... у вас такой вид... Ну, прямо, как у моего папы. Он тоже так иногда выглядел.

— Правда? — вежливо отозвался пастор, вновь переключая внимание на пожелтевший лист.

— Ну, да. И когда у него бывал такой вид, я его, вот так же, как вас сейчас, всегда спрашивала, нравится ли ему быть пастором?

— Ну, и что же он отвечал тебе? — меланхолично улыбнувшись, спросил мистер Форд.

— О, он всегда отвечал, что ему, конечно, нравится. А потом часто говорил, что все-таки ни за что не остался бы пастором, если бы в Библии не было столько радостных текстов.

— Чего? Каких текстов? — окончательно забыв про свой лист, переспросил пастор. Теперь он глаз не сводил с сияющего лица Поллианны.

— Ну, в Библии они, конечно, так не называются. Это мой папа их так называл. Ну, понимаете, это такие тексты, которые начинаются «Радуюсь, Боже!» или: «Возрадуемся...», или: «Ликую, Господи...» Ну и все такое прочее. Их много. Папа рассказывал, один раз ему было очень плохо, и вот он взял, да и сосчитал все радостные тексты в Библии. Знаете, их оказалось целых восемьсот штук!

— Восемьсот?

— Да. И все они велят нам радоваться. Потому-то папа и прозвал их «радостными».

— Нд-а-а, — протянул пастор и как-то странно посмотрел на наброски воскресной проповеди. В глаза ему бросились слова: «Горе вам...» — и он торопливо перевел взгляд на девочку.

— Выходит, твоему папе нравились эти «радостные тексты»? — тихо спросил он.

— Ну, да, — уверенно отозвалась Поллианна, подтверждая свои слова резким кивком головы. — Он мне сказал, что в тот день, когда он придумал посчитать радостные тексты,

ему сразу стало легче. Просто он решил, что если Сам Господь восемьсот раз призвал нас радоваться, значит Ему было угодно, чтобы люди хоть изредка это делали. И папе стало стыдно, что он так мало радуется. И вот с тех пор всегда, когда ему становилось тяжело, или когда в Женской помощи поднималась ругань... То есть, я хотела сказать, когда они в Женской помощи никак не могли договориться, — быстро поправились Поллианна, — вот тогда-то «радостные тексты» особенно помогали ему. Папа мне говорил, что именно они и натолкнули его на игру. То есть, начал-то он играть со мной из-за костылей, но он говорил, что без «радостных текстов» ему нипочем бы не придумать игры.

— А что за игра такая? заинтересовался пастор.

— Ну, это когда во всем находишь, чему радоваться... Я вам уже сказала: все началось с костылей...

И Поллианна вновь поведала в подробностях историю, о которой знали уже почти все в городе. Но ни разу еще она не находила такого внимательного и сочувствующего слушателя, как мистер Форд.

Некоторое время спустя пастор и Поллианна, держась за руки, вышли из леса. Лицо Поллианны светилось от счастья. Она любила поговорить, а преподобный Пол Форд словно специально был ей послан для этого. Ему хотелось побольше разузнать и об игре, и о покойном мистере Уиттиере, и о жизни, которую вела Поллианна в маленьком городке на Дальнем Западе. И, разумеется, девочка щедро удовлетворила его любопытство. У подножия холма они попрощались, и каждый побрел к своему дому.

А вечером, затворившись у себя в кабинете, Пол Форд принялся вновь за текст предстоящей проповеди. Сбоку на его столе лежали те самые несколько страниц, которые он брал с собою в лес. А под правой рукой покоились чистые листы бумаги, на которых и должен был запечатлеться окончательный текст. Но, несмотря на то, что мистер Форд занес карандаш над бумагой, писать он пока не собирался. Мысли его сейчас витали далеко от настоящего, да и от насущных проблем его прихода. Перенесясь на несколько лет назад, он сейчас находился в маленьком городке на Дальнем Западе и словно наяву беседовал с нищим, больным пастором-миссионером. Ведь несмотря на все несчастья, у этого пастора хватило сил сосчитать, сколько раз Господь наш и Создатель произнес слово «радуйтесь»! Прошло еще немало времени, прежде чем преподобный Пол Форд вернулся к действительности и растерянно усталился на письменный стол. Аккуратно сложив все наброски в стопочку, он пометил стихи из Евангелия от Матфея, которые цитировал в качестве порицания лицемерам. Затем, бросив в сердцах карандаш на стол, потянулся к журналу, который только что принесла жена. Мистер Форд уже порядком устал и лениво просматривал страницу за страницей, когда вдруг наткнулся на слова, которые заставили его читать внимательней:

"Однажды некий мальчик по имени Том отказался принести матери дров. Узнав об этом, отец его сказал:

— Том, я уверен, что ты с удовольствием принесешь маме дрова.

И правда: Том тут же пошел и принес дрова. Почему? Да просто потому, что отец показал: он не ждет от сына ничего, кроме хорошего поступка.

А теперь представьте себе, что было бы, скажи ему отец:

— Том, я слышал, что ты не послушался маму. Мне за тебя стыдно! Немедленно ступай и наполни ящик для дров!

Уверяю вас, что в таком случае ящик для дров в доме Тома до сих пор стоял бы пустым..."

Пастор продолжал жадно читать дальше, останавливаясь на строках, которые особенно привлекали его внимание:

"Люди нуждаются в поощрении, больше, чем в порицании... Похвально укреплять их дух, и пагубно подчеркивать отрицательные качества.

Покажите человеку лучшие его стороны, и вы почти наверняка, побудите его отказаться, от дурных привычек. Покажите ему подлинное его "я", и убедите его, что он может со всем справиться и все победить... Помните, влияние прекрасного и милосердного человека всепоглощающе; такой человек целый город может повести за собой... Люди излучают то, что держат в сердцах и мыслях... Наделенный любовью к ближнему и благодарностью, неизбежно заразит этим окружающих. Но если он, напротив, угрюм, раздражителен, скареден, пусть он не сомневается:

Соседи ответят ему тем же, да еще возвратят с процентами. Ибо если вы во всем ищите зло и ждете его, будьте спокойны: вы его получите. Ожидая же и отыскивая добро, вы обретете его. Итак, скажите своему сыну Тому, что вы знаете, как он будет рад наполнить ящик дровами, и вы увидите, с какой страстью он примется за дело".

Пастор уронил журнал на стол и поднял голову. Минуту спустя он вскочил на ноги и принялся расхаживать взад-вперед по кабинету. Ходил он долго. Затем вздохнул и снова уселся за стол.

— Боже, дай мне силы, и я сделаю это, — тихо проговорил он. — Я скажу всем своим Томам, что верю в них. Они поймут, что я знаю, с каким усердием они будут таскать дрова в свои ящики. И я уж задам им работы! Я попытаюсь вселить в них столько радости, что им просто не захочется заглядывать в соседские ящики для Дров.

Он схватил свои старые наброски и, разорвав листки пополам, бросил их по разные стороны стола. Теперь слова «горе вам» покоились по левую его руку, а «книжники и фарисеи, лицемеры» — по правую. Но преподобному Полу Форду уже не было никакого дела до этих слов. Он быстро писал карандашом, и все новые листы бумаги покрывались торопливо начертанными строками. Рождался новый текст проповеди, и это был совсем другой текст.

В ближайшее воскресенье проповедь мистера Форда прозвучала с церковной кафедры. Он обращался в ней к лучшим чувствам своих прихожан, и не было в церкви в тот день ни одного человека, которого не задела бы за живое слова пастора. А главной цитатой в проповеди стал текст «Веселитесь о Господе, и радуйтесь, праведные» — один из восьмисот «радостных текстов», о которых поведала мистери Форду Поллианна.

Однажды Поллианна отправилась к мистери Чилтону. Пойти туда ее попросила миссис Сноу, которая забыла название какого-то лекарства. Поллианна ни разу не была у него в приемной и теперь с любопытством оглядывалась вокруг.

— Вот какой у вас дом, мистер Чилтон! Вы здесь все время живете? — спросила она.

— Да, — невесело отозвался он. — Другого дома у меня нет. Но, в общем-то, это вовсе и не дом, Поллианна. Просто комната, где я принимаю больных и еще одна комната, в которой я сплю.

— Это я знаю, — ответила девочка, бросая сочувственные взгляды на доктора, торопливо писавшего в блокноте. — Для настоящего дома нужно руку и сердце женщины или присутствие ребенка.

— Что ты сказала? — резко оторвавшись от блокнота, осведомился доктор.

— Ну, это мистер Пендлтон так говорит, — уверенно тряхнула головой Поллианна. — Это он мне объяснил про руку и сердце женщины и про присутствие ребенка тоже. А почему вы не возьмете руку и сердце женщины, а, мистер Чилтон? И еще... вы можете взять Джимми Бина, если мистер Пендлтон не захочет его брать. Возьмете?

Доктор Чилтон неестественно засмеялся.

— Значит, мистер Пендлтон сказал тебе, что для настоящего Дома нужно получить руку и сердце женщины? — уклоняясь от ответа, переспросил он.

— Ну, да, он так же, как вы, говорит, что у него не Дом, а просто жилище. Но почему же вы этого не сделаете, а, доктор Чилтон?

— Чего не сделаю? — снова переводя взгляд на письменный стол, осведомился доктор.

— Ну, не возьмете руку и сердце женщины. Ой, я ведь совсем забыла сказать вам! — неожиданно покраснев, воскликнула Поллианна. — А ведь я должна была сразу вас предупредить.

Знаете, оказывается, мистер Пендлтон любил много лет подряд совсем не тетю Полли. Так что, мы с тетей не переедем к нему. Понимаете, я тогда ошиблась. Надеюсь, вы никому еще не говорили? — с тревогой спросила она.

— Нет, нет, я никому не говорил, Поллианна, усиленно отводя взгляд от девочки, ответил доктор.

— Ну, тогда все в порядке, — обрадовалась она. — Вы понимаете, я ведь только вам все рассказала. — Она задумалась. — Только в мистер Пендлтон, когда узнал, что вы знаете, почему-то очень странно посмотрел на меня...

— Ну да? — спросил доктор, и губы его, чуть дрогнули.

— Да, — серьезно подтвердила Поллианна. — Я думаю, ему, наверное, не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал об этом, раз это неправда. Но почему же вы, мистер Чилтон, не возьмете в свое жилище чью-нибудь руку и сердце? На мгновение в приемной доктора Чилтона стало очень тихо. Потом он ответил:

— Видишь ли, моя милая, иногда этого не так-то легко добиться. Даже, если очень стараешься...

— Но уж вам-то это совсем не трудно! — делая ударение на слове «вам», воскликнула Поллианна.

— Спасибо! — засмеялся явно польщенный доктор. — Но только, — уже совсем невесело продолжил он, — некоторые из особ постарше тебя, так не думают. Во всяком случае, вот уже много лет мне ничего не удается.

Поллианна нахмурилась. Потом, глядя на доктора широко раскрытыми от удивления глазами, сказала:

— Не может быть, мистер Чилтон! Неужели вы, как мистер Пендлтон, старались получить руку и сердце и не смогли?

Доктор вскочил со стула.

— Ладно, Поллианна. Хватит об этом. Не забивай себе голову чужими трудностями. Ну, беги к миссис Сноу и передай ей эту записку. Тут и название лекарства и дозировка. Больше она ничего не просила?

Поллианна покачала головой:

— Нет, сэр. Спасибо вам большое, — тихо ответила она и направилась к выходу.

Уже почти миновав коридор, она остановилась и, повернув к доктору сияющее лицо, воскликнула:

— А все-таки вы должны радоваться, мистер Чилтон! Ведь вы хотели получить руку и сердце не моей мамы! Ну, до свидания!

Беда пришла в последний день октября. Торопясь из школы домой, Поллианна перебежала улицу. Она заметила, что к перекрестку приближается машина, но ей казалось, что она еще достаточно далеко и... Что произошло потом, так никто толком и не знал. И никто не мог понять, по чьей вине все случилось. Как бы там ни было, в пять часов вечера девочку без сознания внесли на руках в ту самую комнату, которую она так любила. Тетя Полли, на которой сейчас просто лица не было, и плачущая Нэнси раздели ее и бережно перенесли на кровать, а к дому уже мчался спешно вызванный по телефону доктор Уоррен.

Когда доктор, плотно затворив дверь комнаты, занялся больной, Нэнси в отчаянии выскочила в сад и, найдя старого Тома, рассказала ему о несчастье.

— Вы могли бы даже не смотреть на ее тетю, мистер Том, — всхлипывая, говорила она. — Вы бы и так сразу поняли бы, как она мучается. И ведь если ее что сейчас мучает, то совсем не долг. Не долг, вот так я вам и скажу, мистер Том: совсем не долг. Руки у ней прямо трясутся, и глаза глядят, будто она хочет саму смерть отвратить от нашей бедняжки. Нет, сейчас она не исполняет долг. Это уж я вам прямо скажу, мистер Том: не исполняет она долг, а...

— Сильно она разбилась? — дрожащим голосом проговорил старый Том.

— Ничего невозможно понять, мистер Том, — продолжая всхлипывать, ответила Нэнси. — Она такая бледная и не двигается. Мне вообще сначала показалось, что она мертвая. Но мисс Полли говорит, что не мертвая. А мисс Полли виднее. Она ведь щупала ей пульс, и ухо ей к груди прикладывала. Она послушала и сказала, что бедняжка наша дышит.

— Неужели нельзя понять, что сделала ей эта... эта... — старый Том не договорил. Лицо его скривилось от горя и, казалось, он сейчас заплачет.

— Я-то думала, вы позволите себе назвать эту штуковину так, как она того заслуживает! — в сердцах воскликнула Нэнси. — Уж я бы с этим так не церемонилась, мистер Том. Вот так я вам и скажу: не церемонилась бы. Подумать только, сбить нашу девочку! Да я всегда ненавидела эти копящие таратайки! Вот так я вам и скажу: не-на-ви-де-ла!

— Куда же ее ударило?

— Ох, не знаю, не знаю, мистер Том, — со стоном ответила Нэнси. — У ней на головке совсем небольшая ссадинка. Но мисс Полли говорит, что дело не в этом, она нутряного повреждения опасается.

— Ты, верно, хотела сказать, что мисс Полли опасается внутреннего кровоизлияния. Так, Нэнси? — поправил мистер Том, и глаза его на мгновение сверкнули сквозь слезы.

— Большая разница! — тряхнув головой, проговорила Нэнси. Она отвернулась в сторону, и плечи ее затряслись от плача. — Мне кажется, я просто не выдержу. У меня просто сердце разорвется, пока этот доктор выйдет оттуда. По мне бы сейчас затеять такую большую стирку. Такую большую, какой у меня еще в жизни не было, мистер Том. Вот это было бы дело, мистер Том. Вот так я вам и скажу: было бы дело!

С уходом доктора положение не прояснилось, и Нэнси вряд ли смогла бы добавить что-нибудь существенное к своему рассказу. Доктор сказал, что кости у девочки, по-видимому, целы, а ссадина на голове и впрямь не представляет никакой опасности. Однако выражение лица мистера Уоррена при этом было озабоченное, и он, с сомнением покачивая головой, объявил, что только будущее покажет насколько тяжело состояние больной.

После его ухода мисс Полли подошла к Нэнси. Она объяснила, что Поллианна так еще и не пришла в себя, но сейчас вроде бы ей получше, насколько это вообще возможно в таком состоянии. На ночь, добавила мисс Полли, она вызвала к племяннице профессиональную сиделку. Больше ей нечего было сказать, и она вернулась к Поллианне, а Нэнси, всхлипывая, побрела в кухню.

На следующее утро Поллианна пришла в сознание. Открыв глаза, она с удивлением увидела тетю возле своей кровати.

— Тетя Полли! Что случилось, тетя Полли! Уже совсем светло, а я все еще в постели. Почему же я не встаю? — удивилась она. — Ой, тетя Полли! Я не могу встать! — Она со стоном откинулась на подушку, и теперь в ее глазах светилась тревога.

— Знаешь, милая, я пока не стала бы пытаться вставать, — как можно спокойнее принялась уговаривать тетя.

— Но почему, тетя Полли? Почему я не могу встать? — продолжала допытываться девочка.

Мисс Полли обратила исполненный мольбы взгляд к женщине в белой косынке. Женщина стояла у окна, и Поллианна пока не видела ее.

— Скажите ей, — одними губами проговорила сиделка.

Мисс Полли начала кашлять, пытаясь избавиться от спазма в горле, который мешал ей говорить.

— Тебя, милая, вчера вечером сбила машина, — глухо начала она. — Но теперь это уже неважно. Твоя тетя хочет, чтобы ты снова сейчас заснула, — называя почему-то себя в третьем лице, завершила мисс Полли.

— Сбила машина? Ну да... Я бежала... — ошеломленно проговорила Поллианна. Она прикоснулась ко лбу: — Но почему у меня тут забинтовано и болит?

— Сейчас это уже неважно, милая, — повторила мисс Полли. — Главное, тебе надо отдохнуть, отдохнуть.

— Но, тетя Полли, мне так плохо. И мои ноги... Странно, они совсем ничего не чувствуют.

Взглянув с мольбой на сиделку, мисс Полли поднялась со стула и отвернулась.

Сиделка быстро подошла к постели.

— Думаю, теперь настало время мне побеседовать с тобой, — жизнерадостно начала она. — Во-первых, давай-ка познакомимся. Меня зовут мисс Хант. Я буду помогать твоей тете ухаживать за тобой. И начнем мы вот с этих белых таблеточек. Давай-ка примем их.

Поллианна с ужасом посмотрела на нее.

— Но я не хочу, чтобы за мной ухаживали. То есть, я не хочу долго болеть. Вы же знаете, мне надо в школу. Смогу я завтра пойти туда?

От окна, к которому прильнула мисс Полли, донесся сдавленный стон.

— Завтра? — заглушая его, весело отозвалась сиделка. — Ну, нет, завтра я, пожалуй, тебя еще не выпущу. Давай-ка проглотим эти таблеточки и поглядим, как они на тебя подействуют.

— Ладно, — с некоторым сомнением согласилась Поллианна. — Но уж послезавтра мне обязательно надо в школу. Ведь у меня начинаются экзамены, мисс Хант.

Минуту спустя она принялась рассказывать мисс Хант о школе, о том, какие экзамены ей предстоит сдавать, потом пожаловалась на головную боль и на автомобиль, который причинил ей столько неприятностей... Потом начали действовать белые таблетки, и Поллианна уснула.

Поллианна не пошла в школу ни на другой день, ни на третий. Она вообще почти не приходила в себя. А в те редкие минуты, когда приходила, начинала с тревогой расспрашивать о своем состоянии. Так продолжалось целую неделю. Потом боли несколько унялись, температура спала, и девочка пришла в себя. И тогда тете Полли пришлось вновь рассказать ей о беде, которая с ней приключилась.

— Ну, значит, я не заболела, а просто попала в аварию! — с облегчением воскликнула Поллианна. — Я очень рада, что это так.

— Ты рада, Поллианна? — спросила тетя, сидевшая рядом с кроватью.

— Ну, да, конечно, лучше просто сломать ногу, как мистер Пендлтон, чем перестать ходить на всю жизнь, как миссис Сноу, — весело проговорила девочка. — Потому что у мистера Пендлтона нога срастется, а миссис Сноу будет всю жизнь лежать в постели. Если уж стал инвалидом, тут ничего не поможет.

Услышав версию о «сломанных ногах», тетя Полли вскочила со стула и подошла к туалетному столику, который стоял в другом конце комнаты. То, что она принялась делать дальше, было просто невероятно для столь педантичной и целеустремленной особы, ибо она безо всякой надобности принялась переставлять все предметы, которые там стояли. Но стоило лишь взглянуть на ее бледное, осунувшееся лицо, как все становилось ясно: она просто изо всех сил старается сдержать слезы.

А Поллианна в это время любовалась радужной полоской, которую отбрасывал на потолок один из хрусталиков мистера Пендлтона.

— Я рада, что у меня не оспа, — удовлетворенно пробормотала она. — После нее на лице остаются следы, куда хуже, чем мои веснушки. И я рада, что у меня не коклюш. Он у меня уже был, и это очень противно. И не корь, и не ангина, ведь это заразно, и тогда вам не разрешали бы сидеть со мной.

— Похоже, милая, ты многому рада, — проговорила глухим голосом мисс Полли и схватилась за горло, словно ее душил ворот блузки.

— Ну, да, — тихо засмеялась Поллианна. — Я, знаете, сейчас смотрела на радугу и о многом думала. Я обожаю радуги. Я так рада, что мистер Пендлтон подарил мне эти хрусталики. И еще я рада, что не сказала об одной вещи, но больше всего я рада, что попала в аварию!

— Поллианна! — изумленно воскликнула мисс Полли.

— Да, да, тетя, я действительно рада. Понимаете, с тех пор, как это случилось, вы все время называете меня «милой». Раньше ведь вы никогда меня так не называли. А мне хочется, чтобы родные меня называли «милая». Некоторые из Женской помощи меня тоже так называли, но это ведь совсем не то, потому что они ведь мне не родные, а вы... О, я так рада, что вы моя родная тетя!

На этот раз мисс Полли не смогла ничего ответить. Она снова поднесла руку к горлу, в глазах ее стояли слезы. Она резко отвернулась и поспешила к двери, в которую как раз входила сиделка.

Тем же вечером Нэнси, запыхавшись, вбежала в каретный сарай, где старый Том чистил упряжь.

— Мистер Том! Мистер Том! — вытаращив на него совершенно безумные глаза, кричала она. — Знаете, что случилось? Вы нипочем не догадаетесь, хоть тысячу лет гадайте. Вот так я вам и скажу, мистер Том: гадайте хоть тысячу лет!

— Ну, тогда я и пытаться не стану, мне ведь все равно больше десяти лет не протянуть, — с мрачной иронией возразил старик. — Ты уж мне лучше сразу выкладывай, что там стряслось?

— Ну, слушайте сюда! Как вы думаете, кто сейчас сидит в гостиной у нашей хозяйки? Ну, кто, я вас спрашиваю?

— Трудно сказать, — покачав головой, ответил старый Том.

— Уж куда труднее. Но я вам скажу: там сидит Джон Пендлтон!

— Да ты, девушка, смеешься надо мной, что ли?

— А вот и не смеюсь! Я сама его впустила с этими костылями! И лошади, на которых он пожаловал, до сих пор ждут его у дверей, и коляска тоже. Все так, будто обыкновенный гость пожаловал, а не старый злока, который ни с кем разговаривать не желает. Вообразите себе, мистер Том, он приехал к ней с визитом!

— Ну, а отчего бы и нет? — несколько резко спросил старик, ибо болтовня Нэнси начала утомлять его.

Нэнси наградила его высокомерным взглядом:

— Уж вам-то, вроде, лучше моего известно, почему! — выпалила она.

— Что, что?

— Да будет прикидываться, мистер Том! — ехидно воскликнула Нэнси. — Будто не вы первый мне наговорили об этом!

— О чем?

Нэнси опасливо выглянула из полуотворенной двери сарая. Убедившись, что в доме все тихо, она подошла к старому Тому поближе и почти шепотом проговорила:

— Да ведь вы первый заявили мне, что у мисс Полли был возлюбленный предмет, так? Ну, и потом я думала, думала и решила, что нашла то, что искала. Потом я сложила два и два, но получилось у меня не четыре, а пять...

Старый Том отмахнулся от нее и принялся за работу.

— Вот что я тебе скажу, — пробурчал он. — Если хочешь толковать со мной, рассказывай безо всяких там загадок. Страсть как не люблю, когда меня принимают за поддевать всякими там цифрами. Буду я еще копать в твоих подсчетах!

— Ладно, не сердитесь уж, мистер Том, — засмеялась Нэнси. — В общем, я тут услышала кое-что, а потом вспомнила, про что вы мне тогда толковали. Ну, я и решила, что мисс Полли и мистер Пендлтон любили друг друга.

— Мистер Пендлтон? — у старого Тома даже сутулая спина на мгновение выпрямилась, до того он удивился.

— Ну, теперь-то я уже знаю, что это не так. Ведь мистер Пендлтон любил мать нашей благословенной девочки. Потому-то он и хотел... — Тут Нэнси вспомнила, что обещала Поллианне не говорить никому о предложении Пендлтону. — Ну, это неважно, — продолжала она. — В общем потом я поспросила людей, и все как один мне заявили, что мисс Полли просто не переваривает этого мистера Пендлтону. Это случилось, когда ей было восемнадцать или двадцать лет. Кто-то пустил сплетню, что они — влюбленная парочка, и она поссорилась с ним.

— Да, да, я помню, — кивнул головой старик. — Это случилось года через три или четыре после того, как мисс Дженни отказала ему и уехала с тем парнем. Мисс Полли очень жалела мистера Пендлтону. Она старалась быть с ним поласковой. Видать, она немного перестаралась. Наверное, из-за того, что уж очень ненавидела того пастора, который увез сестру. Ну, а потом кто-то пустил эту самую сплетню, что она хочет окрутить его...

— Она? Окрутить? — перебила Нэнси.

— Да, я тоже не мог поверить. Но слухи пошли по всему городу. Какая порядочная девушка стерпит такое? А у нее еще как раз в это время начались нелады с собственным возлюбленным. Вот с тех пор она и замкнулась, словно улитка в раковине, и сердце ее зачерствело.

— Знаю, мне многие так рассказывали. Вот потому-то мистер Том, я чуть не брякнулась на пол, когда увидела его у наших дверей. Ну, вот, и впустила его, а потом пошла к ней и сказала.

— И что она ответила? — старый Том даже дышать перестал от волнения.

— Сначала она просто сидела и не двигалась, и я подумала, что она не расслышала, о чем я ей толкую. Я уж хотела повторить, и тут она мне тихо так говорит: «Пойди и передай мистеру Пендлтону, что я сейчас спущусь к нему». Ну, я пошла и передала ему, а потом побежала сюда во весь дух, чтобы вам рассказать, — еще раз осторожно выглянув во двор, завершила свой рассказ Нэнси.

Старый Том только хмыкнул в ответ и принялся за работу.

Мистеру Пендлтону не долго пришлось сидеть в одиночестве. Вскоре он услышал шаги, и на пороге гостиной показалась мисс Полли. Он быстро оперся на костыль, чтобы встать, но она жестом остановила его. Однако руки она ему все же не подала, а лицо ее сохраняло холодное выражение.

— Я пришел узнать о Поллианне, — несколько резко проговорил он.

— Благодарю вас. Она все так же, — ответила мисс Полли.

— Но скажите же, что с ней? — спросил он, и голос его дрогнул.

Взгляд мисс Полли разом утратил холодность.

— Я не могу, — едва слышно проговорила она. — Ах, если бы я только могла...

— Вы хотите сказать, что не знаете?

— Да.

— А доктор?

— Доктор Уоррен толком ничего не может понять. Он обратился к специалисту из Нью-Йорка. Они договорились о консультации на самое ближайшее время.

— Но вы хоть знаете, что у нее повреждено?

— У нее ссадина на голове, несколько синяков и... и травма позвоночника. Видимо, она и вызвала паралич ног.

Джон Пендлтон глухо вскрикнул. Какое-то время ни он, ни мисс Полли не могли вымолвить ни слова. Потом мистер Пендлтон, запинаясь, спросил:

— А Поллианна?.. Она знает об этом?

— Нет, она пока не поняла. И я... я не могу ей сказать.

Мисс Полли поднесла руку к горлу, — кто знает, сколько раз за эти дни она вынуждена была вновь и вновь прибегать к этому жесту!

— Она знает, что не может ходить. Но она думает, что у нее просто сломаны ноги. И она рада, что у нее сломаны ноги, как у вас. Она говорит, что ноги срастаются, а уж если заболел и стал инвалидом, как миссис Сноу, тогда уж это на всю жизнь. Она все повторяет и повторяет это, и... Мне кажется, я просто умру от горя!

Слезы застили мистеру Пендлтону глаза, но все же он видел изможденное от горя лицо мисс Харрингтон. И, глядя на нее, он невольно вспомнил, что говорила ему Поллианна, когда он в последний раз уговаривал ее переехать к нему:

«Ой, мистер Пендлтон! Я не могу оставить теперь тетю Полли!» Джон Пендлтон собрался с силами и, едва справляясь с голосом, спросил:

— Знаете, мисс Харрингтон, сколько я уговаривал Поллианну переехать ко мне?

— Поллианну? К вам? — возмутилась мисс Полли.

Гостя просто передернуло от ее тона. Но он сдержался и, как мог спокойно, продолжал:

— Да, я хотел удочерить ее. Официально удочерить. И, конечно, она унаследовала бы все мое состояние.

И тут мисс Полли вдруг подумала, стоит Поллианне согласиться, и она обеспечит себе блестящее будущее. Единственная мысль, которая теперь занимала мисс Полли, поняла ли это Поллианна и не соблазнилась ли заманчивым предложением мистера Пендлтона?

— Знаете, я очень привязался к Поллианне, — продолжал мистер Пендлтон. — Мне нравится она и сама по себе и потом... в память о ее матери... Я готов отдать этой девочке всю любовь, которая скопилась во мне за двадцать пять лет одиночества.

Любовь! Услышав это слово, мисс Полли вдруг вспомнила, чем руководствовалась сама, беря девочку в дом. И только она об этом подумала, как словно наяву услышала слова, которые произнесла Поллианна сегодня утром: «Мне хочется, чтобы родные меня называли „милая!“» И вот изголодавшейся по любви девочке вдруг предлагают любовь, скопившуюся за двадцать пять лет одиночества! Неужели она нашла в себе силы отказаться от такого? И только мисс Полли подумала об этом, как у нее все опустилось внутри, ибо именно сейчас она отчетливо поняла, что без этой девочки жизнь для нее утратит всякий смысл.

— И что же? — спросила она у мистера Пендлтона.

Вопрос прозвучал очень резко, но сквозь холодность тона мистер Пендлтон без труда уловил истинные ее чувства.

— Она отказалась, — грустно улыбнувшись, ответил он.

— Но почему?

— Она не хотела вас оставлять. Она сказала, что вы были так добры к ней, и она не может. Она сказала, что останется с вами. И еще она сказала, что вы тоже хотите, чтобы она жила у вас.

Мистер Пендлтон с трудом поднялся на ноги. Стараясь не встречаться взглядом с мисс Полли, он решительно направился к двери. Он уже собирался выйти из гостиной, когда вдруг услышал торопливые шаги за спиной. В следующее мгновение мисс Полли поравнялась с ним и протянула ему трясущуюся руку.

— Когда придет специалист из Нью-Йорка и с Поллианной что-нибудь прояснится, я обязательно сообщу вам, — дрожащим голосом сказала она. — Спасибо, что зашли, мистер Пендлтон. Я обязательно передам Поллианне. Она очень обрадуется, когда узнает. Ну, до свидания, — и она крепко пожала ему руку.

На другой день после того, как Джон Пендлтон посетил Харрингтонское поместье, мисс Полли решила, что обязана подготовить девочку к визиту специалиста:

— Поллианна, милая, — ласково начала она, — мы с доктором Уорреном решили, что к тебе нужно пригласить еще одного врача. Он может сказать что-то такое, что ускорит твое выздоровление. Ты понимаешь?

Лицо Поллианны засветилось от радости.

— Понимаю, тетя Полли! О, я так рада, тетя Полли, что ко мне придет доктор Чилтон! Я давно уже хотела, чтобы он пришел. Я просто боялась, что вы не захотите его звать, потому что он увидел вас в тот день на террасе. А теперь вы захотели, и я так рада, тетя Полли!

Лицо мисс Полли сперва побелело, потом покраснело и, наконец, вновь побелело. Однако когда она начала говорить, голос ее звучал по-прежнему весело и спокойно.

— Нет, нет, милая. Я имела в виду вовсе не доктора Чилтона. К тебе приедет очень известный специалист из Нью-Йорка. Он как раз занимается такими травмами, как у тебя.

— Я не думаю, что он знает и вполовину столько, сколько доктор Чилтон! — уверенно воскликнула Поллианна.

— Да нет же, милая, он очень хороший специалист, — настаивала на своем мисс Полли.

— Но ведь мистера Пендлтона доктор Чилтон лечил, — не сдавалась Поллианна. — А у него ведь тоже нога сломана, и он уже выздоравливает. Если можно, тетя Полли, пусть ко мне лучше придет доктор Чилтон!

Тетя Полли опять покраснела. Некоторое время она растерянно молчала, когда же заговорила вновь, голос ее хоть и звучал по-прежнему ласково, однако теперь в нем слышались привычная решительность и твердость.

— Нет, Поллианна, я не могу согласиться с тобой. Я готова сделать для тебя все, что угодно, но только не это. Уверю тебя, у меня есть причины, по которым я не могу пригласить к тебе доктора Чилтона. И можешь уж мне поверить: он не знает о твоей болезни столько, сколько этот известный доктор из Нью-Йорка.

Однако несмотря на всю внушительность тетиного тона, веру Поллианны в доктора Чилтона поколебать не удалось.

— Ох, тетя Полли, — горестно отозвалась она, — если бы вы только любили доктора Чилтона...

— Что ты такое говоришь, Поллианна! На этот раз голос мисс Полли прозвучал очень резко, а щеки ее просто горели.

— Я говорю, что если бы вы любили доктора Чилтона, — спокойно продолжала Поллианна, — и не приглашали того, другого доктора, мне кажется, доктор Чилтон мог бы сделать на одно доброе дело больше. Я очень люблю доктора Чилтона!

Тут в комнату вошла сиделка, и ее приход показался мисс Полли спасением, ниспосланным свыше.

— Мне очень жаль, Поллианна, — еще раз твердо повторила она, поднимаясь со стула, — но, видимо, этот вопрос придется решать мне. Тем более, что доктора из Нью-Йорка уже вызвали, завтра он будет тут.

Однако случилось так, что доктор из Нью-Йорка на следующий день не приехал. Вместо него пришла телеграмма, в ней сообщалось, что доктор внезапно заболел, и визит его откладывается на неопределенное время. Узнав об этом, Поллианна вновь принялась уговаривать тетю вызвать к ней доктора Чилтона. («Ну, пожалуйста, тетя Полли, теперь ведь вам это будет совсем не трудно!») Однако тетя Полли по-прежнему не соглашалась. Казалось, она действительно готова делать для Поллианны «все, что угодно, но только не это».

— Я просто поверить не могу. Сколько бы мне ни толковали, я все равно в жизни бы не поверила, — говорила Нэнси старому Тому. — Но ведь поди не поверь, когда собственными глазами видишь. Она целыми днями торчит в комнате у нашей бедняжки. Она теперь только и ждет, чтобы что-нибудь для нее сделать. Вот так я вам и скажу, мистер Том, сидит целыми днями и ждет. Взять, к примеру, наших Флафи и Бафи. Да она еще неделю назад нипочем бы не позволила им находиться в комнатах. А теперь, вы

только послушайте, мистер Том, она теперь разрешает им валяться на кровати у мисс Поллианны только потому, что нашей девочке это нравится. А стоит нашей девочке пожелать, как мисс Полли начинает двигать эти хрустали на окнах, чтобы, как говорит наше дитяtko, «радуги плясали». И мисс Полли уже три раза отправляла Тимоти в теплицу Кобба за свежими цветами. Я уж не говорю обо всех букетиках, которые она сама собирает для мисс Поллианны! А на днях я такое увидела, ну, вы прямо упали бы, мистер Том! Сидит наша мисс Полли возле кровати мисс Поллианны и спокойно терпит, как сиделка причесывает ее. А мисс Поллианна распоряжается, как надо причесывать тетю. И теперь мисс Полли каждый день сама делает такую же прическу. И все для того, чтобы порадовать нашу девочку. Старый Том усмехнулся.

— Сдается мне, мисс Полли не прогадала от новой прически. Эти кудряшки ей очень к лицу, — задумчиво проговорил он.

— Это уж точно, мистер Том! — горячо поддержала его Нэнси. — Она теперь просто на человека похожа. Она, оказывается, совсем даже и...

— А я тебе что тогда говорил, Нэнси! — с торжествующим видом перебил старый Том. — Помнишь, я говорил тебе, что она была когда-то красавицей?

— Ну, до красавицы ей, конечно, далеко, — пожала плечами Нэнси, — но, признаться, она куда привлекательней с этими кружевами, кудряшками и всяким прочим, что ее заставила носить мисс Поллианна.

— Ну, я же тебе говорил! — продолжал старик. — Говорил же я тебе, что она совсем не старая. Нэнси засмеялась.

— Да, признаться, мистер Том, сейчас она походит на старуху куда меньше, чем раньше. Ее просто и не узнать с той поры, как приехала мисс Поллианна. Скажите, мистер Том, а кто же был ее возлюбленный предмет? Я ведь так и не узнала. Вот так я вам и скажу, мистер Том — не узнала.

— Так и не узнала? — лукаво покосился на нее старый Том. — Ну, в таком случае, от меня ты уж точно не узнаешь.

— Ну, мистер Том, миленький, ну, расскажите, пожалуйста, — заканючила девушка. — У кого ж я узнаю, как не у вас?

— Ну, если больше не у кого, значит, не узнать тебе этого, — улыбаясь, ответил старый Том. И тихо добавил:

— Лучше скажи мне, как там наша крошка?

Теперь Нэнси посмотрела на него совсем не весело.

— Да все так же, мистер Том. Пока никто ничего так и не может понять. Она все время лежит. То спит, то болтает, то старается радоваться и когда луна светит, и когда солнце садится и еще всему такому прочему.

— Ну, да, я знаю, это ее игра, — ответил старый Том. — Да благословит Господь ее нежное сердце.

— Значит, она и вам о своей игре рассказала? — удивилась Нэнси.

— Давно уже. — Старик часто заморгал, и губы его скривились. — Это вот как случилось, — тихо продолжал он. — Как-то я ворчал и жаловался, что я такой сутулый и не могу распрямиться. А она знаешь, что мне присоветовала? Ну-ка, поди, догадайся, чему я могу радоваться?

— Не могу. Не знаю, чему уж вы можете тут радоваться, мистер Том! — честно призналась Нэнси.

— А вот крошка наша придумала. Она говорит, вы должны радоваться, мистер Том, что вам не надо слишком сильно наклоняться, чтобы полоть, потому что, говорит, вы и так наполовину согнутый.

Нэнси невесело усмехнулась:

— Прямо чудеса. Но я не удивляюсь, мистер Том, вот так я вам и скажу: не удивляюсь. Уж будьте уверены: наша крошка всегда придумает, чему порадоваться. Мы ведь с ней с самого начала играли в игру. Потому как тогда ей было не с кем больше в нее играть, хоть она и твердила, что, мол, хочет, чтобы тетя играла.

— Мисс Полли? Нэнси засмеялась.

— Гляжу, вы думаете про хозяйку почти, как я, — ехидно проговорила она.

У старого Тома лицо вдруг окаменело.

— Я всего лишь подумал, что такая игра немного удивила бы мисс Полли, — холодно отозвался он.

— Верно. Тогда она и впрямь удивилась бы, — ответила Нэнси. — Но сейчас я бы так не сказала. Не сказала бы, мистер Том, вот так я вам прямо и говорю. Я теперь что угодно готова от нее ждать. И даже если она примется играть в игру, совсем это меня не удивит, мистер Том.

— Но неужели девочка ей так и не рассказала ни разу? Мне кажется, она всему городу рассказала. С тех пор, как она попала в аварию, все только и говорят про ее игру, — ответил Том.

— Нет, мисс Полли она так и не рассказала, — продолжала Нэнси. — Мисс Поллианна мне объяснила так, что тетя Полли запретила ей говорить об отце. А так как игру эту изобрел как раз бедный покойный джентльмен, то она и рассказать о ней не может, если не припомнит и его заодно.

— Ну, теперь ясно, — понимающе закивал головой старый Том. — Все они так и не смогли простить ему, что он увез мисс Дженни. А мисс Полли особенно горевала: она ведь очень любила мисс Дженни. Ах, как все это ужасно... — и, вздохнув, он отвернулся от Нэнси.

— Да, ужасно. Вот так и я вам скажу, мистер

Том: ужасно. Вот так я вам и скажу.

Издав куда более тяжкий вздох, чем мистер Том, Нэнси круто развернулась и побрела на кухню.

Эти дни ни для кого из них не прошли даром. Сиделка изо всех сил пыталась выглядеть веселой и жизнерадостной. Однако глаза ее выдавали тревогу. Доктор с каждым днем выказывал все более явные признаки нервозности. Мисс Полли становилась все молчаливее и даже новая прическа, которая очень молодила ее, не могла скрыть, как она побледнела и похудела за последние дни.

И только Поллианна играла с Флафи и Бафи, любовалась цветами, лакомилась фруктами и желе, которые ей присылали друзья, и старалась успокоить авторов многочисленных записок, исполненных тревоги за ее здоровье. Однако выглядела она очень плохо, а, играя в свою любимую игру, незаметно из настоящего переносилась в будущее. Она говорила, что будет рада, когда снова пойдет в школу, или когда сможет увидеть миссис Сноу, или когда пойдет в гости к мистеру Пендлтону, или поедет кататься с мистером Чилтоном.

Нэнси слушала ее и с улыбкой кивала головой. А потом, оставшись одна, давала волю слезам.

Доктор Мид, специалист из Нью-Йорка приехал только через неделю. Высокий, сероглазый, широкоплечий, жизнерадостный, он сразу расположил к себе Поллианну, о чем она со свойственной ей непосредственностью не замедлила ему сообщить:

— Понимаете, — начала она, настраиваясь на длительную беседу, — вы очень похожи на моего доктора.

Доктор Мид с изумлением уставился на доктора Уоррена, который стоял поодаль и беседовал с сиделкой. Удивление приезжего легко было понять. Низкорослый, кареглазый, с темной бородкой клинышком, доктор Уоррен являл собой полную противоположность доктору миду.

— Да нет, — проследив за взглядом врача из Нью-Йорка, засмеялась Поллианна. — Мистер Уоррен — доктор тети Полли, а мой доктор мистер Чилтон!

— А-а, — протянул доктор Мид, глядя на тетю Полли, у которой вспыхнули щеки.

— Ну, да... — Поллианна на мгновение замялась, но потом решила признаться: — Понимаете, я вообще-то хотела, чтобы позвали мистера Чилтона, но тетя Полли не согласилась. Она хотела, чтобы обязательно приехали вы. Она мне сказала, что вы знаете куда больше мистера Чилтона о сломанных ногах, как у меня. Вы, правда, знаете? Тогда я рада, что вы приехали.

Доктор Мид как-то странно взглянул на нее.

— Тут только время поможет, девочка, — ласково проговорил он.

Затем он вновь обратил взор к доктору Уоррену, и тот подошел к постели.

Впоследствии все говорили, что виновата кошка. Может быть, в какой-то степени это и соответствовало действительности. Ведь именно Флафи, стремясь пробраться к любимой хозяйке, несколько раз поддела лапой дверь и та приоткрылась на добрый фут. Вот так и вышло, что до Поллианны отчетливо донеслось горестное восклицание мисс Полли:

— Только не это, доктор! Только не это! Неужели вы уверены, что девочка никогда больше не будет ходить?

Дальше началась полная сумятица. Из спальни послышался исполненный ужаса возглас Поллианны:

— Тетя Полли! Тетя Полли!

И тут мисс Полли заметила, что дверь приоткрыта. Сомнений не было: племянница услышала все. В следующее мгновение с мисс Харрингтон случилось то, чего не случилось ни разу в жизни: она лишилась чувств.

— Она знает! Знает! — в ужасе закричала сиделка и опрометью бросилась к девочке. Оба доктора остались подле мисс Полли. Доктор Мид попросту не мог уйти. Так — получилось, что она упала именно в его объятия, и теперь он волей-неволей приводил ее в сознание, чего, быть может, наша достойная леди сейчас меньше всего хотела. Доктор Уоррен не покидал гостиной по долгу семейного врача, хотя его врачебное вмешательство ограничивалось тем, что он беспомощно топтался рядом.

Сиделка поспешила к Поллианне. Рядом с постелью больной сидела Флафи. Она громко мурлыкала, пытаясь привлечь внимание хозяйки, но та, против обыкновения, даже не замечала ее.

— Мисс Хант! Мисс Хант! — закричала она, едва сиделка показалась в дверях. — Пожалуйста, ну, пожалуйста, позовите скорей тетю Полли! Глаза девочки округлились от ужаса, лицо было бледно.

Мисс Хант плотно притворила дверь и подошла к кровати. Она тоже сильно побледнела и выглядела немногим лучше девочки.

— Тетя... твоя тетя сейчас подойти не сможет, — запинаясь, ответила она. — Она придет к тебе, но попозже. А пока давай я тебе помогу.

— Вы не сможете, — покачала головой Поллианна. — Я ведь хотела у нее спросить, зачем она это сказала? Мне нужно, чтобы она мне сказала, что это неправда.

Сиделка хотела как-то ободрить девочку, но язык не повиновался ей. Но еще хуже было то, что она никак не могла справиться со своими чувствами, и, глядя на нее, Поллианна окончательно поняла, как скверно все обстоит.

— Значит, вы тоже слышали, мисс Хант? — потерянно прошептала она. — Неужели я никогда, никогда не буду ходить? Но этого же не может быть, не может! — и Поллианна закрыла лицо руками.

— Не надо, не надо, милая, — хрипло проговорила сиделка. — Может, он просто не знает или ошибся? Всякое бывает.

— Но тетя Полли ведь говорила, что он знает. Она сказала, что никто так не умеет лечить сломанные ноги!

— Да, да, милая, я тоже о нем это слышала. Но иногда даже самые лучшие врачи ошибаются. Ты просто не думай сейчас об этом.

— Но как же я могу об этом не думать? — всплеснула руками Поллианна. — Теперь это вообще единственное, о чем мне останется думать. — Она всхлипнула. — Ведь это значит, что я больше никогда не пойду в школу, не пойду в гости к мистеру Пендлтону, и навещать миссис Сноу не пойду. И вообще никуда не пойду.

Она отвернулась к стене и затряслась от плача. Так продолжалось с минуту. Потом, вдруг перестав плакать, она с еще большим ужасом поглядела на сиделку.

— Мисс Хант! — с отчаянием воскликнула она. — Но ведь я и радоваться теперь совсем перестану! Чему же радоваться, когда не можешь ходить.

Мисс Хант относилась к тому немногочисленному меньшинству, которое ничего не знало об игре. Зато, будучи профессиональной сиделкой, с прекрасно знала другое: нужно во что бы то ни стало успокоить больную. Вот почему, несмотря на растерянность, она потянулась к столику с лекарством и достала успокоительное.

— Ну, ну, милая, давай-ка примем с тобой вот это, — принялась ласково уговаривать она. — Потом мы с тобой отдохнем, а там и посмотрим что нам делать. Кто знает, может быть, все еще окажется совсем не так скверно. Всякое бывает, милая.

Поллианна послушно приняла лекарство, и запила водой из стакана, который вместе с порошком подала мисс Хант.

— Ну, да, теперь я вспомнила, — согласилась девочка. — Это, наверное, и имел в виду мой папа. Он часто говорил, что нет такой беды, которая хуже всех. Всегда можно найти что-нибудь посквернее. Правда, папе ни разу не говорили, что он никогда не сможет ходить. Просто не представляю, что он смог бы найти хуже этого?

Мисс Хант промолчала.

— Мисс Полли не забыла об обещании, которое дала мистеру Пендлтону. Но ей страшно было даже подумать о том, чтобы написать ему лично или, тем более, нанести визит. Вот почему сообщить хозяину Пендлтонского поместья о диагнозе доктора Мила мисс Полли поручила Нэнси.

Будь это раньше, такое поручение вызвало бы у Нэнси восторг. Еще бы: побывать в таинственном доме мистера Пендлтона и рассмотреть поближе хозяина! Но теперь ей было так тяжело, что она даже не огляделась вокруг, да и на мистера Пендлтона почти не смотрела.

— Я Нэнси, сэр, — почтительно потупившись, объявила она, когда Джон Пендлтон вышел в гостиную. — Мисс Харрингтон послала меня рассказать вам про мисс Поллианну.

— Прекрасно! — нарочито грубо произнес мистер Пендлтон, однако от Нэнси не укрылось, что он волнуется.

— Ох, нет, сэр, совсем не прекрасно! Напротив, все очень плохо. Вот так я вам и скажу, мистер Пендлтон, плохо, — всхлипывая, ответила Нэнси.

— Ты хочешь сказать... — начал мистер Пендлтон и, не договорив, умолк.

— Да, сэр, — горестно склонила голову Нэнси. — Он говорит, она больше никогда не будет ходить.

В гостиной наступила тишина, и они долго не решались ее нарушить. Наконец, мистер Пендлтон с отчаянием произнес:

— Бедная крошка! Бедная Поллианна! Нэнси взглянула на него и тут же опустила глаза. Она даже не представляла себе, что этот желчный человек, про которого говорили, что он зол на весь мир, может так искренне горевать.

— Как же это несправедливо, — немного помолчав, продолжал он, и голос его по-прежнему звучал неуверенно и глухо, — значит, никогда она больше не будет танцевать под лучами солнца! Бедная моя любительница радуг!

Он снова надолго замолчал.

— Надеюсь, хоть сама-то она пока не знает? — спросил он наконец.

— Знает, сэр! — горестно отозвалась Нэнси. — Все очень скверно вышло. Она все услышала. разрази гром эту кошку! Ой, извините меня, пожалуйста! — тут же спохватилась она. — Я просто хотела сказать, что кошка открыла дверь, я мисс Поллианна услышала их разговор.

— Бедная моя девочка, — вновь прошептал мистер Пендлтон.

— Ох, сэр, вы бы еще не то сказали, если бы только увидели ее. — Нэнси судорожно втянула воздух и продолжала: — Правда, сэр, я и сама ее видела только дважды с тех пор. Но и того было довольно, чтобы мое сердце надорвалось. Понимаете, для нее это совсем в новинку. И она все ломает голову, чего не сможет теперь делать. И чем больше она всего такого находит, тем ей становится тоскливее. И главное, сэр, она убивается, что теперь не сможет ничему радоваться. Ой, вы, может, и не знаете об ее игре!

— Нет, нет, я знаю, — поспешил заверить мистер Пендлтон.

— Ну, вообще-то она и впрямь почти всем рассказала, — продолжала Нэнси. — Но в том и беда, что теперь она сама в нее словно бы играть разучилась. Это очень ее беспокоит. Она говорит, что, сколько ни бьется, никак не может придумать, чему радоваться, когда она не сможет ходить.

— Ну, а почему она должна радоваться? — рявкнул Джон Пендлтон.

— Да мне тоже так поначалу казалось, сэр, — испуганно переминаясь с ноги на ногу, ответила Нэнси. — А потом мне стукнуло в голову, что сумеет она снова чему-то порадоваться, и ей мигом бы полегчало. Вот я и решила ей напомнить.

— Напомнить? О чем ты там могла ей напомнить? — кинув на Нэнси исполненный ярости взгляд, спросил Пендлтон.

— О том, как она других учила играть в свою игру. Ну, там, миссис Сноу и остальных, сами ведь знаете... Но наша крошка, мой ягненок, она только заплакала и сказала, что, когда с ней случилась эта беда, все стало как-то по-другому, чем раньше. Она, мол, теперь поняла, ^то одно дело учить других инвалидов на всю жизнь, как радоваться, и совсем

другое — когда сама становишься инвалидом. Сколько наша крошка ни твердила себе, как рада, что другим людям легче, чем ей самой, ей отчего-то легче так и не стало. И она по-прежнему не может думать ни о чем, кроме как о том, что никогда больше не встанет и не пойдет...

Нэнси замолчала. Молчал и мистер Пендлтон. Он сидел в кресле, закрыв руками лицо.

— Ну, тогда я ей напомнила, — глухо продолжала Нэнси, — как она раньше все твердила мне, что чем труднее приходится, тем интересней игра. Но она сказала, что и на это теперь глядит по-другому. Потому что теперь смекнула, что, когда и впрямь трудно, играть совсем не хочется. Ну, я должна идти, сэр, — неожиданно объявила она и поспешно побежала к двери.

У самого порога она обернулась и робко осведомилась:

— Видать, сэр, я не могу признаться мисс Поллианне, что вы снова виделись с Джимми Бином?

— Очень бы удивился, если бы ты смогла об этом сказать, когда я его не видел, — буркнул мистер Пендлтон. — А с какой стати тебя это интересует?

— Да ни с какой, сэр. Просто это очень мучает нашу мисс Поллианну. Она так убивается, что больше не сможет сама привести его к вам. Она говорит, что однажды приводила его. Но ей тогда показалось, что он проявил себя как бы не с лучшей стороны. Она опасается, что теперь вы посчитаете его неподходящим для «присутствия ребенка в доме». Это она так сказала, а я, право, сэр, не знаю, что за присутствие такое?

— Неважно. Я знаю, что она имела в виду.

— Ну, вот, сэр, словом, она хотела еще раз, привести его к вам, чтобы вы сами убедились, какое это «чудесное присутствие ребенка в доме». Но теперь она не может, чтоб этот автомобиль гром разразил, ой, простите, сэр! Ну, до свидания!

Быстро прикрыв за собой дверь гостиной, Нэнси миновала холл и выбежала на улицу.

Вскоре о болезни Поллианны знали уже почти все в Белдингсвилле. Никогда раньше город этот на проявлял такого дружного сочувствия. Многие успели познакомиться с Поллианной, а те, кто не знали ее лично, все равно были наслышаны о ней и, встречая ее на улице, словно заражались от нее радостью, ибо ее веснушчатое личико почти всегда озаряла улыбка. Многие знали и об ее удивительной игре. Словом, одна мысль о том, что никогда больше по улицам городка не пробежит эта чудесная девочка, заставляла всех роптать на судьбу.

Обсуждая горестное известие в кухнях, гостиных, на задних дворах, женщины, не таясь, плакали. На перекрестках, в кафе, магазинах ту же новость обсуждали мужчины. Многие из них тоже плакали, но только украдкой. Когда же вслед за известием об ужасном диагнозе доктора Мида разошелся рассказ Нэнси «как убивается бедная девочка, что больше ничему радоваться не сможет», люди стали проявлять еще больше сочувствия.

Как это часто бывает в подобных случаях, многим друзьям Поллианны одновременно пришла в голову одна и та же мысль. Вот так и получилось, что Харрингтонское поместье, к великому изумлению хозяйки, превратилось в некое место паломничества. Мисс Полли

стало казаться, будто она только и делает, что принимает визиты, причем многих из визитеров она почти не знала. Мужчины, женщины, дети. Мисс Полли даже и представить себе не могла, сколько у ее племянницы было знакомых. Одни из них заходили в гостиную и позволяли себе минут на десять присесть. Другие стояли у крыльца, теребя от смущения сумочки (если это были женщины) или шляпы (если это были мужчины). Некоторые передавали Поллианне книги, букеты цветов или какое-нибудь лакомство. Иные открыто плакали, другие, отвернувшись в сторону, принимались нарочито громко сморкаться. Но сколь бы по-разному ни вели себя многочисленные посетители, все они в подробностях спрашивали о девочке и просили передать ей несколько слов, которые неизменно озадачивали мисс Полли.

Первым явился Джон Пендлтон. На этот раз он уже был без костылей.

— Не вижу необходимости говорить вам, как я потрясен и расстроен, — с места в карьер начал он. — Но неужели ничего нельзя сделать?

— Мы стараемся делать все, что возможно, — устало отозвалась мисс Полли, — мистер Мид прописал лекарства, которые могут помочь. Доктор Уоррен с точностью выполняет все его предписания. Но, к сожалению, мистер Мид почти не оставил надежды.

Джон Пендлтон вдруг вскочил со стула и, поклонившись, направился к выходу. Это могло бы показаться странным, — ведь он всего минуту назад приехал. Однако, едва взглянув на его плотно сжатые губы и разом побледневшее лицо, мисс Полли все поняла.

Дойдя до двери, мистер Пендлтон резко повернулся.

— Я хочу... — срывающимся голосом начал он. — Мне нужно, чтобы вы передали от меня Поллианне. Скажите ей, пожалуйста, что я виделся с Джимми Бином. Теперь он будет моим мальчиком. Скажите ей, возможно, это ее обрадует, что Джимми теперь будет жить у меня. Возможно, я усыновлю его.

Тут знаменитое самообладание покинуло мисс Харрингтон, и она, не помня себя, воскликнула:

— Вы... усыновите Джимми Бина?

Джон Пендлтон чуть вздернул подбородок.

— Да, я сделаю это. Думаю, Поллианна меня поймет. Непременно расскажите ей. Надеюсь, она будет рада.

— Да, да, конечно, — пробормотала мисс Полли.

— Спасибо.

Джон Пендлтон поклонился и вышел, а совершенно потрясенная мисс Полли долго еще стояла посреди гостиной и не сводила глаз с двери. Она все еще ушам своим не верила. Джон Пендлтон усыновит Джимми Бина? Богатый, независимый и мрачный Джон Пендлтон, за которым установилась прочная репутация скряги и невероятного эгоиста, усыновит мальчика, и какого мальчика! Огромным усилием воли мисс Харрингтон заставила себя оторвать изумленный взор от двери гостиной и поднялась в комнату Поллианны.

— Мистер Джон Пендлтон только что был здесь, Поллианна, — насколько могла спокойно объявила она. — Он просил передать тебе, что Джимми Бин будет теперь жить у него. Он сказал, что ты будешь рада, когда узнаешь об этом.

Грустное лицо Поллианны вмиг озарилось.

— Рада? — неуверенно переспросила она. — О, да, тетя Полли, наверное, я рада. Я так хотела найти дом для Джимми, а у мистера Пендлтона просто чудесный дом. И за мистера Пендлтона я тоже рада. Вы понимаете, тетя Полли, ведь теперь у него будет «присутствие ребенка».

— Присутствие чего?

Поллианна покраснела. Она только сейчас вспомнила, что так и не рассказала тете, как мистер Пендлтон предлагал удочерить ее. Теперь ей еще меньше, чем раньше хотелось рассказывать. Она боялась, как бы тетя не подумала, что она и впрямь колебалась, не оставить ли ее ради мистера Пендлтона.

— Ну, «присутствие ребенка», — поспешно проговорила Поллианна. — Мистер Пендлтон сказал мне однажды, что настоящий Дом невозможен, если нет руки и сердца женщины и присутствия ребенка.

— Ну, да, я понимаю, — очень ласково ответила тетя Полли, и она действительно поняла гораздо больше, чем предполагала Поллианна. Теперь-то ей стало ясно, какой напор выдержала Поллианна, когда мистер Пендлтон вознамерился превратить «грудку серых камней» в «настоящий Дом».

— Да, да, я все понимаю, — повторила она, и на глаза ее навернулись слезы.

Опасаясь, как бы тетя не продолжила эту тему, Поллианна поспешила увести разговор от дома на Пендлтонском холме и его хозяина.

— Доктор Чилтон тоже говорит, что без руки и сердца женщины и присутствия ребенка не может быть Дома.

Мисс Полли вздрогнула.

— Доктор Чилтон? Откуда ты знаешь, что думает о настоящем Доме доктор Чилтон?

— Он сам мне сказал в тот раз, когда я была у него. А потом еще сказал, что живет не в Доме, а просто в комнатах.

Мисс Полли вдруг отвернулась и сосредоточенно уставилась в окно.

— И тогда я спросила у него, — продолжала девочка, — отчего же он не возьмет руку и сердце женщины и не устроит настоящий Дом?

— Поллианна! — резко повернулась к ней мисс Полли, и та заметила, как красиво у нее зарумянились щеки.

— И когда я спросила, лицо у него стало такое грустное.

— Что же он тебе ответил? — с натугой проговорила мисс Полли.

— Ну, он долго молчал, а потом ответил, что не так просто добиться руки и сердца, даже если очень стараешься.

У мисс Полли щеки разгорелись еще сильнее, и она принуждена была отвернуться к окну.

— Тогда-то я и убедилась: мистеру Чилтону нужны рука и сердце женщины. Жалко, что он не может добиться.

— Но ты-то откуда знаешь, Поллианна?

— А он на следующий день сказал еще кое-что. Он это очень тихо сказал, но я все равно услышала. Он сказал, что отдал бы все на свете, только бы получить руку и сердце одной женщины. Тетя Полли, что случилось, тетя Полли! — закричала девочка, ибо тетя Полли поднялась на ноги и чуть ли не бегом побежала к окну.

— Все в порядке, милая. Я просто решила поменять положение этого хрусталика, — ответила тетя Полли, у которой теперь горели не только щеки, а все лицо.

Вслед за мистером Пендлтоном визит нанесла Милли Сноу, Раньше она ни разу не переступала порога этого дома, и, оказавшись один на один со строгой хозяйкой, просто не знала, куда девать себя от робости.

— Я... Я пришла спросить про ту самую маленькую девочку, — запинаясь, прошептала она.

— Спасибо, моя дорогая. Она все так же. А как себя чувствует твоя мама? — устало проговорила в ответ мисс Полли.

— Именно об этом я и хотела вас попросить. То есть, не об этом. Я хочу, чтобы вы передали мисс Поллианне. Ужасно, просто ужасно! Мы с мамой просто представить себе не можем, что крошка не будет ходить. А сколько доброго она сделала мне и маме! Обучала играть в игру и все такое.

Выпалив это на едином дыхании, Милли умолкла и выжидающе уставилась на мисс Полли. Та долго молчала, честно пытаясь извлечь хоть какой-то смысл из потока бессвязных фраз. Однако старания ее ни к чему не привели, и она решила, что бедная Милли за то время, что они не виделись, попросту повредилась в уме.

— Очень хорошо, милочка, — снисходительно, словно обращаясь к неразумному ребенку, проговорила она. — Вот только я не совсем поняла, что же ты хочешь передать Поллианне?

— Да, да, я очень хочу передать, — словно в бреду, отозвалась девушка. — Надо, чтобы она знала, как много сделала для нас. Конечно, она кое-что видела. Ведь она бывала и видела, что мама изменилась. Но мне важно, чтобы она знала, как. И я тоже. Ведь я тоже теперь играю в игру. Вернее, пытаюсь немного.

Мисс Полли охватило еще большее недоумение. Она совершенно не понимала, что подразумевает Милли под словом «игра». Но только она хотела спросить об этом, как девушка снова зататорила:

— Вы знаете, раньше маме все было не так. Ей всегда всего хотелось другого. Вообще-то не скажу, чтобы я слишком ее осуждала в ее-то положении. А теперь она мне и занавески разрешает открывать, и своим видом интересуется, и ночной рубашкой и вообще всем на свете. И еще она даже начала вязать разные маленькие вещи. Ну, вроде шапочек и одеял для младенцев. Она отдает их на ярмарки и в больницы. И она так увлеклась и так рада, что может это делать. И все благодаря мисс Поллианне, потому что мисс Поллианна сказала, что она должна радоваться, что работают руки. И мама тут же задумалась, почему ж ничего не делает руками? Вот и начала вязать. Вы себе даже не представляете, какая у нее стала комната с этой красной, голубой и желтой шерстью и с призмами на окнах от мисс Поллианны. Теперь даже войти приятно, а раньше мне совсем не хотелось. Там было темно, мрачно, и мама лежала такая несчастная! Поэтому мы и хотим, чтобы вы, пожалуйста, передали мисс Поллианне, это все из-за нее. И еще передайте ей, будьте так добры, что мы так рады, что ее узнали! И мы решили, что она, если узнает, может, будет рада, что знает нас. И это все! Вы передадите ей? — завершила Милли, вскакивая со стула.

— Ну, конечно, я передам, милочка, — заверила мисс Полли, лихорадочно пытаюсь сообразить, удалось ли ей усвоить хоть малую часть этого впечатляющего монолога.

Визиты мистера Пендлтона и Милли Сноу были лишь началом, за ними последовали другие, и вскоре у мисс Полли просто голова стала раскалываться от количества устных посланий, которые она должна была запомнить, чтобы затем изложить племяннице. Но главное, что в большинстве этих посланий содержались очень странные выражения, смысл которых мисс Харрингтон понять была просто не в состоянии.

Однажды пришла вдова Бентон. Раньше они не обменивались визитами с хозяйкой Харрингтонского поместья, однако мисс Полли хорошо знала эту женщину маленького роста. Она неизменно одевалась только в черное и снискала прочную репутацию самого грустного существа во всем Белдингсвилле. Однако сегодня миссис Бентон повязала на шею голубую ленточку, и это было просто удивительно.

Миссис Бентон высказала мисс Полли сочувствие, а затем робко осведомилась, не может ли повидать Поллианну.

— Мне очень жаль вас огорчить, миссис Бентон, — покачала головой мисс Полли, — но пока я никого не пускаю к племяннице.

Миссис Бентон извинилась и пошла к выходу. Однако, не дойдя до двери, вернулась назад.

— Я вот что хочу попросить вас, мисс Харрингтон, — запинаясь, проговорила она. — Передайте, пожалуйста, несколько слов от меня мисс Поллианне.

— С удовольствием, миссис Бентон. Слова мисс Полли несколько ободрили гостью, но все равно она еще какое-то время стояла в нерешительности.

— Передайте ей, пожалуйста, — объявила она наконец, — передайте, что я теперь ношу вот это. И она дотронулась пальцем до своего голубого бантика. — Ваша племянница так долго уговаривала меня надеть хоть что-то цветное, — объяснила миссис Бентон, — и я подумала, что она будет рада, когда узнает. Она-то, бедняжка, мне говорила, что Фредди будет рад увидеть на мне хоть что-то нарядное. Вы же знаете, мисс Харрингтон, Фредди — единственное мое сокровище...

У миссис Бентон на глаза навернулись слезы, и, махнув рукой, она снова направилась к двери.

— Передайте, пожалуйста, Поллианне, она все поймет, — добавила миссис Бентон, выходя из комнаты.

В тот же день мисс Полли посетила еще одна вдова в черном платье. Эту женщину мисс Полли вообще никогда прежде не видела, и ей осталось лишь удивляться, где могла познакомиться с ней Поллианна.

— Я — миссис Тарбелл, — представилась почтенная вдова, — нет, нет, мы с вами незнакомы, — поймав недоуменный взгляд мисс Полли, уточнила она. — Но я знаю вашу племянницу. Все прошлое лето я прожила в отеле, и каждый день ходила на прогулки. Врачи, знаете ли, велели мне гулять для здоровья. Вот на этих прогулках я и встречалась с мисс Поллианной. Ах, какая она милая девочка! Я хочу, чтобы вы сразу поняли: ваша племянница очень много для меня значит. Когда я сюда приехала, мне было совсем тоскливо. А потом я встретила Поллианну, и ее жизнерадостная мордашка напомнила мне о моей собственной девочке, ее, бедняжки, уже много лет нет в живых. Я просто места себе не находила, когда узнала об этой аварии! А теперь еще этот ужасный диагноз. Бедная девочка! Неужели она и правда никогда больше не сможет ходить? Теперь вы понимаете, мисс Харрингтон, я просто не могла не прийти к вам!

— Спасибо вам за сочувствие, — пробормотала мисс Полли.

— Вы передайте ей, пожалуйста, что миссис

Тарбелл теперь рада. Ой, я понимаю, наверное, это звучит очень странно. Но, если позволите, я не буду ничего объяснять. — Теперь женщина уже не улыбалась, мисс Полли заметила, какие грустные у нее глаза. — Ваша племянница поймет, что я имела в виду. Я непременно, непременно должна ей об этом сказать. Заранее вас благодарю и прошу прощения, если была не очень вежлива, — добавила она и удалилась.

Мисс Полли поспешила в комнату Поллианны.

— Ты знаешь такую миссис Тарбелл? — осведомилась она у племянницы.

— Ну, конечно, тетя Полли. Я просто обожаю миссис Тарбелл. Только она очень грустная.

Она больна и ходит на прогулки. Мы с ней вместе ходим. То есть, я хочу сказать... мы ходили. — Тут голос у Поллианны дрогнул, и по щекам скатились две большие слезы.

Мисс Полли спешно принялась кашлять.

— Знаешь, моя милая, миссис Тарбелл только что заходила к нам. Она просила тебе передать... правда, я не могу понять, что это значит, она не стала мне объяснять, но она просила тебе передать, что теперь она рада.

Поллианна хлопнула в ладоши.

— Так она и сказала? Ой, я так рада, тетя Полли!

— Но что она имела в виду, Поллианна?

— Да это ведь об игре и... — Поллианна вдруг умолкла.

— Какая игра? — переспросила тетя Полли.

— Да ничего интересного, тетя. То есть, я просто не могу рассказать вам. Ведь тогда мне придется рассказывать о другом тоже, а вы мне запретили.

Мисс Полли очень хотелось выведать тайну. Однако заметив, что девочка разволновалась, она обуздала любопытство и позволила ей перевести разговор на другую тему.

Вслед за миссис Тарбелл в гостиную пожаловала такая особа, что у мисс Полли дух захватило от возмущения. Возмутительным ей представлялось уже то, что эта женщина решилась переступить порог ее дома. Вульгарно одетая, с неестественно ярко наруганными щеками, увешанная дешевыми украшениями, она была достаточно известна мисс Полли. Вот почему достойная хозяйка не только не подала ей руки, но даже невольно шарахнулась в сторону.

Завидев мисс Полли, женщина тут же поднялась со стула. Тут мисс Полли заметила, что глаза у нее опухли, словно она недавно плакала. От смущения голос посетительницы прозвучал довольно резко, отчего просьба «увидеть, хоть ненадолго, мисс Поллианну» прозвучала почти как приказ.

— Нет, — сухо произнесла мисс Полли. Однако, взглянув посетительнице в глаза, мисс Полли уловила столько мольбы, что поневоле смягчилась и очень вежливо объяснила, что к девочке пока вообще никого не пускают.

Немного поколебавшись, женщина вызывающе посмотрела на нее и снова заговорила:

— Меня зовут миссис Пейсон. Миссис Том Пейсон. Полагаю, вы слышали обо мне. Большинство хороших семей в городе слышали. Я знаю, меня осуждают, да только многое из этого неправда. Ну, да ладно. Я чего пришла-то? Мне охота узнать о девочке. Как я услышала об аварии, у меня прямо руки опустились. А на прошлой недели я разузнала, что у вас был какой-то доктор и сказал, что девочка больше не будет. ходить. Вот ужас-то! Да будь моя воля, я бы тут же отдала ей свои ноги. Ей они нужнее, чем мне. Ведь она за какой-нибудь час сделает на них больше добра, чем я за всю свою жизнь. Но, боюсь, это никого не волнует. Я давно заметила: ноги не всегда даются тем, кому они больше всего нужны. — Она замолчала и старательно прокашлялась. Однако это, по-видимому, не помогло. Когда она заговорила, голос ее звучал не менее хрипло, чем прежде. — Может, вы, конечно, не знаете, но я много общалась с вашей девочкой. Мы живем на Пендлтон Хилл Роуд, и она часто захаживала к нам и играла с детьми или беседовала с мужем, когда он бывал дома. Сдается мне, ей нравилось у нас и было с нами интересно. Верно, она просто не знала, что мы не вашего круга. Правда, может, если бы люди вашего круга почаще к нам навевались, таких, как мы, не было бы так много, как сейчас, мисс Харрингтон. Ну, да, ладно. В общем, девочка ваша приходила/ и, как видите, ничего плохого мы ей не сделали, зато она нам сделала много хорошего. Она сама даже не ведает, и очень хорошо. Ведь если б она до конца понимала, ей бы и многое другое тоже пришлось бы понять, а мне этого совсем не хотелось бы. Знаете, для нас этот год очень тяжелым выдался. Мы с мужем во всем разочаровались, и нам стало так тяжело, что мы готовы были навсегда расстаться. Мы как раз собирались хлопотать о разводе, а детей... Впрочем, что тогда делать с детьми, мы как раз не очень-то представляли. Но тут как раз случилось это несчастье с вашей девочкой. Мы вспомнили, как она, бедняжка, сидела у нас на пороге. Она болтала, смеялась и была, как сама говорила, «просто рада». Она

всегда чему-нибудь радовалась. Потом она рассказала нам о своей игре и стала уговаривать нас тоже играть. Ну, а теперь мы с мужем узнали, как она мучается оттого, что сама вроде разучилась играть. Мы слышали, она говорит, что ей нечему больше радоваться. Вот я и пришла рассказать. Я, знаете ли, подумала: вдруг она сможет немного порадоваться за нас. Ведь мы с мужем решили не расставаться. Дай, думаем, попробуем, поиграем в ее игру. Я помню, многое из того, что она у нас слышала, ей было не по душе. Не знаю, конечно, поможет ли нам ее игра, но мы постараемся, чтобы помогла. Ведь мисс Поллианна так этого хотела. Вы передадите ей? Очень прошу вас, мисс Харрингтон!

— Я обязательно передам ей, — тихо и очень серьезно заверила мисс Полли. — Потом она вдруг, приблизившись к незваной гостье, протянула ей руку.

— Спасибо, что зашли, миссис Пейсон, — сказала она.

Вызывающе вздернутый подбородок миссис Пейсон вмиг опустился. Она пробормотала что-то невразумительное, и, так и не решившись встретиться взглядом с мисс Полли, опрометью выбежала на улицу.

Едва за ней затворилась дверь, мисс Полли отправилась на кухню и учинила Нэнси форменный допрос.

— Нэнси, — очень решительно проговорила она, — не будешь ли так любезна объяснить мне, что это за глупая игра, о которой твердит весь город? И какое отношение имеет к этой игре Поллианна? Мне очень хотелось бы быть в курсе дела, Нэнси.

Все эти визиты довели мисс Полли до полубоморочного состояния, и раздражение ее должно было на кого-нибудь вылиться. Нэнси удивленно уставилась на хозяйку. Впервые со времени болезни племянницы она говорила с ней в таком резком тоне.

— Да, да, Нэнси, мне очень хотелось бы знать, — продолжала мисс Полли, — почему все, от Милли Сноу до миссис Том Пейсон, просят передать моей племяннице, что играют в игру, и играют благодаря ей? Если я все правильно поняла, теперь чуть ли не все в нашем городе повязывают голубые ленточки, или мирятся с домашними, или начинают любить то, чего прежде не любили. И все это тоже из-за того, что Поллианна обучила их какой-то игре. Я пыталась выяснить у нее самой, но она не говорит мне, а я не хочу настаивать, потому что ее нельзя сейчас волновать. Вот я и прошу тебя, Нэнси, объяснить мне, наконец, что все это значит?

К великому удивлению и расстройству мисс Полли, Нэнси вдруг горько заплакала.

— Это значит, — сквозь слезы проговорила она, — что с прошлого июня наша благословенная крошка из кожи вон лезла, чтобы заставить весь город радоваться. А теперь весь город старается, чтобы радовалась она.

— Чему радовалась?

— Просто радовалась. В этом-то и вся соль игры.

Мисс Полли в негодовании топнула ногой.

— Я вижу, ты не лучше остальных, Нэнси. — Я ведь о том тебя и спрашиваю, что это за игра? Нэнси подняла голову и посмотрела в глаза хозяйке.

— Хорошо, мэм, я расскажу вам. В эту игру нашу девочку научил играть ее собственный отец. Как-то раз ей приспичило иметь куклу, но вместо нее в миссионерских пожертвованиях прислали пару костылей. И она, понятно, заплакала, и любой другой ребенок на ее месте сделал бы так же. Вот так я вам и скажу, милая моя. И вот, послушал ее папаша, как она плачет, а по— , том и скажи, мол, не бывает так, чтобы не найти, чему бы порадоваться. Надо, сказал он, радоваться костылям.

— Радоваться костылям? — едва сдерживая слезы, спросила мисс Полли.

— Именно, мэм. Я вот тоже удивилась. Вот так вам и скажу: удивилась и спросила: «Как можно радоваться костылям, мисс Поллианна?» И она мне тут такое ответила! Оказывается, папаша ее сказал, что радоваться нужно тому, что костыли ей не нужны.

Мисс Полли вскрикнула.

— Ну вот, мэм. После этого они и стали играть в свою игру. Они во всем искали, чему бы порадоваться. И она говорит, у них с первого раза стало получаться. Потому что, когда так все повернешь, мигом перестанешь убиваться, что куклы нет, зато радуешься, что костыли не нужны. И они с папашей назвали это «игрой в радость».

Вот и все, мэм.

— Но как, как, как... — и мисс Полли беспомощно умолкла.

— Вы хотите знать, как это выходит, мэм? — подхватила Нэнси, и глаза ее засияли почти таким же воодушевлением, как у Поллианны. — Вы просто не поверите, но выходит, мэм. Если бы вы только видели, как теперь изменилась моя мама, и вообще все мое семейство. И все благодаря нашей девочке, мэм. Вы же знаете, она два раза ходила со мной вместе к моим. И меня она тоже научила радоваться — и мелочам, и важному, и теперь мне стало гораздо проще. Даже имя Нэнси меня не так огорчает, как прежде. Раньше я прямо убивалась, что меня так неказисто называли. А потом мисс Поллианна возьми и скажи: «Ты должна быть рада, Нэнси, что тебя не зовут Гипзибой». И я стала радоваться. А взять хоть эти утра по понедельникам. Раньше я их просто не выносила. А теперь по милости мисс Поллианны даже радуюсь им.

— Радуюсь утрам по понедельникам? — изумилась мисс Полли.

— Да, да, мэм. Ой, я понимаю, — засмеялась Нэнси. — Наверное, это очень глупо, но все же я вам расскажу. Однажды наша девочка узнала, что я страсть как не люблю вставать в понедельник утром. И что вы думаете? Она взяла и сказала: «Ну, Нэнси, думаю, утром в понедельник ты должна радоваться больше, чем в остальные дни. Ведь у тебя остается еще целая неделя до утра следующего понедельника». И с тех пор, мэм, стоит мне проснуться утром в понедельник, как я вспоминаю слова нашего ягнечка, и мне тут же легчает. Потому что, как я вспомню, меня прямо начинает закатывать со смеху. А смех очень помогает, мэм. Очень помогает, милая моя мисс Харрингтон.

— Но почему же она мне не рассказала о своей игре? — спросила мисс Полли. — Ведь она промолчала даже когда я сама начала расспрашивать.

Немного поколебавшись, Нэнси решительно тряхнула головой:

— Вы, конечно, простите, мэм, но вы сами виноваты. Вы не велели нашей девочке рассказывать о своем папаше. Вот она и не могла рассказать. Игру-то папаша ее сочинил.

Мисс Полли закусила губу.

— Она давно уже прямо рвалась рассказать вам, — продолжала Нэнси. — Ей ведь совсем не с кем было играть. А потом она рассказала мне. Вот я и стала играть, потому что тогда ей больше не с кем было.

— А другие откуда узнали? — дрожащим голосом осведомилась мисс Полли.

— Ну, теперь-то, сдастся мне, об игре в радость все знают. Одним рассказала мисс Поллианна, а другие узнали от тех, кто узнал от нее. Вот так оно и пошло. Да, мэм, так оно всегда и бывает. Вот так я вам и скажу: всегда так бывает. А она, наша девочка, наш ягненок, так была со всеми добра и сама так все время радовалась, что каждый ее примечал. Вот все и переживают с той поры, как этот автомобиль ее сбил. Потому и приходят сюда что ни день. Они хотят, чтобы девочка наша узнала, как они сами теперь радуются. И все потому, что они надеются. Вот так я вам и скажу, милая моя: они надеются, что мисс Поллианне это поможет, и она станет радоваться, потому как она всегда хотела, чтоб они играли в игру вместе с ней, и вот они играют. Вот так я вам и скажу, мэм: они играют, и это все!

— Ну, теперь-то ей все время будет, с кем поиграть, — проговорила сквозь слезы мисс Полли и выбежала из кухни.

— Ну, ты и даешь, мисс Полли, — тихо проговорила Нэнси и, посмотрев туда, где еще несколько секунд назад стояла хозяйка, добавила: — Теперь меня ничем на свете не удивишь. Отныне для меня уже нет ничего без возможностей.

Дождавшись, когда сиделка вышла из комнаты, мисс Полли, изо всех сил борясь с дрожью в голосе, сказала:

— Сегодня к тебе приходила еще одна женщина, моя милая. Ты помнишь миссис Пейсон?

— Миссис Пейсон? Ну, конечно, помню. Она живет по пути между нами и мистером Пендлтоном. У нее хорошенькая дочка трех лет, а мальчику ее почти пять. Если бы вы знали, тетя Полли, какая миссис Пейсон хорошая, и ее муж — тоже. Только вот сами они друг про друга этого пока не знают, и иногда ругаются. То есть, я хотела сказать, они не очень ладят. Они говорят, что это все от бедности. В общем-то, у них нет даже миссионерских пожертвований, потому что мистер Том Пейсон ведь не миссионерский пастор, как... Ну, в общем, он не пастор.

Поллианна и тетя Полли разом покраснели.

— Но, несмотря на то, что они такие бедные, миссис Пейсон иногда очень красиво одевается, — поспешно проговорила Поллианна. — У нее такие восхитительные кольца с бриллиантами, и с рубинами, и с изумрудами! Но она почему-то говорит, что одно кольцо у нее лишнее. Она хочет его выбросить и получить развод. Тетя Полли, вы не знаете, что такое развод? Мне кажется, это что-то скверное. Потому что, когда миссис Пейсон говорила об этом, она стала очень грустной. И еще она сказала, что если она получит развод, они больше тут жить не будут. Мистер Пейсон уедет далеко-далеко, и дети,

наверное, тоже. Только, наверное, ей все-таки лучше не выбрасывать свое кольцо. Так что же такое развод, тетя Полли?

— Знаешь, милая, они никуда не уедут, — избегая прямого ответа, быстро проговорила мисс Полли. — Они решили остаться вместе.

— Ой, я так рада! Значит, я застаю их дома, когда соберусь к ним!.. О, Боже мой, — вскричала девочка, — тетя Полли, ну почему же я никак не запомню, что мои ноги никогда не будут ходить и я больше никогда-никогда не навещу ни миссис Пейсон, ни мистера Пендлтона!

— Ну, ну, перестань, милая, — еле сдерживая слезы, принялась успокаивать ее тетя. — Во-первых, ты можешь ездить к своим друзьям в экипаже. А во-вторых, я тебе недорассказала про миссис Пейсон. Она просила передать тебе еще, что они с мужем будут играть в игру и сделают все так, как ты хотела.

— Правда? Неужели правда? Ой, я так рада! — и заплаканное лицо Поллианны озарилось улыбкой.

— Правда, милая. Миссис Пейсон сказала, что специально пришла передать тебе это. Она надеялась, что ты будешь рада.

— Но тетя Полли, — пристально посмотрела ей в глаза Поллианна. — Вы так говорите, как будто знаете... Вы знаете об игре, тетя Полли?

— Вы?.. — у Поллианны от неожиданности перехватило дыхание. — Ой, тетя Полли, я так рада, — набрав новую порцию воздуха, затараторила она. Понимаете, все это время я больше всего мечтала, чтобы именно вы играли со мной!

Теперь дыхание перехватило у тети Полли.

— Да, милая, — едва слышно проговорила она. Я просто подумала: чем я хуже других? Весь город, кроме меня, играет в твою игру. Даже пастор. Кстати, совсем забыла, я встретила его сегодня утром. Он сказал, что непременно навестит тебя, как только будет можно. И еще он просил передать, что его до сих пор радуют те восемьсот текстов, о которых ты ему рассказала. Так что, даже мистеру Форду ты помогла, милая. По-моему, ты можешь радоваться. Целый город играет в твою игру. И все только потому, что ты расположила их к себе и научила испытывать радость.

Полианна захлопала в ладоши.

— Ой, я так рада! — весело закричала она. — Тетя Полли! Я, наконец, поняла, что у меня есть, чему радоваться. Я могу быть рада, что все-таки ходила. Ведь если бы я и раньше не ходила, я не смогла бы научить их играть.

Никогда еще короткие зимние дни не казались Поллианне такими тягостными и длинными. Однако присутствие духа она не теряла. Ведь теперь в игру включилась сама тетя Полли, и она придумывала столько всего, чему можно радоваться, что Поллианна просто не могла ее разочаровать. Именно тетя Полли разыскала однажды рассказ о маленьких бродягах, которые нашли упавшую дверь. Несчастные дети укрылись под ней от метели, а потом принялись жалеть бездомных, у которых такой двери нет. Позже тетя Полли рассказала племяннице об одной старушке. У нее осталось всего два зуба, и все-

таки старая леди нашла, чему радоваться. «Как хорошо, — говорила она, — что мои два зуба растут один над другим, и я могу ими кусать».

Поллианна старалась не проводить времени даром. Подобно миссис Сноу, она принялась вязать. Теперь по белому покрывалу, под которым она лежала, тянулись яркие шерстяные нити, а Поллианна радовалась, что в аварии не пострадали ее руки и пальцы.

Друзья по-прежнему передавали девочке приветы и пожелания, а некоторым мисс Полли даже позволила повидать племянницу. Один раз Поллианну навестил Джон Пендлтон, а Джимми Бин был у нее уже дважды. Джон Пендлтон сказал ей, что Джимми с каждым днем его все больше! и больше радуется. А Джимми рассказывал, какой у него теперь великолепный Дом. Он также утверждал, что мистер Пендлтон «оказался ну, просто отличной семьей». Кроме того, и Джон Пендлтон и Джимми сказали Поллианне, что обрели друг друга только благодаря ей.

Ну, разве после этого можно не радоваться! — поделилась она с тетей Полли. — Знаете я все время благодарю Бога, что мои ноги когда-то ходили!

Весну Поллианна встретила все в том же состоянии. Предписанное лечение пока не приносило сколько-нибудь видимых результатов, и домашние все больше свыкались с мыслью, что худшие опасения доктора Мида сбываются. Почти все жители Белдингвилля постоянно получали информацию о Поллианне. А один из жителей собирал ее с особой тщательностью. Он знал историю болезни девочки настолько хорошо, словно каждый день лично осматривал ее, и с каждой новой сводкой о состоянии ее здоровья его охватывало все большее беспокойство. Когда же и к весне состояние девочки не улучшилось, человек этот понял, что медлить больше нельзя. Вот почему, поколебавшись еще недолго, доктор Чилтон (а это был именно он) отправился с визитом к мистеру Джону Пендлтону.

— Пендлтон, — перешел он к делу, едва только хозяин провел его в кабинет. — Я решил обратиться к вам, ибо вы, как никто другой, знаете о моих отношениях с мисс Полли Харрингтон.

Джон Пендлтон удивленно посмотрел на приятеля. Он и впрямь знал кое-что о взаимоотношениях Томаса Чилтона и Полли Харрингтон, однако отношения эти прервались больше пятнадцати лет назад, и он не мог понять, отчего доктору взбрело в голову ворошить эту старую историю.

— Я помню, Чилтон, — стараясь вложить в слова как можно больше сочувствия, ответил он.

Но вскоре он убедился, что церемониться нет надобности. У доктора была какая-то цель, и он был столь поглощен ею, что тон мистера Пендлтона волновал его меньше всего.

— Итак, Пендлтон, дело в том, что мне необходимо осмотреть девочку, — быстро проговорил он, — поймите, я просто должен это сделать.

— Ну, и сделайте, — отозвался мистер Пендлтон.

Сделайте! — с отчаянием воскликнул доктор. — уж вам-то, Пендлтон, должно быть известно, что больше пятнадцати лет я не переступаю порог этого дома! Вы знаете, что сказала мне мисс Харрингтон, перед тем как мы расстались? Ну, так знайте: она заявила,

что если я хоть раз получу приглашение в Харрингтонское поместье, это будет означать, что она готова признать вину и выйти за меня замуж. Вот почему я сомневаюсь, что она меня позовет.

— Но зачем вам дожидаться приглашения? Пойдите просто так и осмотрите девочку.

— Знаете, — хмуро ответил доктор, — я еще все-таки не потерял гордости.

— Неужели вы даже ради Поллианны не можете забыть о гордости и об этой ссоре?

— Забыть о ссоре? — возмущенно повторил доктор. — Да я совсем другое имел в виду. Если бы дело шло только о ссоре, я согласился бы пройти весь путь до ее дома на руках или на коленях, только бы помочь девочке. Нет, все дело в профессиональной гордости. Я доктор, а она больная. Не могу же я врваться в дом без вызова. Вот, мол, пришел и умоляю принять мои услуги. Понимаете, Пендлтон?

— Слушайте, Чилтон, а из-за чего вы с ней поругались? — решил спросить мистер Пендлтон. Доктор в сердцах взмахнул рукой.

— Из-за чего? — он вскочил с кресла и снова забегал по кабинету. — А вы, Пендлтон, часто можете сказать, из-за чего все началось? Иногда глупый спор по поводу глубины реки или размеров дома приводит к страшным конфликтам. Тем более, когда речь идет о влюбленных. Наверняка все началось с какой-то чуши, а кончилось годами несчастливой и неприкаянной жизни. Так что, забудьте об этой ссоре, Пендлтон. Я, во всяком случае, готов забыть о ней. Мне не обходимо осмотреть девочку! — воскликнул доктор. — Я верю, девять шансов из десяти, что она может снова начать ходить. И я хочу, чтобы Поллианна Уиттиер снова встала на ноги.

Произнося последние слова, доктор, который по-прежнему быстро расхаживал по комнате, как раз приблизился к открытому окну в сад. В саду же, под окнами, Джимми Бин в это время старательно полыл клумбу с цветами. Услышав, что говорит доктор Чилтон, он затаился и принялся слушать дальше.

— Поллианна? Ходить? Что вы имеете в виду? — удивился Джон Пендлтон.

— Я имею в виду, что история ее болезни, если судить по слухам, которые до меня доходят, очень похожа на ту, что была у пациента моего приятеля по колледжу. Но это неважно. Важно, что он вылечил ее. Мой приятель специализируется по таким болезням. Я тоже немного занимаюсь ими, и мы переписываемся. Вот почему мне просто необходимо осмотреть девочку.

Джон Пендлтон выпрямился в кресле.

— А если вам попробовать через доктора Уоррена? — посоветовал он.

— Боюсь, ничего не получится, — помотал головой доктор Чилтон. — Правда, Уоррен проявил себя как человек благородный. Он сказал мне, что с самого начала предложил мисс Полли вызвать меня к девочке для консультации. Но мисс Харрингтон так решительно запротестовала, что он больше не решается возобновить разговор об этом. Я высказывал ему свои доводы, но... Понимаете, Пендлтон, есть еще одно обстоятельство, которое меня связывает. За последнее время некоторые из самых именитых пациентов

мистера Уоррена перешли ко мне. И все-таки мне необходимо осмотреть Поллианну. Вы только подумайте, какое это может иметь для нее значение.

— Вот, вот, и какое для нее будет иметь значение, если вы ее не осмотрите, — подхватил мистер Пендлтон.

— И, однако, я ничего не могу предпринять, пока ее тетя не вызовет меня. А она никогда этого не сделает.

— Значит, надо заставить ее это сделать.

— Каким образом?

— Не знаю.

— Вы не знаете, а я тоже. И никто не знает, — горестно произнес мистер Чилтон. — Мисс Полли слишком горда, да и сердится на меня до сих пор. И еще, как назло, связала себя много лет назад этим глупым обещанием. Но стоит мне подумать о бедной Поллианне... А что, если я действительно мог бы избавить ее от этой страшной участи?.. А на пути между мной и ею стоит вся эта чушь под названием «гордость» и «профессиональная этика»! Я просто...

Не договорив, доктор запихнул руки в карманы и отправился в очередной поход по кабинету.

— Но неужели ее никак нельзя заставить понять? — спросил Джон Пендлтон.

— Возможно, она и поймет. Только, кто станет ее убеждать? — резко повернулся доктор к мистери Пендлтону.

— Не знаю, — горестно отозвался тот. До сих пор Джимми Бин, затаив дыхание, слушал беседу двух джентльменов. Однако стоило мистери Пендлтону произнести последние слова, как Джимми прошептал: «Готов поклясться, я знаю кто. Это сделаю я!» Тихо прокравшись за угол дома, он, никем не замеченный, выскользнул за калитку и изо всех сил понесся вниз по Пендлтонскому холму.

— Это Джимми Бин, мэм, — войдя в гостиную, объявила Нэнси. — Он хочет вас видеть.

— Меня? — удивилась мисс Полли. — Да ты, верно, не поняла, Нэнси. Он, конечно, хочет видеть мисс Поллианну. Передай ему, пусть зайдет к ней. Только ненадолго.

— Нет, мэм, — упорствовала Нэнси. — Поначалу я все, как и вы, подумала. Но он все твердит, что ему нужны вы.

— Ну, раз так, я сейчас спущусь к нему, — согласилась мисс Полли и устало поднялась со стула.

При виде хозяйки Джимми Бин вытаращил глаза от смущения и густо покраснел.

— Мэм, — нашел в себе силы произнести он. — Я думаю, я скажу сейчас что-то ужасное, но я ничего не могу поделать, и все равно скажу. Это все для Поллианны, а для нее я готов ходить по горящим углям и с вами разговаривать... я вообще на все теперь для нее готов.

Вы бы тоже так сделали, мэм, если бы только поверили, что она может снова ходить. Вот я и пришел к вам сюда. Я узнал, что только гордость и еще что-то другое мешает Поллианне ходить. Но я-то знаю, вам стоит только сказать, и вы, конечно, позовете мистера Чилтона.

— Что? — перебила его мисс Полли. До сих пор она слушала мальчика с совершенно обескураженным видом, но теперь ото всего ее облика повеяло возмущением.

— Но я же не сердить вас пришел! — воскликнул Джимми. — Я потому вам и стал рассказывать, что она правда может снова начать ходить. Я думал, вы хоть это послушаете.

— О чем ты говоришь, Джимми? Джимми шумно вздохнул.

— Так я именно и хочу вам сказать, о чем говорю.

— Ну, тогда я тебя внимательно слушаю. Только, будь любезен, начни все снова и постарайся рассказывать так, чтобы мне было понятно.

— Ну тогда, мэм, — облизнув пересохшие губы, решительно проговорил Джимми, — я, пожалуй, начну. Доктор Чилтон пришел к мистеру Пендлтону, и они разговаривали в библиотеке. Вы понимаете меня, мэм?

— Понимаю, Джимми, — тихо ответила мисс Полли.

— Ну, а окно было раскрыто, а я там на клумбе. Вот я и услышал, чего они говорят.

— И ты, Джимми, стал слушать?

— Они разговаривали не обо мне, и я не подслушивал, — обиделся мальчик. — Но я рад, что услышал, и вы, конечно, тоже будете рады, когда услышите, ведь, может, Поллианна начнет ходить.

Мисс Полли подалась вперед.

— Что ты имеешь в виду, Джимми?

— Да вот об этом я и говорю, — торжествующе произнес Джимми. — Так вот, доктор Чилтон сказал мистеру Пендлтону, что знает какого-то там доктора, и этот доктор может вылечить Поллианну. Вернее, доктор Чилтон думает, что тот сможет, но он не может точно сказать, пока сам ее не осмотрит. Но он сказал мистеру Пендлтону, что вы ему не позволяете.

Мисс Полли заметно покраснела.

— Но я не могу, Джимми... то есть я не могла, я не знала, — стиснув ладони, пролепетала она, и вид у нее сделался совершенно беспомощный.

— Так ведь я и пришел, чтобы вы знали! — с волнением воскликнул мальчик. — Я ведь им не поверил. Я понял, что все из-за того, что вы просто не знали. А они говорили еще, что вы не разрешаете мистеру Чилтону приходить. Они говорят, вы сами ему так и сказали, и теперь он не может сам прийти. Он сказал мистеру Пендлтону, что у него есть

эта... профес... профес... ну, в общем, какая-то гордость, и он не может. И тогда они решили, что кто-то должен вам объяснить, но только никак не могли придумать, кто это сделает. Ну, а я сидел под окном. И когда я это услышал, я сказал себе: «Готов поклясться, я знаю, кто. Это сделаю я!» И я пришел. Теперь, мэм, вам все понятно?

— Понятно, Джимми. Но что это за доктор? Они правда думают, что он сможет поставить Поллианну на ноги?

— Я не знаю, что это за доктор. Они не сказали. Но доктор Чилтон его знает. Он сказал, что этот доктор только что кого-то вылечил с такой же болезнью, как у Поллианны. Понимаете, мэм, доктора Чилтона с мистером Пендлтоном совсем не тот доктор беспокоил, а мисс Поллианна. Ведь вы не разрешаете мистеру Чилтону посмотреть ее. Но ведь теперь вы все знаете. Теперь вы разрешите ему прийти?

Мисс Полли медленно повела головой из стороны в сторону. Она долго ничего не отвечала. Джимми Бин с тревогой прислушивался к ее прерывистому дыханию, и ему казалось, что она сейчас заплачет. Однако мисс Полли не заплакала. Взяв себя в руки, она очень тихо и медленно проговорила:

— Да... я разрешу доктору Чилтону... осмотреть ее... А теперь Джимми, беги скорее домой... Мне нужно поговорить с доктором Уорреном... Я видела, он как раз поднялся к Поллианне.

Прошло еще совсем немного времени, и удивленный доктор Уоррен, стоя в холле, с изумлением внимал раскрасневшейся и явно взволнованной мисс Полли.

— Доктор Уоррен, — часто переводя дыхание, говорила она, — вы как-то попросили, чтобы я позвала на консультацию доктора Чилтона. Я тогда отказалась. Но сейчас... сейчас я подумала... и я согласна. Я очень хочу, чтобы вы пригласили его. Сделайте это, пожалуйста. Заранее вам благодарна.

Когда доктор Уоррен вновь переступил порог комнаты Поллианны, за ним следовал рослый широкоплечий мужчина.

— Доктор Чилтон! О, доктор Чилтон, как же я рада, что вы пришли! — воскликнула Поллианна, и в голосе ее звучал такой восторг, что никто из присутствующих не смог удержаться от слез.

— Но, — словно спохватилась вдруг Поллианна, — если тетя Полли не хочет...

— Все в порядке, милая, — поспешила успокоить ее тетя, которая сама волновалась не меньше племянницы. — Это я попросила доктора Чилтона осмотреть тебя вместе с доктором Уорреном.

— Ну, если вы пригласили его, тетя, значит, все в порядке, — умиротворенно проговорила Поллианна.

— Да, милая, я пригласила его, то есть... Она осеклась, но поздно. Надо было видеть, что стало с доктором Чилтоном. Лицо его озарилось, и он с обожанием посмотрел на мисс Полли. На мгновение взгляды их встретились. Лицо мисс Полли вспыхнуло и, повернувшись, она стремительно вышла из комнаты.

Доктор Уоррен и сиделка стояли у дальнего окна и увлеченно беседовали. Мистер Чилтон простер руки к девочке.

— Поллианна! — голос его срывался от волнения. — Мне кажется, сегодня тебе удалось самое радостное на свете.

Когда в комнате уже начали сгущаться сумерки, мисс Полли пришла снова. Такой Поллианна ее еще никогда не видела. Она под села совсем близко к кровати племянницы и, воспользовавшись тем, что сиделка пошла ужинать, заговорщицки проговорила:

— Поллианна, я тебе первой пришла сказать. Скоро доктор Чилтон станет твоим дядей. И все это благодаря тебе. О, Поллианна, я так рада, я так счастлива! — вдруг громко воскликнула она.

Поллианна по привычке развела руками, чтобы захлопать в ладоши, но в последней момент словно раздумала, и ладони ее застыли в воздухе.

— Так значит, — ошеломленно произнесла она, — значит, это вы, тетя Полли, были рукой и сердцем женщины, о которой он так давно мечтал? Ну да, конечно, это были вы, теперь-то я знаю! Вот почему он мне сказал, что сегодня мне удалось самое радостное на свете. Ой, тетя Полли, я так рада! — застывшие ладони, наконец пришли в движение. — Я так рада, что даже... — Поллианна помолчала, потом добавила: — Тетя Полли, мне даже теперь кажется, что мои ноги не имеют такого значения. Тетя Полли всхлипнула.

— Может быть, милая, когда-нибудь... Договаривать она не стала. Сегодня она еще не решалась рассказать ей, что доктор Чилтон заронил в ее душу надежду. Зато тетя Полли сказала другое, и это привело Поллианну в настоящий восторг.

— На следующей неделе ты, милая, отправишься в путешествие. Ты поедешь на маленькой переносной кровати. На ней тебя перенесут в экипаж, а потом в вагон. Тебе будет удобно. А поедешь ты к доктору, который занимается такими больными, как ты. Он друг мистера Чилтона. Посмотрим, что он сможет для тебя сделать...

"Дорогие тетя Полли и дядя Том!

Я могу, я могу, я могу ходить!

Я сегодня прошла от кровати до окна. Это целых шесть шагов! Как это хорошо — снова быть на ногах!

Все доктора стояли вокруг меня и улыбались, а все сестры стояли около них и плакали.

А леди из соседней палаты, она первая начала ходить еще на прошлой неделе, заглянула ко мне в дверь. А еще одна леди, которая надеется пойти на своих ногах на следующей неделе, тоже была около меня. Она лежала на кровати моей сиделки, смотрела, как я иду, и хлопала в ладоши. И даже черная Тилли, она у нас здесь моет полы, заглянула в окно, и то плакала, то называла меня «милочкой».

Я все-таки не понимаю, почему они все плакали? Самой мне совсем не хотелось плакать. Наоборот: мне хотелось петь и кричать от радости. Ой, неужели я снова могу ходить? Какая ерунда по сравнению с этим, что я провела тут целых десять месяцев. Главное, что Вашу свадьбу я не пропустила! О, тетя Полли, только Вы могли такое придумать:

приехать вместе с дядей Томом и обвенчаться возле моей постели, чтобы я ничего не пропустила. И все потому, что Вы — самая лучшая тетька на свете и умеете придумывать для меня все самое радостное. Тут они говорят, что я уже скоро вернусь домой. Если бы я только могла, я бы всю дорогу до дома прошла пешком. Я правда очень хочу так сделать. Ведь теперь я поняла, что ничего нет лучше, чем ходить пешком. Я так рада! Я так всему рада! Я теперь даже рада, что все это время не могла ходить, потому что, если бы я все время могла ходить, я никогда не поняла бы, как рада, что у меня снова здоровые ноги. Завтра я собираюсь пройти уже восемь шагов.

Передайте всем большой привет от меня! Поллианна".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru

Оставить отзыв о книге

Все книги автора

Женская помощь — одно из многочисленных женских благотворительных обществ в США. (Здесь и далее примечания переводчиков.)

Имеются в виду «американские окна», которые распространены в США; они поднимаются вверх наподобие окон в железнодорожных вагонах.

Здесь имеются в виду американские шторы, которые поднимаются вверх с помощью веревки и специального блока.

«Прячет скелет в шкафу» — то есть пытается скрыть какой-то тяжкий грех или преступление.

Порткошер — навес над подъездом.